Class DG
Book B7

YUDIN COLLECTION

Berg, Fedor Nicolaevich

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Томъ 23-й.

Н. Боевъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

Повѣсть.

ИЗЪ ПОДНЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

1) Страна Горъ.—2) Веймаръ. Тюрингенвальдъ.—3) По Рейну. Кёльнскій Соборъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
ИЗДАНІЕ А. Ѳ. БАЗУНОВА.
30. НЕВСКІЙ ПРОСП. 30.
1874.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ѳ. БАЗУНОВА

(С.-Петербургъ, Невскій проспектъ № 30)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ, фантастическій романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 2 фун.

Сиротская доля. Романъ **Крашевскаго**. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 фун.

Таинственное убійство, романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. пер. за 2 фун.

Пугачевцы. Историческій романъ. **Саліаса**. 4 тома. Москва. 1874 г. Ц. 5 р. пер. за 6 фун.

За скипетры и короны. Историческій романъ Г. Самарова, изд. 2-е. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 25 к., пер. за 2 фун.

Европейскія мины и контрмины. Историческій романъ (продолженіе романа „За скипетры и короны"). 3 части. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 3 фун.

Эпигоны въ Ремерѣ и двѣ императорскія короны. (продолженіе и окончаніе романовъ „За скипетры и короны" и „Европейскія мины и контрмины") **Г. Самарова**. Ц. обоихъ романовъ 5 р. пер. за 7 фун.

Матереубійца. Уголовный романъ. А. Бэло и Ж. Дотэна. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. пер. за 1 фун.

Даколаръ и Любенъ. Уголовный романъ (продолженіе ром. „Матереубійца"). А. Бэло и Ж. Дотэна. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. пер. за 1 фун.

Листопадъ. Историческій романъ второй половины XVIII столѣтія, въ 2-хъ частяхъ, сочиненіе графа Ржевусскаго. Переводъ съ польскаго. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к. пер. за 2 фун.

Дѣльцы. Романъ въ двухъ томахъ П. Бобарыкина. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. пер. за 3 фун.

Романы Вальтеръ-скота. **Вэверлей** или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ съ двумя картинами гравир. на стали и 50 политип. въ текстѣ Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 4 фун.

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ТОМЪ XXIII.

Н. Боевъ.

Berg, Fedot Nikolaevich

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

Повѣсть.

ИЗЪ ПОДНЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

1) Страна Горъ. — 2) Веймаръ. Тюрингенвальдъ. — 3) По Рейну. Кёльнскій Соборъ.—4) Отъѣздъ изъ Веймара. Тюрингенвальдъ.

Н. Боева.

Изданіе книгопродавца А. Ѳ. Базунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго переулка, домъ Франка.
1874.

PG3453
.B45V2

104837
'07.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ *)

I.

— Послѣ класса на верхъ! Тамъ тебѣ казенное бѣлье и платье дастъ каптенармусъ, говоритъ низенькій дежурный офицеръ, крутя рыжіе усы и сумрачно глядя на меня своими зелеными глазами, какъ бы изучая меня.

Я стоялъ въ своей штатской курткѣ, въ огромномъ, свѣтломъ залѣ роты, какъ ошпаренный. Кругомъ столько лицъ, я еще отъ роду не бывалъ въ такомъ большомъ обществѣ. Что-то гудитъ, шумитъ кругомъ, стонъ какой-то въ ушахъ стоитъ...

— Я не знаю-съ, куда на верхъ, замѣтилъ я робко.

— По лѣстницѣ, отвѣчалъ коротко рыженькій офицеръ, растягивая и распѣвая слова.

---

*) Считаю нужнымъ предупредить, что какъ лицо разсказчика, такъ и вообще остальныя лица—вымышленныя, также какъ и самыя происшествія.

— Я не знаю, гдѣ лѣстница.

— Глупъ, рѣшилъ тотъ и затѣмъ крикнулъ:—Ивинъ!

Къ намъ подошелъ, или лучше подбѣжалъ блѣдненькій, миловидный кадетикъ, съ ярко-вычищенными пуговицами на курткѣ, и широко раскрылъ сѣрые, большіе глаза.

— Проводить послѣ классовъ эту куртку на верхъ приказалъ офицеръ,—и сей часъ же назадъ—слышите?

— Слышу-съ, отвѣчалъ тотъ и, взглянувъ на меня, пошелъ.

Я сѣлъ у какого-то стола.

— Штатскій! Штафирка! Сертукъ! говорили мнѣ тихонько.

— Штахонъ! угораздило сказать кого-то такъ громко, что офицеръ оборотился.

— Нероновъ! Безъ блюда! рѣшилъ офицеръ.

Нероновъ, некрасивый, широкоплечій кадетикъ, весь еще смѣясь, всталъ.

— Я нечаянно-съ,—простите.

— Садись! крикнулъ офицеръ.

Но въ это время Нероновъ вспомнилъ, должно быть, что-то очень ужь смѣшное, потому что вдругъ фыркнулъ изо всей мочи.

— Безъ двухъ блюдъ! методически крикнулъ офицеръ.

Всѣ, вокругъ стола, весело засмѣялись.

— Второй столъ на штрафъ!

За столомъ Неронова встали.

Офицеру скучно, должно быть, стало. Онъ сѣлъ въ кресло около стола.

— Черневскій! громко крикнулъ онъ.

Я еще не привыкъ слышать свою фамилію, и растерянный оглядывался.

— Тебя зовутъ, иди! заговорили кругомъ.

Я подошелъ къ креслу.

— Молитву передъ обѣдомъ!

Я не понималъ и молчалъ.

— Читай молитву передъ обѣдомъ!

Я терзался и молчалъ.

— Не знаешь? А сколько тебѣ лѣтъ?

Смущеніе и молчаніе...

— А въ которомъ году родился?

— Въ 39-мъ-съ.

— Глупъ! рѣшилъ офицеръ.

Я ужасно мучился и смотрѣлъ кругомъ, какъ-то ничего не видя. Къ счастію ударилъ, очень громко раздаваясь по корридорамъ, барабанъ.

— Строиться въ классы! крикнулъ офицеръ, вставая и взявъ каску.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, забрали книги и тетради и стали въ два ряда.

Тутъ только я замѣтилъ, что было нѣсколько человѣкъ съ нашивками на погонахъ. Фельдфебель, величественный и положительный господинъ, съ линейкой въ рукахъ, началъ считать ряды.

— Становись тутъ гдѣ нибудь пока съ краю, сказалъ онъ мнѣ, почти не удостоивъ меня взглядомъ. Ну, ты, дѣвчонка, не школьничать! прибавилъ онъ, обращаясь къ одному кадету, и слегка ударилъ его линейкой по плечу.

— Не буду, не буду! отвѣчалъ тотъ, дѣлая хорошенькую гримаску.

Это былъ прехорошенькій, розовый мальчикъ съ свѣтлыми блестящими глазками. Я взглянулъ на него внимательно и онъ мнѣ ужасно понравился.

А онъ, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на дѣвочку, подумалъ я.

— На-право! маршъ! скомандовалъ офицеръ.

Мы шли длинными, широкими корридорами. Пахло въ нихъ дегтемъ и мастикой: во всю длину пола въ корридорахъ были постланы веревочные ковры, пропитанные дегтемъ. Въ чистыхъ высокихъ окнахъ ярко свѣтило солнце.

— Иди сюда, сказалъ мнѣ фельдфебель, указывая на дверь и уходя въ свой классъ.

Я вошелъ въ какую-то комнату, большую, чистую и свѣтлую, уставленную рядами столовъ со скамьями и

увѣшанную большими черными досками. Кругомъ шумѣли и говорили кадеты.

Оглянувшись, я увидѣлъ Неронова, очень ловко прыгавшаго черезъ высокую скамейку, не извѣстно для чего. Его некрасивое смуглое лицо такъ и прыскало смѣхомъ. Около кафедры, хорошенькій кадетикъ, оказавшійся тоже со мной въ одномъ классѣ, чинилъ перо такъ внимательно, что даже кончикъ языка выставилъ.

Я робко подошелъ къ нему.

— Какой у насъ сегодня учитель будетъ? спросилъ я.

— Французъ! отвѣчалъ тотъ, взглядывая на меня, и сдѣлалъ раскепъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Что мы всѣ будемъ дѣлать, отвѣчалъ тотъ просто.

— Какъ же это?

— А вотъ увидишь. Это пустяки,—а ты вотъ тетради попроси чистой—тебѣ выдадутъ. Тебѣ-то нужно только одну, а ты возьми двѣ. Одну мнѣ отдай; хорошо? Смотри же!

Онъ такъ все это ласково проговорилъ, что мнѣ ужь хотѣлось за одно то, что онъ меня не гонитъ и не дразнитъ, сдѣлать ему что-нибудь пріятное.

— Ну да, я отдамъ тетрадь! поспѣшилъ я сказать, избѣгая мѣстоименія.

— Садись со мной, сказалъ онъ, внимательно глядя на меня:—я тебѣ покажу, какъ тетрадь надписывать.

Мое сердечное желаніе сѣсть около того, кто меня такъ приласкалъ, исполнилось само собой...

— Тише, тише, господа! Французъ!

Въ классъ входила низенькая, странная фигурка съ линейкой въ рукѣ, со взъерошенными сѣдыми волосами и очень смѣшнымъ лицомъ.

— Мусье! Бон-журъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Silence! крикнулъ онъ, становясь въ позу и поднимая линейку: Silence!

Всѣ повскакали съ мѣстъ, кромѣ трехъ-четырехъ человѣкъ и въ томъ числѣ моего новаго пріятеля.

— Мусье! кричалъ Нероновъ:—какой у меня прононсъ сталъ! я ходилъ къ доктору показываться, онъ не велѣлъ ломать языкъ. У васъ, говоритъ, и то языкъ бѣлый. Видите—вонъ какой. И Нероновъ высунулъ языкъ. Классъ загрохоталъ.

— Silence! крикнулъ учитель, не перемѣняя позы, и линейкой вдругъ ударилъ по первой попавшейся головѣ.

— Дерется! раздался крикъ, и тутъ я ужь пересталъ понимать, что дѣлается, по непривычкѣ къ такому шуму. Нероновъ зачѣмъ-то становился на голову, ему это не удавалось, и онъ съ шумомъ падалъ на полъ. Два кадета начали бороться и одинъ нарисовалъ мѣломъ на доскѣ очень похожую фигуру учителя.

— Ah, misèrable! кричалъ учитель, бѣгая за учени-

ками съ линейкой въ рукѣ и колотя попавшихся:—на мѣсто! на мѣсто!

Начало понемногу стихать. Раскраснѣвшіеся мальчуганы усѣлись и раскрыли какіе-то книжки.

Учитель сталъ посреди класса съ линейкой.

— Commencez! крикнулъ онъ и началъ декламировать.

Я съ изумленіемъ услышалъ какіе-то странные звуки. Весь классъ хоромъ на разные голоса, не исключая и моего пріятеля, началъ что-то пѣть.

Со-ба-ка—le chien! буквально пѣлъ классъ.

Со-ба-ка—le chien!

Но вдругъ Нероновъ вывелъ такую диковинную руладу пронзительнѣйшимъ дискантомъ, что учитель, не перемѣняя позы и въ тактъ концерту, ударилъ его два раза по головѣ и съ одушевленіемъ продолжалъ дирижировать.

Когда мы пропѣли такъ нѣсколько словъ, прошло довольно времени. Барабанъ ударилъ, и всѣ стали подниматься.

— Мусье! сказалъ мой пріятель, подходя къ учителю—вотъ новичокъ, ему три тетради надо...

— Trois cahiers! пронзительно крикнулъ учитель, такъ что я испугался:—ви, Юкафъ, мошельничество! Trois cahiers! повторилъ онъ, качая головою съ одушевленіемъ и негодованіемъ.

Я потерялъ его изъ виду, Но Юковъ куда-то сбѣгалъ и принесъ-таки три тетради, посовѣтовавъ мнѣ просить у всѣхъ учителей тетради, и если я съ нимъ друженъ, то отдавать ему лишнюю.

Вечеромъ по корридорамъ зажгли лампы. Мы выходили изъ классовъ.

Къ фельдфебелю, считавшему ряды, подошелъ миловидный кадетъ, котораго утромъ офицеръ назвалъ Ивинымъ. Тутъ только замѣтилъ я, какъ, при огнѣ лампы, полосками сверкнули нашивки у него на погонахъ.

— Мнѣ велѣно нынче свести новичка этого—перемѣнить платье, сказалъ онъ.

— Веди, отвѣчалъ фельдфебель ему, останавливаясь:—да спроси у него молитвы. Тотъ говоритъ: дуракъ какой-то—ничего не знаетъ!

Мнѣ стало ужасно грустно, что обо мнѣ такъ думаютъ.

— Удаловъ, Удаловъ! крикнулъ Ивинъ, возьми вещи, отнеси въ ящикъ, пожалуйста.

Изъ-за фронта на зовъ Ивина показался чрезвычайно молодцоватый ефрейторъ. Фамилія шла къ нему. Въ немъ было, въ самомъ дѣлѣ, что-то смѣлое, удалое. Куртка сидѣла не такъ, какъ на другомъ, а какъ-то красиво. Впрочемъ есть такіе, на которыхъ, что ни надѣнь — все красиво.

— А ты куда, Ивушка? спросилъ онъ, подходя къ

Ивину нѣсколько развалистой походкой, которая къ нему очень шла.

— Вотъ новичка платье перемѣнить веду.

У меня сердце замерло отчего-то.

Во фронтѣ слышался во всемъ батальонѣ глухой говоръ. Кадеты собирались.

— Молчать! крикнулъ высокій офицеръ, стоя передъ фронтомъ, который ровно вытянулся во всю длину коридора.—Молчать! 2-я рота!

Удаловъ подошелъ ко мнѣ съ Ивинымъ.

— Чтожь это ты молитвъ-то не знаешь—а? какъ же это ты? спросилъ онъ меня нсбрежно. Ты, значитъ, не молишься, не вѣришь? Да?

— Ну, полно, отстань, говорилъ Ивинъ, полуулыбаясь:—видишь—испугался!

— Это ты какъ же послѣ обѣда? чай, лобъ—отъ перекрестишь, продолжалъ Удаловъ:—слава, молъ, тѣ, Господи,—полопалъ!

— Направо́! крикнулъ высокій офицеръ. Всѣ повернулись.

— Маршъ!

По корридорамъ мѣрно загудѣли шаги.

Мы съ Ивинымъ, отдѣлившись отъ роты, пошли наверхъ въ огромную спальню, тускло освѣщенную закрытыми ночными лампами. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ

я, какъ въ два ровные ряда стройно стояли желѣзныя кровати, раздѣленныя комодиками. Далеко гдѣ-то на самомъ концѣ спальни стояла свѣчка и ходилъ какой-то солдатъ.

— Послушай! крикнулъ Ивинъ,—вотъ бѣлье и платье новичку!

— Сейчасъ принесу, не ходите въ цейхгаузъ, крикнулъ солдатъ.

— Ты, кажется, здѣсь будешь по росту спать, сказалъ Ивинъ, садясь на кровать въ ожиданіи каптенармуса:—отдѣленный у тебя будетъ сердитый, прибавилъ онъ съ участіемъ.

Я обрадовался его участію, потому что чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ здѣсь.

— А вы тоже отдѣленный? спросилъ я.

— Говори мнѣ «ты». Нѣтъ, я десяточный, сказалъ онъ, потупившись:—да и то скоро смѣнять. Плохой я начальникъ, прибавилъ онъ, мило улыбаясь.

— За что же? спросилъ я, все еще не рѣшаясь сказать ему «ты».

— Да ужъ за что нибудь... Ты, я думаю, скучаешь теперь по дому, по своимъ? спросилъ онъ особеннымъ какимъ-то голосомъ.

Мнѣ не хотѣлось передъ нимъ показаться нюней.

— Нѣтъ, мнѣ очень хотѣлось быть кадетомъ, сказалъ я:—мнѣ не жалко ничего дома.

— Вотъ какъ! сказалъ Ивинъ и вдругъ всталъ.

— Вонъ—надѣвай платье.

Я началъ одѣваться и, поглядѣвшись въ зеркало, нашелъ, что въ кадетскомъ платьѣ я лучше.

— Ну, вотъ и хорошо, сказалъ Ивинъ, оглядѣвъ меня и вдругъ остановился:—трудно тебѣ будетъ сначала, Удаловь твой отдѣленный унтеръ-офицеръ, прибавилъ онъ задумчиво:—Удаловъ хорошій, только съ нимъ трудно. А ужь этотъ вашъ рыжикъ... (онъ махнулъ рукой) будь опрятнѣе, не рви платье, молитвы учи, да и все дѣлай, а то что́ сто лѣтъ безпогонникомъ то ходить!

У меня въ самомъ дѣлѣ не было погоновъ на куртке́.

— Когда-жь мнѣ ихъ дадутъ?

— А вотъ заслуживай, поступай во фронтъ, учись хорошо, сказалъ Ивинъ, уже идя внизъ и улыбаясь.

II.

Я ужасно страдалъ первое время. Рыженькій офицеръ, мой отдѣленный, все наказывали меня, и я вѣчно голодалъ, потому что уменя совершенно неестественно какъ-то рвалось и пачкалось платье, и ружейные пріемы мнѣ трудно давались. Удаловъ, который самъ ходилъ всегда очень чисто и былъ отличный фрунтовикъ, нена-

видѣлъ неряхъ и слабыхъ. Насъ было человѣка три въ отдѣленіи совсѣмъ потерянныхъ.

— Ну вы! маршъ чиниться! Лохмотники! относился онъ къ намъ почти съ презрѣніемъ.

— Ты его загоняешь, говорилъ разъ Ивинъ:—вѣдь онъ еще вновѣ.

— Есть объ чемъ толковать, отвѣчалъ Удаловъ:—дрянь, сволочь какая-то!

Ивинъ со мной не заговаривалъ, да онъ вѣчно былъ занятъ, или уроками, или дежурствомъ по ротѣ, или вѣчно былъ въ кружкѣ фельдфебеля и лучшихъ кадетъ, хотя только однимъ классомъ былъ выше меня. Его, видимо, всѣ любили и всѣ какъ-то сами къ нему подходили, а не онъ къ другимъ. Въ кружку его я и думать не смѣлъ подойти. Ивинъ былъ мнѣ не ровня. Но когда говорилъ со мной—всегда такъ хорошо! Нероновъ мнѣ нравился, но я его побаивался—очень ужь боекъ былъ...

Одинъ, съ кѣмъ я сошелся и кто мнѣ нравился,—это хорошенькій Юковъ. Но одно обстоятельство сдѣлало измѣненіе въ отношеніяхъ моихъ къ нему.

Разъ, между классами, въ наше отдѣленіе зашелъ одинъ большой кадетъ гренадерской роты, извѣстный своею силою и вліяніемъ въ старшемъ классѣ. Онъ ходилъ всегда переваливаясь и нѣсколько засучивъ рукава.

Изъ большихъ классовъ къ намъ никогда не заходили,

и потому мы окружили силача съ любопытствомъ.

— Прочь, мелюзга! крикнулъ онъ, раздвигая насъ.

Мы разступились.

— Кто тутъ у васъ Юковъ? спросилъ онъ, ступивъ самъ впередъ.

— Вотъ Юковъ, вотъ Юковъ! подвернулся было схватить силача за руку Нероновъ, и за дерзость получилъ тумака, но получилъ его, какъ нѣчто должное и тотчасъ же забѣжалъ съ другой стороны.

Юковъ весь вспыхнулъ до ушей и наклонился къкнигѣ.

— Ну, подними-жь голову! говорилъ силачъ, кладя могучую руку на плечо Юкова.

Тотъ поднялъ раскраснѣвшееся личико и застѣнчиво улыбнулся.

— Хорошенькій! замѣтилъ силачъ благосклонно и провелъ ему тихонько рукой по волосамъ противъ шерсти.

— Писаный, мазаный! кричалъ Нероновъ:—пряникъ вяземскій!

Силачъ сталъ было выходить, но пріостановился.

— Какъ тебя тамъ? пришибу! крикнулъ онъ:—я тѣ дамъ приставать!..

. . . . . .

Прошло мѣсяца два.

Я ужь началъ понемногу и оглядываться. Для меня перестало быть чѣмъ-то особеннымъ мое жительство въ

корпусѣ, а стало дѣломъ совсѣмъ будничнымъ. Со мной ужь разговаривали, и я наконецъ получилъ погоны.

Одно, что меня сокрушало, это то, что я никакъ не могъ выдти по фронту изъ слабой команды и стать со всѣми тѣми молодцами, которые такъ ровно и стройно идутъ шеренгой по залѣ.

Начальство мое ближайшее, кромѣ Удалова, было: рыженькій офицеръ и высокій ротный командиръ съ длинной шеей и весьма глупымъ какимъ-то видомъ. Съ ними были у меня престранныя сношенія. Онѣ ограничивались, можно сказать, наказаніями. Утромъ до завтрака, еще при лампахъ, насъ осматривали. Нѣкоторые, очень немногіе, были избавлены отъ осмотра, какъ постоянно опрятные. Я, конечно, не былъ въ ихъ числѣ.

Рыженькій офицеръ, крутя усы, остановился въ позу полководца.

— Куртки! кричалъ онъ намъ.

Мы снимали куртки, и онъ ихъ осматривалъ.

— Черневскій безъ булки! кричалъ онъ.

— Сапоги!

Мы снимали сапоги.

— И безъ чаю! прибавлялъ офицеръ, методически распѣвая и усматривая что-то на сапогѣ.

Но для меня постоянно оставалось тайной, какъ онъ отыскивалъ такія крошечныя прорѣхи, которыхъ я ни-

когда не могъ увидѣть. Нѣкоторое время я имѣлъ серьезное подозрѣніе, что, осматривая куртку, онъ самъ ее рветъ, чтобы наказать.

Первое время Удаловъ иногда подходилъ ко мнѣ.

— Ты, братъ, говорилъ онъ небрежно: — и вкусъ-то булочный позабылъ. Не для себя, ты бы хоть для булокъ-то поопрятнѣй ходилъ!

Но потомъ это стало такъ обыкновенно, что онъ ужь ничего не говорилъ.

Одинъ разъ мнѣ задалъ рыженькій офицеръ выучить имена и фамиліи всѣхъ корпусныхъ начальниковъ. Но, не зная ихъ въ лицо, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ генераловъ главнаго штаба корпуса, не имѣя даже надежды видѣть когда нибудь лично, я никакъ не могъ запомнить и все мѣшалъ имена. Онъ сдѣлалъ изъ этого даже предлогъ для остроумія.

— Постойте! говорилъ онъ, останавливая напримѣръ какого нибудь офицера, при мнѣ: — онъ васъ Иваномъ Сергѣичемъ зоветъ.

— Ха, ха, ха! отвѣчалъ тотъ:—какъ же это вы, батюшка? какъ же это?

— На штрафъ! рѣшалъ рыженькій офицеръ.

Я почти ужь заранѣе становился.

Удалову онъ велѣлъ меня спрашивать имена начальниковъ и молитвы.

Тотъ, имѣя и своихъ много занятій, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Да никогда онъ не выучитъ именъ этихъ, говорилъ онъ офицеру: — вотъ поживетъ, всѣхъ узнаетъ поневолѣ.

— Не разсуждайте! ровнымъ голосомъ протянулъ офицеръ.

Но молитвы и сигналы—вотъ было настоящее мученіе для меня! Рыженькій хотѣлъ, кажется, просто быть моимъ законоучителемъ. Удаловъ, бывало, переспроситъ меня всѣ молитвы, говоритъ, что я ихъ знаю, и садится уже, заткнувъ уши, за книгу.

— Отче нашъ! говоритъ рыженькій.

Прочтешь.

— Молитву господню!

Прочитавъ сейчасъ «Отче нашъ», я ужь думаю, что эта какая-нибудь другая молитва, и мучусь, припоминая.

— Не знаешь, рѣшаетъ тотъ:—третій членъ Символа вѣры!

Скажешь.

— Нагорную проповѣдь!

Но я рѣшительно ужь не знаю, что это такое. Перепугаюсь и молчу.

— Глупъ! рѣшаетъ офицеръ:—Удаловъ!

Удаловъ подходитъ съ видомъ мученика.

— Подъ арестъ! говоритъ тотъ, указывая на меня.

— О, чтобъ тебя! бранитъ меня же Удаловъ, ведя на верхъ.

— Да я же зналъ, ей-Богу, а онъ... возражаю я.

— Молчи ужь ты, по крайней мѣрѣ! отвѣчаетъ тотъ, не слушая, съ сердцемъ.

За обѣдомъ начальство ставило обыкновенно горниста, который пронзительнѣйшимъ образомъ отъ времени до времени наигрывалъ сигналы, чтобы ихъ всѣ помнили. Это, кажется, всѣмъ обѣдъ отравляло.

По поводу этихъ сигналовъ у меня было столкновеніе и съ длиннымъ ротнымъ командиромъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ во время обѣда одинъ разъ.

— Какой сигналъ сейчасъ играли? спросилъ онъ.

— Я не слыхалъ-съ, схитрилъ я.

Но это не помогло; капитанъ махнулъ рукой, и сигналъ повторился.

— Какой это сигналъ?

— Отступленіе, тихо подсказалъ Нероновъ, сидѣвшій рядомъ.

— Наступленіе, повторилъ я, не раслыхавъ.

— Врете, батюшка, сказалъ капитанъ: — а какъ играется сигналъ: «на-право?»

Я въ недоумѣніи стоялъ, какъ же это изобразить, какъ онъ играется?

— Ну что-жь вы стоите? пропойте!

Извольте тутъ пѣть! но я рѣшился быть лучше наказаннымъ, чѣмъ пѣть подъ насмѣшливыми взглядами товарищей.

— Я не слыхалъ-съ, отвѣчалъ я.

Капитанъ, нисколько не конфузясь, вдругъ пропѣлъ непріятнѣйшимъ голосомъ «трамъ, тарамъ, трамъ», и велѣлъ повторить. Я, дѣлать нечего, повторилъ запинаясь.

— Оставьте его безъ блюда, сказалъ отходя ротный командиръ.

Надѣясь хоть сегодня пообѣдать какъ слѣдуетъ и опять обманувшись въ надеждѣ, я заплакалъ наконецъ...

— О пирогѣ плачетъ, замѣтилъ съ презрѣніемъ Удаловъ, который самъ пирога не взялъ, понюхавъ и назвавъ его гадостью. Онъ и обжоръ не любилъ.

Но не изъ обжорства одного горько плакалъ я по ночамъ, обливаясь слезами,—меня мучило, мучило безсознательно это надругательство надъ дѣтскою душой... Удалову я ничего несказалъ, да онъ бы и слушать не сталъ. Ивинъ со не заговаривалъ, Нероновъ все школьничалъ и смѣялся надо мной, а Юковъ... Юковъ, видимо, началъ почему-то избѣгать меня и отвертываться, едва отвѣчая. Мы уже съ нимъ и въ классѣ вмѣстѣ не сидѣли: мнѣ ужь было по балламъ назначено мѣсто, правду сказать, не высокое. Я не зналъ, чему все это приписать, и мучился.

Да и какъ было не мучиться. Иногда во время занятій командиръ и рыженькій офицеръ, захвативъ какого нибудь офицера посторонняго вѣдомства, устраивали изъ меня потѣху.

— Тебя чѣмъ мать дома кормила — пирогами? А? спрашивалъ онъ и хохоталъ. Пхы, хы, хы!

— Нагорную проповѣдь! говорилъ важно рыженькій.

— Онъ у васъ и проповѣдуетъ! усмѣхался офицеръ посторонняго вѣдомства.

— Какъ же? Пхы, хы, хы! отчего ты глупъ? А? спрашивалъ меня капитанъ.

Я молчалъ перепуганный.

— Отчего? Но? кричалъ уже капитанъ.

— Я не знаю-съ, отвѣчалъ я, готовый плакать съ отчаянія, что я глупъ.

— Скажи, Богъ сотворилъ! Ну, говори!

— Богъ сотворилъ! повторялъ я машинально.

— Глупъ! рѣшительно заключалъ рыженькій.

Разъ, послѣ одной изъ такихъ сценъ, ко внѣ вдругъ какъ-то быстро подошелъ Удаловъ.

— Садись за мой столъ, около меня, не уходи къ тому столу! сказалъ онъ, не глядя на меня. Я повиновался.

Онъ молча сѣлъ на свое мѣсто и нагнулся надъ книгой.

Я ничего не понималъ.

Ивинъ, сидѣвшій тутъ-же, обратился ко мнѣ.

— Если тебя будутъ спрашивать, скажи, что ты просилъ Удалова показывать изъ математики, слышишь? научилъ онъ меня, дружелюбно взглянувъ на Удалова.

Я понялъ и съ благодарностью, задумавшись, глядѣлъ на Удалова.

— Занимайся что ли! чортъ! опять вѣдь накажутъ! экая дрянь! прикрикнулъ онъ и ударилъ меня книгой по рукѣ, какъ бы сердясь на себя за свою выходку и не желая, чтобъ я забылся и принялъ ее за расположеніе къ себѣ.

Съ этихъ поръ я всегда садился около Удалова. Разъ какъ-то подошелъ капитанъ.

— Пхы! что ты на этомъ столѣ дѣлаешь? ты, умный! крикнулъ было онъ.

— Я его посадилъ здѣсь заниматься, сказалъ твердо Удаловъ, молодцовато закинувъ голову и прямо глядя въ глаза капитану.

— Что вамъ за охота съ нимъ возиться? спросилъ тотъ уже съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Просилъ, отвѣчалъ коротко Удаловъ и сѣлъ.

Вечеромъ въ тотъ же день Удаловъ, не говоря со мной ни слова, отдалъ приказаніе дневальному солдату, указывая на меня.

— Нужно вотъ Черневскаго разбудить завтра до зари. Починисьи вычисти все хорошенько, сказалъ онъ мнѣ и пошелъ.

Я вычистился тщательно и еще выучилъ урокъ прежде, чѣмъ ударилъ барабанъ. И за то на другой день все ѣлъ сполна и получилъ хорошій баллъ. Къ вечеру я былъ въ такомъ славномъ расположеніи духа, что не утерпѣлъ и, преодолѣвъ робость, подошелъ къ Удалову, когда тотъ занимался, дѣлая на доскѣ какой-то мудреный чертежъ.

Я нынче, началъ я радостно...

— Что ты нынче? спросилъ тотъ, изумляясь, что я съ нимъ заговорилъ.

— Вы велѣли меня разбудить и я былъ опрятенъ,— отъ этого и хорошій баллъ получилъ.

— Убирайся къ чорту! сказалъ онъ, отвертываясь:— только сбилъ меня...

И онъ сильно застучалъ мѣломъ по огромной доскѣ, такъ что она задрожала и сломался мѣлъ.

Но съ этихъ поръ уже постоянно меня будили, конечно, по его приказанію.

Въ субботу онъ ужь совсѣмъ какимъ-то молодцомъ въ полной формѣ, которая очень красиво на немъ сидѣла, своей развалистой походкой вѣжливо подходилъ къ дежурному офицеру.

— Я отпущенъ, говорилъ онъ серьезно.

— Желаю вамъ веселиться, обыкновенно говорили ему офицеры вѣжливо.

Его, конечно, какъ другихъ, не осматривали и не спрашивали билета—онъ пользовался полнымъ уваженіемъ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни къ намъ зашелъ директоръ въ роту.

Директора я ужь совсѣмъ какимъ-то божествомъ считалъ, съ его строгой сѣдой физіономіей, эполетами, крестами, передъ которыми все склонялось, и я только могъ его бояться, какъ Юпитера какого нибудь.

Мы, молча и вытянувшись, окружили его. Онъ оглядѣлъ всѣхъ.

— Чтожь вы, Ивинъ, не въ отпуску? милостиво спросилъ онъ.

— Не къ кому-съ.

— Мы все хорошіе баллы получаемъ, только съ языками у насъ что-то плохо—да? продолжалъ директоръ ласково.

Ивинъ прокраснѣлъ.

— Прекрасно учится, только по языкамъ и не хорошо, ваше п— ство, замѣтилъ капитанъ, который стоялъ за директоромъ, серьезно и склоняясь съ каской въ рукахъ.

— А Удаловъ? Что я его не вижу?

— Въ отпуску, ваше п—ство, отвѣчалъ капитанъ.

— Все танцуетъ, замѣтилъ директоръ:—и прекрасно. Я видѣлъ его прошлое воскресенье—любовался. А учится? спросилъ онъ.

— Изъ первыхъ постоянно, ваше п—ство, отвѣчалъ капитанъ съ удовольствіемъ, что его рота такъ отличается.

Ивинъ радостно улыбнулся за Удалова.

— А! это новичекъ—ну, что онъ? спросилъ директоръ:—я слышалъ, плохъ?

У меня душа въ пятки ушла.

— Нынче началъ поправляться, ваше превосходительство, замѣтилъ капитанъ, подаваясь на носки, какъ бы съ сожалѣніемъ:—вотъ и Удаловъ говоритъ, что лучше сталъ.

— Ну, то-то же, смотри—ты вѣдь насъ не знаешь! Нѣтъ! совсѣмъ не знаешь! Мы тебя выучимъ—смотри! сказалъ директоръ, взглянувъ на меня, и, строго погрозивъ пальцемъ, вышелъ.

Я вздохнулъ,—точно гора съ плечъ свалилась. Ну, слава Богу!—думалъ я почему-то...

III.

Скучный день воскресенье! Сидишь въ залѣ — утромъ къ обѣднѣ, потомъ ходишь изъ угла въ уголъ. Заниматься не хочется,—все это ужь и въ будни надоѣло. Слава Богу, хоть не пристаютъ. Но какая тоска! Всѣ ушли въ отпускъ, и Юковъ, и Нероновъ. Удаловъ

теперь танцуетъ, веселится. Въ ротѣ тихо. Лампы тускло горятъ въ большой залѣ. Кто-то примостился подъ лампой и занимается. Двое сдѣлали изъ бумаги шашечницу, изъ хлѣба шашки и рѣжутся на булки.

— Значитъ, три булки, говоритъ одинъ.

— Врешь, двѣ! я еще вчера отыгрался!

Нѣкоторые сидятъ кучками и говорятъ. Подойдешь,— незнакомые, странно смотрятъ, совѣстно передъ ними. Иные по корридорамъ ходятъ. Вечера длинные—длинные.

Офицеръ читаетъ. Это не нашъ, а черный какой-то и дежуритъ по случаю. Онъ зѣвнулъ, потомъ опять началъ читать.

— Черневскій! слышу я голосъ.

Оборачиваюсь—Ивинъ. Грустный такой сидитъ.

— Что?

— Давай поговоримъ—тебѣ скучно кажется?

— Да; а тебѣ чего скучать?

— Мнѣ? еще бы не скучать. Ахъ, что за мученье жить далеко отъ дому, никого не видѣть. Ты тоже по своимъ скучаешь—да?

— Что мнѣ дѣлать! началъ я, ободренный его словами и участіемъ и чуть не плача: — всѣ меня гонятъ, всѣмъ я надоѣлъ... и Удалову! а чѣмъ я виноватъ?..

— Обойдется, привыкнешь, сказалъ онъ задумчиво:— у тебя есть отецъ, мать, братья или сестры?

Это видимо была его задушевная тема.

— Есть, отвѣчалъ я грустно.

— Ты очень ихъ любишь?

— Ужасно люблю; мнѣ бы вотъ только какъ нибудь кончить здѣсь, а то будемъ опять вмѣстѣ жить!

И мы говорили, говорили безъ конца. Потомъ нарисовали планы домовъ своихъ въ деревнѣ, распрашивали другъ у друга всѣ мелочи, гдѣ что стоитъ, какъ живутъ. Ивинъ нарисовалъ свой планъ на грифельной доскѣ, и вдругъ на доску изъ его прекрасныхъ, большихъ глазъ неудержимо и крупно закапали слёзы.

Я съ участіемъ взглянулъ на него.

— Господи, хоть бы разокъ теперь взглянуть на все это! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и вытеръ глаза:— ты вотъ счастливый, продолжалъ онъ, прямо во второй классъ поступилъ, а я-то—съ приготовительнаго!

Онъ опять заплакалъ.

— Развѣ тебѣ такъ скучно? спросилъ я: — тебя всѣ любятъ. Ты счастливый.

— Да, только и пріятно съ товарищами. Я со всѣми друженъ. Да, я со всѣми друженъ, прибавилъ онъ и повеселѣлъ, вспомнивъ это обстоятельство: — если бы не это—просто бѣда. И въ отпускъ-то ходить не къ кому.

— А со мной никто не хочетъ знаться; и Юковъ вотъ отъ меня теперь уходитъ. А мы было сначала подружились.

— Какой Юковъ хорошенькій! замѣтилъ Ивинъ, и помолчавъ какъ бы грезя, сказалъ:—знаешь что? Будемъ съ тобой дружны! мы, когда свободно, будемъ говорить объ домѣ. Я ужасно объ этомъ говорить люблю, а здѣсь, кромѣ тебя, не съ кѣмъ объ этомъ и говорить.

— Ахъ, пожалуйста будемъ дружны! поспѣшилъ я прибавить, еще и не мечтая о такой чести:—только мнѣ некогда будетъ съ тобой говорить—съ тобой столько говорятъ! вонъ Удаловъ! произнесъ я съ уваженіемъ.

— Удаловъ — да, только онъ объ другомъ, онъ объ этомъ не говоритъ и смѣяться будетъ, сказалъ Ивинъ, задумчиво: — а знаешь еще что? прибавилъ онъ: — будь ты повнимательнѣй, все дѣлай, будь опрятенъ и по фронту старайся, а то у насъ какъ-то смотрятъ на это... Ну и всѣ съ тобой хороши будутъ.

Барабанъ ударилъ къ ужину.

— Смотри же, говорилъ онъ, пожимая мнѣ руку:— мы теперь съ тобою дружны. Онъ тихонько улыбнулся.

— Ахъ, да, да, поспѣшилъ я отвѣтить.

— Строиться къ ужину! крикнулъ офицеръ, лѣниво потягиваясь.

У меня сердце весело билось. Слава Богу, думалъ я, чувствуя себя уже не совсѣмъ одинокимъ и брошеннымъ.

———

IV.

Наступилъ великій постъ. Я ужь началъ и въ классахъ и въ ротѣ освоиваться. Не смотря однако на постоянное расположеніе ко мнѣ Ивина, Удаловъ никогда со мной не говорилъ, или, если говорилъ, то что нибудь приказывалъ, или ругался и даже дрался, когда ужь я въ самомъ дѣлѣ былъ очень разсѣянъ, или невнимателенъ. Но мнѣ все это было вовсе не тяжело отъ него, потому что нельзя было не замѣтить, какъ онъ желалъ меня избавлять отъ наказаній и вообще сдѣлать порядочнымъ мальчикомъ, хотя ни мнѣ, никому объ этомъ не горилъ ни слова. Но отъ начальниковъ моихъ, рыженькаго и капитана, мнѣ уже было мучительно и тяжело слышать насмѣшки.

Въ послѣднее время судьба послала мнѣ въ наказаніе фронтовое ученье. Прежде ко мнѣ приставляли какого нибудь кадета, съ которымъ я больше разговаривалъ, чѣмъ учился, разъ даже поставили Неронова, который мнѣ вдругъ началъ показывать, какъ ловко можно за кончикъ штыка удержизать ружье въ равновѣсіи, что не относилось къ его обязанности, конечно. Капитанъ засталъ его за этимъ занятіемъ, вмѣсто похвалы ему, оставилъ его безъ двухъ блюдъ

и назвалъ школяромъ, чему тотъ даже, повидимому, радовался и, по уходѣ капитана, вмѣстѣ съ ружьемъ прыгнулъ черезъ тубуретку.

Капитанъ велѣлъ меня поставить въ шеренгу и раздѣлить всю шеренгу по ефрейторамъ. Я опять попался къ Удалову. Тотъ оглядѣлъ меня.

— Смирно! скомандовалъ онъ.

Я вытянулся.

— На плечо! Я сдѣлалъ. Мнѣ показалось, что мой пріемъ понравился Удалову, и я уже, съ нѣкоторымъ трескомъ, сдѣлалъ по его командѣ на караулъ.

— Къ ногѣ, вольно! скомандовалъ онъ и, уже не занимаясь мною, обратился къ другимъ, которыхъ началъ учить отдѣльно.

Я удивился и взглянулъ на него. Но на его лицѣ трудно было видѣть, что онъ хочетъ дѣлать.

Подошелъ капитанъ.

— Что-жь вы его не учите? спросилъ онъ.

— Рѣшительно ничего не знаетъ. Его съ этими нельзя учить. Я займусь имъ отдѣльно, сказалъ Удаловъ.

— Эко сокровище! Пхы! началъ было капитанъ...

— Смирно! громко перебилъ Удаловъ:—тебѣ не надо, прибавилъ онъ мнѣ.

Всѣ вытянулись въ его шеренгѣ. Капитанъ ушелъ.

— Ну, теперь ты! сказалъ неутомимый Удаловъ, скомандовавъ шеренгѣ:—вольно.

Я вытянулся.

— Да чего же ты пучишься! крикнулъ онъ:—грудь впередъ, зачѣмъ плечи поднялъ? Стой ты свободно! Думаешь: фронтъ, такъ и самоваромъ надо! Ну, гляди: на плечо!

Удаловъ сталъ во фронтъ передо мной. Ружье ровное, какъ стрѣлка, сверкнуло—и словно врѣзалось: неподвижно стало у его плеча.

— Видишь? Ну на плечо!

Но у меня ружье изъ рукъ валилось и неуклюже шаталось.

— За что меня Богъ тобой наказываетъ! взбѣшенный крикнулъ онъ.

Въ это время къ намъ подходилъ фельдфебель, который разъ на всегда былъ избавленъ отъ ученья, съ доской въ рукахъ. Я никогда не слыхалъ, о чемъ и какъ онъ говорилъ. Со мной онъ никогда не говорилъ ни слова. Они были одноклассники и тайные, кажется, соперники съ Удаловымъ.

— Удаловъ, сказалъ онъ, ты ужь дѣлалъ задачу?

— Давно, еще утромъ, отвѣчалъ тотъ покойно.

— Какъ тутъ логарифмы у тебя вышли?

— А ты не сдѣлалъ? усмѣхнулся Удаловъ почти явно.

— Нѣтъ сдѣлалъ, отвѣчалъ фельдфебель, покраснѣвъ съ досады:—но какъ у тебя?

— Я тебѣ пожалуй покажу, сказалъ съ разстановкой, снова усмѣхаясь, Удаловъ ивзялъ грифель и доску. Вольно! обратился онъ ко мнѣ.

Я исполнился глубочайшаго уваженія къ Удалову. Онъ начиналъ для меня дѣлаться какимъ-то идеаломъ.

Послѣ ученья, вышедши въ корридоръ, я увидѣлъ Ивина, который ходилъ подъ руку съ Юковымъ и что-то ему очень весело и съ одушевленіемъ разсказывалъ. Тотъ смѣялся. Такъ какъ Юковъ, видимо, избѣгалъ меня, то я и посовѣстился къ нимъ подойти и только уже послѣ, столкнувшись въ дверяхъ съ Ивинымъ, остановилъ его.

— Ты съ Юковымъ ходилъ сейчасъ? спросилъ я.

— Да, онъ отличный! сказалъ, отчего-то потупясь и краснѣя, Ивинъ...

V.

Наступила четвертая недѣля,—мы говѣли обыкновенно, и въ это время классы прекращались. Два раза въ день ходили мы въ церковь. Тамъ облаками стоялъ дымъ ладона, и тускло въ этомъ дыму мерцали свѣчи передъ образами. Лики святыхъ смутно, какъ видѣнія, выступали

изъ облаковъ дыма. Мнѣ казалось, что они какъ-то строго смотрятъ на эти ряды кадетъ, которые стояли тихо, изрѣдка крестясь и кланяясь. Сѣрый день сумрачно всю недѣлю глядѣлъ въ большія напотѣвшія окна церкви. Сквозь дымъ виднѣлись на темномъ правомъ крилосѣ кадеты— пѣвчіе и милое лицо Ивина (который тоже былъ въ пѣвчихъ), задумчиво прислонившагося къ рѣшоткѣ, съ руками сложенными на груди.

Изъ боковой двери, тихо склоняясь, проходила темная высокая фигура батюшки, съ длинной, русой бородой. Блѣдный, задумчивый, онъ неслышно становился передъ на глухо-закрытыми царскими дверями и широко крестился.

— «Господи, владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми», говорилъ онъ тихо-сосредоточенно.

Тутъ я обыкновенно чувствовалъ себя какъ-то грустно, но пріятно и, вспоминая какіе нибудь свои грѣхи, крестился и становился на колѣни, слегка впрочемъ поглядывая по сторонамъ на молящихся кадетъ.

«Ей Господи!» восклицалъ уже священникъ, падая на колѣни съ какимъ то торжественнымъ сокрушеніемъ...

— Господи, Господи! прошепталъ кто-то съ чувствомъ около меня.

Я оглянулся. Въ одномъ ряду со мною, какъ бы ничего не видя, упалъ на колѣни, заливаясь слезами, Юковъ.

— Господи, Господи! тихонько повторялъ онъ, какъ-то крѣпко—крѣпко и съ усердіемъ крестясь и плача.

Увлекаясь его примѣромъ больше, чѣмъ по собственному чувству, я тоже начиналъ усердно молиться и съ истиннымъ наслажденіемъ прислушивался къ грустному голосу батюшки.

«Господи, владыко живота моего», внятно раздавалось по церкви...

Удаловъ стоялъ съ боку и красиво крестился, угрюмо хмурясь и что-то думая...

Передъ исповѣдью у насъ было обыкновеніе просить прощенія другъ у друга.

Нероновъ и тутъ сошкольничалъ, поймавъ гдѣ-то на лѣстницѣ француза-учителя, онъ пристадъ къ старику, чтобы тотъ его простилъ.

— Quoi? Quoi? спрашивалъ тотъ, не понимая.

— Простите меня.

— Quoi mon cher? повторилъ тотъ.

— Чтожь вы не хотите простить, какъ же я на исповѣдь пойду?

— Какой исповѣтъ? Пошелъ вонъ, misérable, крикнулъ тотъ уже взбѣсившись.

Но большею частію всѣ были тихи и серьезны въ нашей ротѣ.

Я подошелъ къ Удалову, который ходилъ по залѣ и читалъ.

— Простите меня, сказалъ я робко:—если я вамъ что сдѣлалъ.

Тотъ удивленно взглянулъ и молча повернулся ко мнѣ спиной.

Ивинъ засмѣялся тихонько, когда я подошелъ къ нему.

— Въ чемъ мнѣ тебя прощать? Юковъ, что съ тобой? прибавилъ онъ.

Къ намъ подходилъ Юковъ, блѣдный и взволнованный.

— Простите меня, господа, пожалуйста, сказалъ онъ какъ-то стремительно:—ты, ты меня прости! обратился онъ вдругъ ко мнѣ:—прощаешь? Да? Скажи же!

На его хорошенькомъ, поблѣднѣвшемъ личикѣ было какое—то странное выраженіе и глаза заплаканы.

— Ахъ, да! ты прости меня! сказалъ я нѣсколько сконфуженно, потому что всегда какъ-то неловко говоритьсъ тѣмъ, съ кѣмъ давно безъ причины, или по причинамъ не говорилъ.

Онъ быстро пошелъ было въ корридоръ, но его задержала толпа кадетъ, хлынувшая въ двери. Среди толпы въ черной длинной рясѣ и бархатномъ клобукѣ, перебирая золотой цѣпью большаго шейнаго креста, двигалась высокая, почтеннвя фигура батюшки.

— Тише, тише, господа! говорилъ онъ, медленно благословляя подходившихъ къ нему кадетъ.

Мы всѣ молча столпились вокругъ. Удаловъ тихонько вышелъ изъ залы.

— Господа! началъ батюшка:—вы всѣ приступаете нынѣ къ великому таинству. Смотрите же, не забудьте! Съ сердцами чистыми должно предстать предъ Господа. Всякій, идя на исповѣдь, провѣрь себя,—точно ли ты всѣхъ отъ сердца простилъ, тебя всѣ ли простили. Провѣрь, не питаешь ли къ кому злобы, и если питаешь, заглуши въ себѣ дурное начало и молись, молись за тѣхъ, кто тебѣ даже дурное что либо сдѣлалъ; не говорю уже о тѣхъ, кому ты дурное что сдѣлалъ! сказалъ онъ съ чувствомъ.

Я оглянулся кругомъ. Всѣ стояли молча. Юковъ жадно слушалъ и глядѣлъ, полураскрывъ розовыя губы, на батюшку какими-то воспаленными глазами; по щекѣ его тихо катилась слеза.

— Бойтесь утаивать что либо на исповѣди, продолжалъ батюшка:—дѣло это великое! Когда ты утаиваешь что либо передъ людьми, ты можешь имѣть какія либо передъ людьми, ты можешь имѣть какія либо причины — страхъ ли то показанія скрытность ли врожденная. Но какія причины утаивать грѣхи предъ милосерднымъ Господомъ, помня особливо, что, приступая къ исповѣди съ лукавою мыслью утаить что либо, ты дѣлаешь новый грѣхъ! Отъ меня

можно утаить—я человѣкъ, прибавилъ батюшка, задумчиво покачивая головою:—но можешь ли что утаить отъ Всевѣдущаго и Вездѣсущаго?

Юковъ весь дрожалъ и судорожно вытиралъ щеки.

—Итакъ, господа, кайтесь и миритесь отъ чистаго сердца, вы приступаете къ великому таинству. Богъ васъ благословитъ!

Онъ благословилъ насъ и среди торжественнаго общаго молчанія, слегка склоняясь, вышелъ въ корридоръ.

Передъ ужиномъ дошла очередь и до насъ. Удаловъ насъ выстроилъ.

— Ну, всѣ ли? спросилъ онъ какъ-то тише и добрѣе обыкновеннаго.—Ивинъ, становись, сдѣлай милость! сказалъ онъ и ему серьезно:—Черневскій не вертись, пожалуйста. На право! скомандовалъ онъ тихо;—маршъ!

Въ полутемной, тусклоосвѣщенной церкви стояли ширмочки. За столомъ сидѣлъ дьячекъ и тихо спрашивалъ:

— Да, отвѣчали ему тихо, и онъ писалъ фамилію.

Удаловъ пошелъ первый и довольно скоро вышелъ, серьезный и спокойный. Вслѣдъ за нимъ быстрыми шагами пошелъ Юковъ съ какою-то рѣшимостью. За ширмами слышно было, какъ онъ съ шумомъ упалъ на полъ къ ногамъ батюшки. Потомъ долго слышался тихій шопотъ и сдерживаемыя рыданія...

«Господи Іисусе»!... можно только было разслышать

голосъ батюшки. Юковъ весь въ слезахъ показался изъ-за ширмъ. Щеки и глаза его горѣли какъ-то лихорадочно...

V.

Вдругъ на пятой недѣлѣ совершенно неожиданно для всѣхъ насъ разыгралось дѣло. Во время занятій вечеромъ, когда зажгли лампы, вошли въ роту рыженькій офицеръ и капитанъ. Время было для нихъ необыкновенное. Проходя мимо меня, капитанъ удивленно взглянулъ.

— Пхы! дурень-то! сказалъ онъ:—а?

— Пойдемте! перервалъ его рыженькій съ негодованіемъ.

Они подошли зачѣмъ то къ Удалову и къ дежурному офицеру, отозвали ихъ и фельдфебеля, и, разговаривая тихо, по немногу совсѣмъ вышли съ ними изъ роты.

— Что такое? что такое? спрашивали кругомъ въ безпокойствѣ.

У меня сердце забилось отъ какого-то предчувствія.

У столовъ начали собираться кучки.

— Что это, господа? спрашивалъ Ивинъ.

— Продавать старшихъ повели! брякнулъ Нероновъ.

— Ну тебя! отвѣчали ему даже не смѣясь.

Черезъ нѣсколько времени въ роту быстро вошелъ Удаловъ.

— Ивинъ! крикнулъ онъ.

Ивинъ пошелъ къ нему.

— Что ты сдѣлалъ такое? спросилъ его Удаловъ съ безпокойствомъ.

— А что?

— Что ты сдѣлалъ? говори! чортъ! тебя на допросъ зовутъ!.. Ну! сказалъ Удаловъ нетерпѣливымъ шопотомъ и топнувъ ногой.

— Да ничего же, говорилъ Ивинъ, блѣднѣя.

— Ивушка, да скажи-жь ты мнѣ что ты сдѣлалъ? пока можно, я пойду объясню имъ. Ну?

— Да ничего!

— Иди же къ чорту! крикнулъ Удаловъ и сѣлъ, крѣпко стиснувъ руками голову, за книгу.

Вошелъ фельдфебель и крикнулъ:

— Юковъ!

Юковъ всталъ.

— Идите на верхъ, приказалъ фельдфебель и, когда тотъ проходилъ, онъ внимательно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Потомъ Удаловъ всталъ и они вмѣстѣ долго ходили по ротѣ, говоря что-то полушопотомъ.

— Вздоръ! горячился Удаловъ:—я знаю Ивина.

— Ну вотъ! отвѣчалъ тихо фельдфебель.

— Я убью эту дрянь, этого Юкова! говорилъ Удаловъ:—вретъ мальчишка!

— Ну вотъ! все можетъ быть! отвѣтилъ усмѣхаясь фельдфебель, уходя изъ роты.

Все это было необыкновенно. Что за допросъ? Я боялся за Ивина и за себя тоже. Я ужь привыкъ всегда за себя бояться, хотя бы ничего особеннаго за собой не зналъ. Меня, кажется, не за что, думалъ я, все-таки дрожа. Но какъ же я вздрогнулъ и какъ смертельно испугался, когда фельдфебель, показавшійся въ дверяхъ, громко крикнулъ:

— Черневскій! На верхъ! скорѣй!

Я всталъ. Колѣни пидгибались и дрожали отъ страха; шатаясь, шелъ я за фельдфебелемъ по широкой лѣстницѣ...

... На другой день послѣ страшнаго допроса, гдѣ я оправдался благодаря Ивину, мы немножко совѣстились съ Ивинымъ смотрѣть другъ на друга и вообще разговаривали какъ-то натянуто-дружески. Удаловъ молча осматривалъ вещи своего отдѣленія, заглядывая въ списокъ—все ли въ порядкѣ. Когда мы съ Ивинымъ проходили мимо, онъ оборотился.

— Ивинъ, ты въ самомъ дѣлѣ виноватъ? спросилъ онъ.

— Виновать, отвѣчалъ тотъ просто.

Удаловъ стиснулъ зубы и вдругъ раскричался на подвернувшагося кадета, у котораго осматривалъ вещи.

— Опять у тебя книга изорвана? опять?

Линейка свиснула въ воздухѣ.

— Послушай, оставь его! вступился Ивинъ.

Удаловъ опустилъ линейку и посмотрѣлъ на Ивина съ чувствомъ.

— Послушай, Ивушка, сказалъ онъ совсѣмъ другимъ голосомъ:—вѣдь тебя накажутъ—свинья ты!

— Передъ баталіономъ, добавилъ Ивинъ, какъ бы на все готовый, и, опустивъ голову, началъ вертѣть книгу руками.

Вдругъ въ роту, сильно торопясь, вошелъ дежурный офицеръ и началъ надѣвать перчатки.

— Директоръ, директоръ! пронеслось по залѣ встревоженнымъ шопотомъ.

Офицеръ надѣлъ каску, встрѣтилъ генерала, показавшагося въ дверяхъ, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, и отрапортовалъ. Мы всѣ встали.

Директоръ молча посмотрѣлъ кругомъ, кивнулъ своей сѣдою головой Удалову и фельдфебелю, которые ему поклонились, и пошелъ, строго взглянувъ на право. Тамъ, едва держась на ногахъ, стоялъ Юковъ, схватившись за столъ рукой. У меня сердце отъ страха замерло.

— Строиться господа въ три шеренги! крикнулъ офицеръ.

— Сводить баталіонъ! Сводить баталіонъ! пронеслося шопотомъ по рядамъ.

По корридорамъ раздавались уже мѣрные шаги кадетъ другихъ ротъ, шедшихъ въ нашу залу. Кадеты показались въ дверяхъ и начали строиться по стѣнамъ въ каре, лицомъ внутрь, молча, перепуганно выглядывая другъ другу изъ-за плечъ. Офицеры стали полукругомъ въ сторонѣ. Въ дверяхъ показалась худенькая фигурка главнаго доктора...

Я весь дрожалъ. Удаловъ шелъ мрачно, хмурясь передъ фронтомъ, и считалъ ряды.

Нашъ капитанъ стоялъ нѣсколько впереди, такъ какъ дѣло касалось его роты: былъ блѣденъ. Рыженькій офицеръ, кажется, довольный умомъ и проницательностью, которые выказалъ при допросѣ, самодовольно крутилъ усы.

Было такъ тихо, что шаги директора и толстаго баталіоннаго командира, шедшаго сзади, почти страшно было слышать.

Директоръ вошелъ и, строго нахмурившись, медленно обошелъ всѣ роты. Онъ любилъ эффекты и нарочно томилъ. Сдѣлалъ даже во во второй ротѣ какія-то пустѣйшія замѣчанія, и уже потомъ вышелъ на середину залы.

— Затворить двери и форточки! приказалъ онъ, и мнѣ вдругъ стало страшно и тѣсно на сердцѣ.

Здѣсь хоть убей—никто не услышитъ, мелькнуло у меня, когда солдатъ стукнулъ форточкой.

— Что, все тамъ готово? спросилъ онъ и взглянулъ на окна, за которыми стоялъ зимній, пасмурный день...

— Все, ваше превосходительство! отвѣчалъ баталіонный командиръ, вздрогнувъ отчего-то.

— Ивинъ! вдругъ крикнулъ директоръ: —ближе! впередъ! Что? стыдно? Развѣ у тебя есть стыдъ?

Я взглянувъ на Удалова. Онъ стиснулъ зубы, низко опустилъ голову и, держа руки за спиной, съ трескомъ ломалъ пальцы.

Директоръ полюбовался общимъ томительнымъ впечатлѣніемъ и крикнулъ:—солдатъ!

Изъ двери появился испуганный солдатъ и вытянулся въ струнку.

— Нашивки долой! крикнулъ генералъ:—ефрейторъ! Вотъ они, ваши ефрейторá!! прибавилъ онъ, обращаясь къ капитану.

У капитана было такое виноватое лицо, точно онъ все это самъ надѣлалъ и его будутъ сейчасъ сѣчь.

Опять тихо. Солдатъ испуганно и торопливо срывалъ галуны съ погонъ Ивина, подпарывая ихъ ножомъ. Слы-

шно было даже, какъ трещали нитки. Ивинъ не двинулся и, склонивъ голову, молчалъ.

— Юковъ! крикнулъ директоръ.

Неровный, слабый звукъ шаговъ раздался по залѣ, и вышелъ Юковъ.

Его личико было еще интереснѣе, блѣдненькое и заплаканное. Онъ судорожно мялъ свои рукава.

— Съ тобой-то вѣдь я иначе расправлюсь! протянулъ директоръ:—Ивинъ!—на мѣсто! А ты у меня!... Погоны долой!

Портной такъ же торопливо отпоролъ погоны и отошелъ къ двери.

Директоръ провелъ рукой по глазамъ.

— В—ство! залепеталъ Юковъ сухими отъ волненія губками:—В—ство! Меня еще никогда не наказывали... В—ство!

— Такъ теперь накажутъ! сказалъ директоръ.

— В—ство!

— Возьмите его! отдалъ директоръ приказъ солдатамъ. Солдаты повели-было Юкова, но вдругъ остановились.

За фронтомъ послышалось какое-то движеніе, какой-то шопотъ, шумъ паденія; громко отодвинули какую-то табуретку, и Удаловъ съ Нероновымъ почти на рукахъ понесли изъ залы Ивина, какъ блѣднаго, съ закрытыми глазами.

Удаловъ дрожащими руками, почти отрывая пуговицы, разстегивалъ куртку Ивина.

Юковъ, вспыхнувъ, провожалъ ихъ глазами.

Директоръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и помолчалъ долго...

— Батальонъ по ротамъ! вдругъ крикнулъ онъ такъ, что всѣ дрогнули.—Юковъ, на мѣсто! Три балла за поведеніе долой, обратился онъ къ капитану. Потомъ нахмурившись, поглядѣлъ, какъ безмолвныя роты стройно, рядами прошли мимо, и, молча, вышелъ изъ залы.

VI.

Когда вы пройдете Ивановскую улицу до самаго конца гдѣ дорога круто сворачиваетъ внизъ къ рѣкѣ, то послѣдній, деревянный старый домикъ и будетъ Марьи Кандратьевны.

Если вы не знаете этого дома,—отыскать его трудно. Будочниковъ какъ-то не видать въ этихъ сторонахъ, и столичнаго обычая надписывать свои имена на воротахъ водится. Когда разъ даже одинъ знакомый сказалъ Марьѣ Кандратьевнѣ, что она не напишетъ, что это вотъ домъ такой-то коллежской ассесорши, она даже обидѣлась.

— Неужто же я, батюшка, имя, Богомъ данное, на людское позорище письменами буду выставлять, говорила она строго.

Но когда вы его найдете, то, войдя на маленькій дворикъ, увидите салазки для дровъ передъ кухней и полуразвалившійся заборъ садика, засыпаннаго снѣгомъ. Лѣтомъ садикъ этотъ очень зеленъ, и тѣни много. Есть въ немъ и яблоки титовскія и опортъ даже. Есть и вишни, некрупныя, правда — «мы вѣдь, батюшка, не оранжереи заводимъ», — а для варенья годны. Рѣпотка эта примыкаетъ къ сарайчику, гдѣ за низенькими дверями и старыми ржавыми замочками хранится все, что по хозяйству нужно.

На дворикѣ васъ встрѣтитъ работница Аксинья, въ сапогахъ, съ засученными красными руками; она щеплетъ лучину какимъ то кусочкомъ ржаваго и иззубреннаго желѣза, такого, что ужь и не знаешь, отъ чего бы оно могло быть отломано.

— Вамъ кого надо? спроситъ она, поправляя сбившійся платокъ на головѣ и поднявъ свое толстое, красное лицо.

— Марью Кондратьевну, говорите вы.

Она точно обрадуется, услышавъ, что совсѣмъ вотъ чужой человѣкъ а называетъ такое знакомое имя, и засмѣется.

— Здѣсь, здѣсь, говоритъ она, вонъ туда на кры-

лечко-то! И долго не можетъ приняться за работу, глядя вамъ вслѣдъ и улыбаясь.

А по дорогѣ васъ непремѣнно робко обнюхаетъ какой-то щенокъ, покатится на своихъ четырехъ столбикахъ—и считаетъ долгомъ тявкнуть раза три.

Вверхъ по лѣстницѣ отъ васъ на чердакъ прыснетъ пестрая кошка и, примостившись клубочкомъ на краюшкѣ крыши, съ любопытствомъ подниметъ ушки и уставится на васъ, опустивъ круглую, усастую мордочку. Кто, молъ, такой?

Въ большихъ сѣняхъ вы непремѣнно запутаетесь въ веревкѣ, за которую привязанъ крошечный черный теленокъ, потому что, увидѣвъ васъ, онъ радостно замычитъ и, поднявъ хвостъ перпендикулярно, сдѣлаетъ нѣсколько глупѣйшихъ курбетовъ.

Марья Кондратьевна живетъ одна съ воспитанницей. Она знала еще моего «дѣдиньку». «Святой былъ человѣкъ и хозяинъ хорошій — ноньче что-то такихъ и не видать!» На этомъ основаніи она по субботамъ присылала рыжую, толстую Аксинью въ корпусъ, и я съ немалымъ скандаломъ уходилъ съ ней, подавая поводъ къ остроумнѣйшимъ комментаріямъ на этотъ счетъ со стороны капитана.

Въ передней встрѣчала меня Малаша. Это блѣденькая, бѣлокуренькая, миловидная дѣвочка, въ холстинковомъ платьицѣ, 14 лѣтъ, воспитанница Марьи Кондрать-

евны. Я любилъ ходить къ Марьѣ Кондратьевнѣ, и причиной этому была немножко и миловидненькая Малаша. Впрочемъ не столько помнится она, сколько старинный подъ орѣхъ пузатый шкапъ въ углу спальни Марьи Кондратьевны. Тамъ все веселящія сердце вещи были. Разныя сладостныя липкія баночки по таинственнымъ темнымъ уголкамъ на полкахъ, привлекательные сверточки и пузатые мѣшочки въ нижнихъ ящикахъ, изъ которыхъ, когда ихъ отворяли, вѣяло запахомъ сушеныхъ плодовъ, пылью и мышами...

— А вотъ я вамъ черники дамъ, говоритъ, бывало, Марья Кондратьевна:—у меня, кажется, еще третьягоднишная есть въ боковомъ ящикѣ. И вынетъ такую старую чернику, что мы съ Малашей отъ пыли расчихаемся, а потомъ ѣдимъ до того, что даже скверно станетъ, а у Малаши и зубки, и губки почернѣютъ.

— Ха, ха, ха! надрываюсь я: — гляди, какіе у тебя черные зубы!

Сама Марья Кондратьевна очень сморщенная, желтая и добрая. У ней большіе серебрянные очки на носу и вѣчный чулокъ въ рукахъ. Можетъ быть «дѣдинька» мой за ней и ухаживалъ, но теперь она никому не подаетъ къ тому ни малѣйшихъ поводовъ, ведетъ жизнь благочестивую, утромъ, очень рано, ходитъ въ церковь, каждый день читаетъ душеполезныя книги и мужскаго об-

щества не любитъ. Почему она думала, что мужчины могутъ быть даже въ ея лѣта соблазномъ, Богъ ее знаетъ.

Впрочемъ, къ ней ходилъ одинъ старецъ, «почтенный и истовый», какъ она называла его. Что значило слово *истовый*, я никогда не могъ понять и Малаша тоже, Марья же Кондратьевна намъ по какимъ-то таинственнымъ причинамъ не объясняла.

Старецъ былъ очень худъ и высокъ, носилъ коротенькую, сѣденькую косичку, длиннополый, вытертый сюртучокъ и имѣлъ красный носъ,—слѣдствіе конечно «истовыхъ» привычекъ и трезвой жизни, но зубовъ не показывалъ и признака.

— Вотъ именно Господь-то кого умудритъ! говоритъ, бывало, Марья Кондратьевна.

Но чемъ его Господь умудрилъ—неизвѣстно, потому что приходилъ онъ обыкновенно къ обѣду, или къ чаю; правда, очень много ѣлъ, но молчалъ и мудрости не показывалъ. Только иногда взглянетъ и добродушно улыбнется.

Идетъ, напримѣръ, темнымъ вечеромъ разговоръ объ огурчикахъ въ уксусѣ, матушка протопопица говоритъ, какъ ихъ надо дѣлать. «И очень, матушка, хорошо бываетъ», заключаетъ она.

— Вотъ радостныя мѣста есть тоже на Афонѣ, вдругъ брякнетъ старецъ ни къ селу, ни къ городу, и возводитъ

очи горѣ, объ огурчикахъ, повидимому, и не помышляя.

— Радостныя, съ уваженіемъ повторяетъ Марья Кондратьевна и вздыхаетъ:—когда нибудь и вси возрадуемся, прибавляетъ она почему-то.

— Иные и попечалуются, возражаетъ однако старецъ.

— Точно что, говоритъ вздыхая Марья Кондратьевна и ужь обращается къ протопопицѣ, потому что старецъ, доказавъ мудрость, считаетъ себя въ правѣ часикъ другой помолчать.

— Вотъ матушка, и говорила мнѣ мать Агнія... Да тише вы, безпутные! прикрикиваетъ она на насъ съ Малашей:—ишь что затѣяли!

Мы подъ *истовые* разговоры въ уголку повѣсили на гвоздикѣ веревочку съ шерстью и дразнили пестренькаго котенка, который все прыгалъ на стѣну, наконецъ запутался когтями въ шерсти, повисъ на лапкѣ и, смѣшно кривя мордочку, замяукалъ. Мы хохотали, какъ сумасшедшіе.

— Идите вы въ въ спальню, — ну васъ, говоритъ Марья Кондратьевна.

Мы очень довольны этимъ позволеніемъ, и я тотчасъ же подхожу къ Малашѣ.

— Малаша, давай цаловаться, говорю я съ волненіемъ.

— Хорошо! отвѣчаетъ она просто. И мы цалуемся, цалуемся до того, что губы заболятъ. Наконецъ хорошенькая Малаша вырывается.

— Ну, довольно! говоритъ она. Мы зовемъ котенка, привязываемъ ему колокольчикъ Марьи Кондратьевны на шею и заливаемся, глядя, какъ онъ прыгаетъ и бѣгаетъ по стульямъ и столамъ и не можетъ найти мѣста.

— Идите чай пить! кричитъ намъ Марья Кондратьевна. Передъ ней кипитъ свѣтлый самоваръ, обдавая горячимъ паромъ темныя стекла, на которыхъ переливается огонь свѣчки, и гремятъ чистые и блестящіе блюдечки и чашки. А въ старой желѣзной корзинкѣ, на чистой салфеткѣ лежатъ теплые сдобнички.

Марья Кондратьевна любитъ угощать хорошимъ и покушать хорошо, и не скрываетъ этого:

— Чтожь дѣлать—слабость человѣческая, да!—И то,—прибавляетъ она:—хорошій кусокъ вѣдь грѣха еще не принесетъ, батюшка.

Старецъ на это не замѣчаетъ ничего, но выражаетъ, свое мнѣніе тѣмъ, что много и съ аппетитомъ кушаетъ...

— Кушайте! кушайте! говоритъ Марья Кондратьевна. Я сваливаю какъ бы на двоихъ: себѣ и Малашѣ цѣлую горку сдобничковъ. Малаша съѣдаетъ одинъ, много два, остальное исчезаетъ мгновенно уже по моей протекціи.

— Вы съ вареньемъ хотите? спрашиваетъ Марья Кондратьевна у протопопицы. Пожалуйста, отвѣчаетъ та. Малаша! прибавляетъ Марья Кондратьевна, гремя клю-

чами какъ-то пріятно:—поди вынь изъ шкапа баночку; вишневое тамъ есть въ правомъ углу, еще пестренькой ниточкой связано, да сушенья на тарелочку положи.

Малаша, какъ настоящая хозяйка, серьёзничая, чинно идетъ съ ключами къ шкапу и возится въ другой комнатѣ..

Высидѣвъ сколько прилично по ея уходѣ, я не выдерживаю и лечу стремглавъ въ другую комнату.

— Малаша! душечка, дай изюмцу, или яблоковъ сушеныхъ! хлопочу я, тщетно стараясь воздержаться.

Но Малаша — дѣвочка хорошая, къ ней не даромъ питаетъ довѣріе бабушка, какъ она называетъ Марью Кондратьевну, и ни за что недастъ ни изюмцу, ни яблоковъ, и не хочетъ обманывать бабушку, и сама не возьметъ ни за что ни ягодки. Она гордится порученіемъ по хозяйству, которое ей дали.

— Пожалуйста! прошу я и цалую Малашу.

— Нѣтъ, говоритъ она, отстраняя меня на этотъ разъ чинно и защищая отъ меня тарелку.—Вонъ туда понесу, тамъ будешь сколько хочешь ѣсть.

И я до сихъ поръ не знаю — зачѣмъ я просилъ и мнѣ такъ хотѣлось поѣсть именно изъ бумаги, изъ мѣшечковъ у двери шкапа, а не съ тарелокъ, съ которыхъ я могъ же брать сколько угодно.

И мы ѣдимъ варенье, идетъ чинный разговоръ, ши-

питъ самоваръ, пахнетъ паромъ и чаемъ, и въ углу, тихо покачиваясь передъ образами, какъ звѣздочка мерцаетъ голубая лампадка и синими искрами сверкаетъ на золотыхъ ризахъ, а тѣни цѣпочекъ расходятся по потолку въ кругѣ свѣта.

Мы смирно сидимъ съ Малашей, и мнѣ очень пріятно держать и крѣпко жать подъ столомъ ея хорошенькую ручку. Но вдругъ, не выдерживаемъ. Котенокъ! Котенокъ! кричимъ мы.

Котенокъ въ это время вскочилъ на столъ и, морщась, долго сидѣлъ клубочкомъ передъ самоваромъ, и, поднявъ одно ухо, слушалъ, какъ онъ визжитъ и шипитъ, и началъ было его потрогивать лапкой, но съ перваго же раза обжогся и, жалобно мяуча, прыгнулъ со стола и поскакалъ, вертя хвостикомъ, на трехъ лапкахъ.

— Ха, ха, ха! раздается нашъ хохотъ: — котенокъ! котенокъ!

Марья Кондратьевна хочетъ насъ побранить, но и сама не выдерживаетъ, и сквозь очки добродушно смѣется.

— Экіе вы шалуны, обращается она къ намъ.

Передъ ужиномъ въ воскресенье, веселый и довольный, я возвращаюсь въ корпусъ.

Тамъ подъ лампами, ходитъ, скучая, рыженькій. «По-

кажи мундиръ», говоритъ онъ и осматриваетъ, радуясь случаю; но мундиръ цѣлъ.

— Что, ты у этой дуры молитвы повторялъ? спрашиваетъ онъ, криво смѣясь.

Мнѣ это непріятно, но ужь ничего: Ивинъ подходитъ съ своей милой улыбкой и протягиваетъ мнѣ руку.

И вотъ до ужина и послѣ ужина пойдутъ смѣхъ и разговоры объ отпускѣ, о Малашѣ...

— Ахъ, вотъ бы увидѣть такую милочку! восклицаетъ Ивинъ.

Славный майскій вечеръ. Солнце ярко играетъ въ окнахъ домовъ янтарными лучами. На огромномъ плацу передъ корпусомъ разсыпалась толпа кадетъ. Въ серединѣ играютъ въ лапту.

— Разъ! разъ! раздается голосъ Нер онова. Мячь летитъ кверху и нѣсколько минутъ чорной точкой виднѣется въ голубомъ небѣ.

— Держись! Качай! А!...—слышны голоса бѣгущихъ кадетъ.

Нѣкоторые по нѣскольку человѣкъ сидятъ на скамейкахъ, на углахъ бульваровъ въ тѣни деревьевъ, и смотрятъ на проходящихъ и проѣзжающихъ. Иные ходятъ по двое или по нѣскольку человѣкъ по бульварамъ.

Мы съ Ивинымъ идемъ черезъ весь плацъ поперекъ.

— Ну, вотъ, братъ, мы съ тобой и совсѣмъ сошлись, говорилъ Ивинъ, смѣясь и глядя на меня своими большими глазами:—я ужь зналъ, что останусь въ классѣ за эти пошлые языки—ничего не знаю, ей-Богу! Теперь хорошо бы, еслибы насъ въ одно отдѣленіе посадили. А ты хорошо перешолъ!

— Ну, не очень-то, говорю я, очень довольный похвалой Ивина:—по математикѣ какъ кривая вывезла—и самъ не знаю.

— Ну, да ужь теперь конечно—все равно. Вонъ Удаловъ къ намъ идетъ. Онъ съ экзамена; пойдемъ на встрѣчу.

— Послѣдній экзаменъ, говоритъ, подходя къ Ивину, Удаловъ и какъ-то не глядя на меня, молодцовато закинулъ голову.

— Сколько? спросилъ Ивинъ быстро.

— Двѣнадцать, отвѣчалъ Удаловъ довольнымъ, но совсѣмъ усталымъ голосомъ! Видно было, какъ трудно и скучно это отличіе ему досталось.

— Ну, а что генералъ? спросилъ опять Ивинъ.

— Обыкновенно.... ну, тамъ, хорошо... да нѣтъ, чтожь! отвѣчалъ Удаловъ, хмурясь. Онъ вообще не любилъ про себя хорошо говорить и терпѣть не могъ, когда его въ глаза хвалили.

— Всегда, всегда! сказалъ Ивинъ, съ удовольстіемъ

глядя ему въ глаза и дружески улыбаясь:—только вѣдь ты уѣдешь отъ насъ, прибавилъ онъ гораздо тише.

— Въ Петербургъ, сказалъ Удаловъ, даже какъ-то потянувшись и немного закрывъ глаза. Въ этомъ словѣ такъ и слышалось, какъ оно много для него значило. Точно съ этимъ словомъ тысячи мыслей, надеждъ, желаній вдругъ пронеслись въ душѣ его...

— Когда тебя теперь увидишь? прибавилъ Ивинъ.

— А ты оставайся въ классахъ! почти грубо перебилъ Удаловъ:—авось скорѣй увидимся!—Да еще не сейчасъ ѣхать-то... Въ лагеряхъ поживемъ.

— Удаловъ, говорилъ, быстро подбѣгая, одинъ кадетикъ:— я былъ сейчасъ въ пріемной — васъ тамъ дамы какія-то спрашиваютъ.

Удаловъ, пожавъ руку Ивину, быстро повернулся и пошелъ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая...

VII.

....Послѣ ужина нашу роту выстроили въ три шеренги.

— Тише, тише, господа! Не разговаривать! кричалъ маленькій дежурный офицеръ,—сейчасъ директоръ будетъ!

Все затихло. Мы стояли молча, не шевелясь. Двѣ

лампы тускло освѣщали длинную залу. Огонь ихъ полосами переливался по вылощенному паркету и сверкалъ на мѣдныхъ пуговицахъ куртокъ. По полу и по стѣнамъ до потолка качались огромныя тѣни и рѣзко выдѣлялись изъ бѣлыхъ рамъ черные квадраты стеколъ. Дежурный офицеръ сталъ противъ насъ и надѣлъ каску, приготовляясь встрѣтить директора.

— Тише, тише, господа! кричалъ онъ.

А въ открытое окно, прямо въ лицо мнѣ вѣяло такой свѣжей прохладой, такой волной вливалась она въ залу, такъ широко дышала грудь, и темно, темно на небѣ... Огоньки мелькали какіе-то вдали, какъ звѣздочки, и тихо, тихо было.

— Это звѣзды съ неба упали и свѣтятъ на землѣ, думалъ я, кто-то тамъ сидитъ теперь за этими огоньками?

Но вдругъ упало сердце. Я было совсѣмъ на минуту позабылъ что меня ожидало.

— Что-то будетъ, что-то будетъ? Господи! Еслибы не то? Что бы это такое было?

— Смирно! вдругъ крикнулъ офицеръ, почти подбѣгая къ директору и, быстро проговорилъ рапортъ.

Директоръ вошолъ, строго нахмурившись, поднявъ сѣдую голову и заложивъ руку за бортъ сюртука.

Онъ медленно сталъ обходить ряды съ офицеромъ.

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, в. п-ство! крикнули кадеты.

Противъ меня онъ остановился.

— Черневскій.

Я сначала вздрогнулъ, какъ будто въередъ не ожиль далъ, что меня вызовутъ, потомъ ступилъ шагъ впередь вытянулся во фронтъ и уставился на густые эполеты директора, которые переливались золотомъ на огнѣ лампы.

— Это я васъ встрѣтилъ сегодня въ такомъ негліже?

— Отвѣчай же! И, не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ:—этотъ господинъ шолъ вчера по улицѣ въ фуражкѣ, увидѣлъ меня и хотѣлъ уйти въ какія-то ворота. Это ему не удалось. Я васъ, господа, предваряю, что за подобныя вещи буду строжайшимъ образомъ взыскивать Форма должна быть строго соблюдаема. Слышите! крикнулъ онъ, сильно ударяя на словѣ «строго».—У меня прошу подобныхъ вещей не дѣлать! Это еще что! Что за глупость и что за дерзость! Какъ смѣть ослушаться? Я вамъ покажу, какъ слушаться! Какъ вы смѣли это сдѣлать? Зачѣмъ вы это въ фуражкѣ были?

Директоръ, когда сердился, говорилъ «вы».

— Я... в. п-ство...

— Молчать! Что-о-съ? Ужь вы не объясняться-ли вздумали? прибавилъ онъ насмѣшливо.—И какъ это хорошо! какъ благородно! Бѣгать въ подворотню! Гадко, скверно! Да-съ! Вамъ впередъ конечно не то будетъ, а

теперь маршъ подъ арестъ! Но-съ! безъ разговоровъ! На три дня подъ арестъ!

Мнѣ было ужасно стыдно передъ ротой, что я прятался въ самомъ дѣлѣ въ ворота. Мнѣ вдругъ представилось, какъ это подло, скверно, какъ нужно было прямо идти на встрѣчу бѣдѣ... хоть отъ этого, конечно, наказаніе не было бы легче. Но въ сущности у меня все-таки отлегло отъ сердца, какъ всегда бываетъ, когда кончится что-нибудь, что съ тоской и со страхомъ ждешь, и кончилось еще сравнительно легко.

Я все это перечувствовалъ, глядя на сверкающіе эполеты директора. Мнѣ случалось, конечно, быть подъ арестомъ, но тутъ вдругъ передъ ротой осрамили. Мнѣ стало неловко, тяжело, слезы къ горлу подступили, но заплакать въ эту минуту я боялся пуще всего на свѣтѣ. Это было бы у насъ верхъ стыда.

— Отведи его подъ арестъ, повторилъ директоръ.

Дежурный ефрейторъ, въ каскѣ и съ тесакомъ, молча повелъ меня черезъ длинный, мрачный корридоръ въ классы. Въ темной глубинѣ корридора тускло мерцала ночная лампа.

— Вотъ его запереть нужно, сказалъ кому-то ефрейторъ.

Я едва разглядѣлъ въ темнотѣ фигуру сѣдаго класснаго солдата. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

— Послушай, сказалъ я ефрейтору!—попроси кого-нибудь изъ нашего отдѣленія, чтобы завтра занесъ мнѣ мои вещи.

— Хорошо, скажу, отвѣчалъ тотъ, пропадая въ темнотѣ.

— На долго васъ? спрашиваетъ солдатъ, впуская меня въ комнату и зажигая лампу.

— На три дня.

— Ну, я васъ запру. Директоръ въ корпусѣ теперь. Вы окно не отворяйте—мнѣ достанется.

Ключъ звонко щелкаетъ за нимъ, и онъ уходитъ въ темноту, громко зѣвая и тяжело крестясь.

О, Господи, Господи! слышится подъ сводами. По высокимъ, голымъ стѣнамъ ходятъ длинныя, пасмурныя тѣни. Тихо; только съ улицы слышенъ трескъ одинокихъ дрожекъ, да гудятъ по корридору мѣрные шаги роты.

— Молитву кончили, спать идутъ, думаю я.

Странное дѣло! Всякому, конечно, случается просидѣть въ одной комнатѣ безвыходно, и ничего отъ этого не дѣлается. Но попробуй кого-нибудь запереть въ эту же комнату насильно...

— Какъ звѣрь въ клѣткѣ, ходишь изъ угла въ уголъ съ проклятіями и со злобою. Какъ-то больно на сердцѣ, точно тамъ глубокая рана, и каждый яркій и теплый солнечный лучъ, каждый веселый крикъ, который до васъ

доносится, ядомъ растравляетъ эту рану. Въ ужасѣ чувствуешь, какъ точно съ ума сходишь, перестаешь будто думать и наконецъ чувствовать что-нибудь, кромѣ тоски по волѣ, глухой, тяжелой тоски. Камнемъ ложится на душу это тяжелое, молчаливое время и вѣчно потомъ будетъ замирать сердце при воспоминаніи о немъ.

Но какъ ни дико кажется, а я любилъ аресты въ корпусѣ, конечно недолгіе. Трудно представить не испытавшему, какъ начинаешь цѣнить уединеніе, когда день и ночь окруженъ шумной аравой товарищей, и какъ противѣетъ это насильственное сожительство. Радуешься, что вотъ остаешься одинъ наконецъ, что никто не придетъ крикнуть подъ ухомъ, никто не подтолкнетъ локтя и не вырветъ изъ-подъ тебя табуретку, когда дѣлаешь видъ, что учишь урокъ для успокоенія своей совѣсти и обмана начальства, и когда, вмѣсто скучнаго урока, читаешь между строками что-то такое хорошее, чудесное, такъ что духъ захватываетъ отъ восторга.

Забьюсь вонъ туда въ уголокъ и буду все думать, думать... Да не о томъ, что теперь я могъ бы быть въ отпуску... это вздоръ! А вотъ о томъ, что будетъ когда я наконецъ вырвусь отсюда, о томъ, что будетъ *тогда*, *послѣ*...

И сильно, жарко бьется сердце.

Когда я сидѣлъ подъ арестомъ, былъ праздникъ.

Третьяго дня было такое свѣтлое, солнечное утро! Пріѣзжали папеньки и маменьки и брали разныхъ мальчугановъ, большихъ и маленькихъ, въ отпускъ на цѣлую недѣлю. Мальчуганы шли съ билетами за пуговицами и въ полной формѣ—въ каскахъ и съ тесаками. Какъ мнѣ грустно было, какъ завидно! За мной никто не пріѣхалъ А я все ждалъ, что вотъ придетъ въ роту усатый швейцаръ и крикнетъ: «Черневскій!» И каждый разъ билось сердце мое при видѣ красной ливреи. Но напрасно,— онъ все другихъ вызывалъ.

— Какъ отпускнымъ должно быть теперь весело! Господи! думалъ я что за тоска! хоть бы подъ арестъ посадили! Все равно быть запертымъ въ той или въ другой комнатѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, шуму не будетъ. Мое желаніе теперь исполнилось. И все-таки грустно. Какъ отпускнымъ должно быть весело! Я уѣхалъ бы со всѣми, съ каждымъ! Въ каждомъ тарантасѣ, въ каждыхъ дрожкахъ! Уѣхалъ бы въ каждый домъ и домикъ, и весело бы тамъ обѣдалъ при стукѣ ножей и тарелокъ, въ комнатѣ, облитой жаркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и крѣпко цаловалъ бы какую-нибудь маленькую сестренку, важно объясняя ей значеніе блестящей каски и тесака.

А иные въ деревню поѣхали.

Въ деревню! И я когда то ѣзжалъ. Хорошо въ де-

ревнѣ. Какія ночи теплыя, свѣтлыя! Какія высокія, высокія деревья!

Ночью деревья кажутся выше. Яркимъ днемъ можно ихъ измѣрить глазомъ, видно, какъ качается на самой высшей вѣткѣ листокъ и рѣзко очерчивается на свѣтло-голубомъ небѣ. Ночью его не увидишь—онъ тамъ слился съ сѣрой тучкой и, Богъ его знаетъ, не скрылся-ли куда. Безшелестно стоятъ деревья, какъ привидѣнія, уходя въ какую то вышину, темно-синюю, съ лучистыми, острыми точками, что искрятся тамъ, то вспыхивая, то потухая. Безшелестно стоятъ деревья и точно тамъ между ними ничего нѣтъ, но тамъ между росистыми вѣтками тянутся теплыя тѣни, неподвижно лежитъ сырой мракъ, тихо вздрагиваетъ маленькая птичка, качается легкое гнѣздышко съ желторотыми, глупенькими птенчиками, которымъ вдругъ приснится, что мать имъ червячка несетъ—ихъ сколько ни корми, а они все «блаженни алчущіе»—и разѣваютъ они носики, и поднимаютъ писк, и спугиваютъ старую, сонливую ворону, и ворона, медленно каркнувъ, тяжело перелетаетъ на сосѣднее дерево. Безшелестно стоятъ деревья и черными вершинами высоко уходятъ въ небо, и вдругъ между листьевъ посыплются и потянутся яркія, раздражающія-свѣтлыя, бѣлыя нити тонкихъ лучей, и на чистую, какъ граненый хрусталь, синеву выходитъ мѣсяцъ.

Выходитъ мѣсяцъ, и въ серебристой ночной травѣ

вдругъ весело вспыхиваетъ множество свѣтлыхъ, крошечныхъ мѣсяцевъ и ласково освѣщаютъ другъ друга и тянутъ незамѣтные, отвѣтные лучи прямо на небо, къ большому мѣсяцу. Облачка пыли подъ стучащимъ колесомъ и подъ свѣтлой подковой забѣлѣлись какъ туманъ, и запоздалый человѣкъ гонитъ лошадь и, оглядываясь по сторонамъ, видитъ, что вмѣсто пней встаютъ какіе-то люди не люди, но только, чортъ знаетъ, что-то нехорошее—сердце сжимается! А тутъ, качаясь, какая-то тѣнь, длинная тѣнь, до самой рѣки протянулась, неизвѣсно чья тѣнь, и по всему лѣсу пронеслось: «ого-го-го-го-го!»

Люблю я ихъ, эти тѣни, этихъ духовъ, что живутъ вездѣ и пугаютъ насъ по ночамъ. Ихъ нѣтъ совсѣмъ—я это знаю. Вы давно, вырубая лѣса и презрительно смѣясь, разсказали мнѣ это. И я самъ—какъ я надъ ними смѣялся! Но эти таинственныя тѣни, эти добрые духи отвели тихонько въ моемъ сердцѣ уголокъ и живутъ себѣ припѣваючи. Все еще вздрагиваютъ всѣ мои жилы, когда я слышу, идя по лѣсу: ого-го-го-го!

И какое они участіе во мнѣ принимаютъ! Имъ хочется, имъ весело меня напугать, какъ маленькой сестрицѣ или братцу, что спрятавшись, терпѣливо и долго ждетъ, когда я пройду мимо двери, чтобы крикнуть «ухъ!» хлопнуть въ ладоши и потомъ, цалуя и смѣясь, просить у меня за это прощенія. И мнѣ съ ними веселѣе... Да

и немудрено—вѣдь они знаютъ меня съ самой колыбели, росли вмѣстѣ со мною.

Хорошо дремлется на соломѣ тарантаса! Бѣлѣетъ хвостъ пристяжной, ямщикъ покачивается на козлахъ и махаетъ кнутикомъ.

Мнѣ дремлется. И такая радость на сердцѣ — мы сейчасъ домой пріѣдемъ. Какія-то облака, темныя и свѣтлыя, проходятъ передъ глазами.

Мѣсяцъ зашелъ—стемнѣло.

— Стой! пойду отопру околицу, кричитъ кто-то.

Заскрипѣли хворостяныя связки воротъ; лошади, въ темнотѣ, фыркая и помахивая хвостами, тронули тарантасъ. Опять протяжно скрипнули связки. Нашъ прикащикъ Лукьянычъ идетъ около тарантаса. Слипаются глаза. Какіе-то кружки черные, красные, синіе носятся передъ глазами.

— Петръ Васильичъ! заснули? Домой пріѣхали! кричитъ Лукьянычъ.

— Я? Нѣтъ, я не заснулъ! Домой? Гдѣ?

— Вонъ и церковь, а вонъ и мельница.

Какая-то высокая, недвижная масса съ переходами крышъ потянулась въ сторонѣ. А тамъ надъ тускло-мерцающею водою длинная полоса плотины и тихая мельница, окруженная темными купами остролистыхъ вѣтелъ. Слышно, какъ у запертаго колеса ея звонко льется на

спящую гладь пруда прорвавшаяся струйка. Вонъ деревня, два, три огонька знакомый домъ съ освѣщенными окошками; лаютъ собаки и летучая мышь, какъ тѣнь, неслышно проплыла въ воздухѣ.

Какъ бьется сердце! Что же это такъ тихоѣдутъ лошади! Право я лучше выскочу и гораздо скорѣе добѣгу до крыльца. Ямщикъ смѣется. Нѣтъ, говоритъ не добѣжите! Это, говоритъ, сердечко ваше бѣжитъ.... Какъ сердечко можетъ бѣжать? Что за вздоръ! На крыльцѣ дома Лукьяныч. Вноси чемоданъ, говоритъ онъ. Буянка лаетъ. «Буянка, Буянка!» кричу я, и мнѣ такъ весело, что она хвостомъ махаетъ!

Но вотъ облако какое-то прошло, и на крыльцѣ дома я вижу директора. Выноси чемоданы! Вы что это сдѣлали? кричитъ онъ и закладываетъ руку за бортъ сюртука. Но-съ! маршъ! Безъ разговоровъ! Директоръ ростетъ все выше и выше; кругомъ облака. Воздухъ душнѣе и душнѣе—дышать трудно.

— Простите! говорю я въ страшномъ испугѣ.

— Бери его! раздается крикъ.

Я закрываю глаза отъ ужаса и чувствую сильную боль въ спинѣ.

Я кричу и просыпаюсь.

Лампа потухла и чадитъ. Спина болитъ отъ спанья на полу. Мѣсяцъ неподвижно стоитъ въ стеклѣ окна, ко-

торое кажется такимъ чистымъ, голубымъ и всѣми шестью квадратами ярко ложится на полъ.

Бѣлымъ, прозрачнымъ столбомъ голубой лучъ тихо стоитъ въ комнатѣ, переливается какъ пламя на вычищенномъ отдушникѣ, и сверкаетъ на мѣдной чернильницѣ ярко и рѣзко.

Не спится. Грустно что-то. Отворю окно. Свѣтлая ночь, прохладная ночь... Звѣздъ все больше и больше, чѣмъ больше всматриваешься въ эту чистую глубь. Видѣнъ каждый камень вымощеннаго двора и окна надворныхъ строеній блестятъ какимъ-то ровнымъ голубымъ свѣтомъ. Все точно стоитъ и притаило дыханіе. Воздухъ неподвиженъ: какъ ножомъ прорѣзало его протяжное «слушай» караульнаго...

Въ двери щелкаетъ ключъ. Изъ темноты показались сѣдые баки и добрые глаза съ мелкими морщинами подъ ними, старика солдата, который вошелъ со свѣчой.

— Зачѣмъ, вы окно отворяете? Мнѣ достанется. Не велѣно.

— Да, развѣ теперь кто придетъ? Ужь ночь.

— Случается и ночью ходятъ.

— Скучно мнѣ что-то—посиди со мной. Ты, вѣдь все равно, не спишь.

— Днемъ буду спать—теперь нельзя. Да разговаривать-то намъ съ вами не велѣно.

— Ну ничего. Садись тутъ, шей. Вѣдь все равно!

Старикъ, не глядя на меня, вмѣсто отвѣта, угрюмо опускается на полъ, кладетъ на колѣни сѣрое сукно и старается продѣть дрожащей, жилистой рукой нитку въ иголку, щуря на свѣчку глаза. Огромныя тѣни закачались по стѣнамъ и столбъ мѣсячныхъ лучей поблѣднѣлъ передъ краснымъ пламенемъ свѣчки.

— Дай, я тебѣ вдѣну...

— Скучно что-то, замѣтилъ я, когда старикъ началъ шить.

— Веселиться не съ чего—правда.

— Послушай, принеси мнѣ завтра говядины изъ кухни.

— Говядины? А знаете, что нашему брату за нее бываетъ? На старости лѣтъ спину-то подставлять не ладно.

— Да нѣтъ, ничего...

— Вамъ-то ничего. Молоденьки—какъ съ гуся вода. Только плюнете, до свадьбы заживетъ. А намъ свадьбы не играть. Это и принимать опаску изъ-за вашихъ пустяковъ?

— Нѣтъ, пожалуйста, вѣдь это ты такъ говоришь. У васъ, говорятъ, теперь хорошо...

— Хорошо у насъ... да... оно хорошо! солдатъ потупился и замолчалъ.

Тихо кругомъ, только раздалось «слушай», да затрещали крылья ночной бабочки, налетѣвшей на огонь.

— Экъ тебя въ огонь сунуло! серьёзно замѣтилъ старикъ, осторожно снимая бабочку съ сала.

— Кто-то идетъ, сказалъ я, прислушиваясь.

— Кому идти? Домовой! Старикъ улыбнулся.

— Домовыхъ нѣтъ, замѣтилъ я съ убѣжденіемъ.

— Нѣтъ? А вы спросите у вашего солдата, у Ѳедорова, онъ вамъ разскажетъ...

— А что,—развѣ онъ ихъ видѣлъ?

— Говоритъ, видѣлъ. Домовой не домовой, Богъ ихъ знаетъ, только видѣлъ.

— Какъ? разскажи!

— Да что? Говоритъ—видѣлъ. Онъ вѣдь, у васъ въ ротѣ спалъ прежде, въ пустой-то. Изъ нея стеклянная дверь въ большую залу, гдѣ экзаменъ бываетъ. Онъ и легъ у той двери и заперся со всѣхъ сторонъ. Только ночью слышитъ стучатъ за дверью. Онъ, какъ глянетъ—такъ и обмеръ. Тамъ и стулья-то передвигаютъ и по столамъ бѣгаютъ, а кто—не разберешь—темно́. Да такъ говоритъ, возьметъ стулъ, ударитъ объ полъ, да такъ и загрохочетъ, такъ и загрохочетъ! Ѳедоровъ-то бѣжать, да съ перепугу и забудь, гдѣ ключи положилъ. Такъ я, говоритъ, забился въ уголъ да все, какъ въ лихорадкѣ, трясся.

— Ну что же потомъ?

— Ночью, говоритъ, самъ видѣлъ какъ всѣ стулья

были побросаны, а потомъ и поутихло, да я, говоритъ, къ двери не посмѣлъ до утра подойтить, а утромъ, говоритъ, смотрю, все какъ есть на мѣстѣ.

— Да онъ это во снѣ видѣлъ!

— Во снѣ? Ну что зря толковать—во снѣ! разсердился старикъ.—Ѳедоровъ человѣкъ не зрящій какой или пустой чтобъ былъ. Онъ бы такъ и сказалъ—во снѣ. А то—во снѣ!

— Ну такъ это наши кадеты залѣзли.

Старикъ даже шитье бросилъ.

— Какъ они залѣзутъ? Ну, какъ они залѣзутъ? Черезъ пять дверей въ щелочку? Сами вѣдь знаете, что нельзя этого сдѣлать. Ну откуда они ключи возьмутъ? А сломать замокъ, такъ это вѣдь видно. Мы утромъ ходили—все цѣло.

— Ну такъ чтожь это было?

Откровенно говоря, мнѣ самому хотѣлось, чтобъ онъ видѣлъ это не во снѣ и чтобъ это были не кадеты. Спросилъ же я въ надеждѣ получить какое нибудь страшное и таинственное объясненіе, напримѣръ, что это были, по крайней мѣрѣ, воры. Но зачѣмъ они зайдутъ во второй этажъ корпуса передвигать стулья?

Отвѣтъ былъ самый неудовлерительный.

— Почемъ я знаю. Да и не одинъ онъ, продолжалъ уже самъ старикъ:—а вотъ еще, не трусъ, кажется, нашъ

каптенармусъ. Онъ говоритъ, что пошелъ вечеромъ на чердакъ и видитъ въ углу что-то бѣлое. «Кто тутъ?» кричитъ. Никто не откликается, только бѣлое что-это точно шаркаетъ этакъ и къ нему идетъ. Онъ перекрестился да прямо на бѣлое, а тамъ ужь ничего нѣтъ.

— Что же, онъ послѣ не ходилъ? спросилъ я, и въ страхѣ глядѣлъ на темную дверь, гдѣ мнѣ чудилось ужь что-то бѣлое...

— Ходилъ и послѣ тоже вечеромъ, только ужь не одинъ, а съ буфетчикомъ. Только слышутъ, кто-то стонетъ, словно зоветъ такъ: «помоги-и-тѣ». Да такъ жалостно. Каптенармусъ хотѣлъ туда идти, да буфетчикъ испугался, бѣжать назадъ. Объ балку зацѣпился, упалъ, да какъ заоретъ: «караулъ, смерть моя пришла!» Онъ къ нему, тащить его внизъ — видитъ человѣкъ чуть ума не рѣшился. Тутъ не до того было. А тамъ все стонетъ, все стонетъ...

— Ну и что же, послѣ никто не ходилъ? спросилъ я, чуть не плача отъ страха и какого-то страннаго наслажденія.

— Ходили. Въ трубѣ помойной нашли мертваго нашего золотаря, солдата. Задохся тамъ, должно быть.

— Ахъ, это вѣрно онъ стоналъ! Зачѣмъ же онъ тамъ былъ?

— Чистилъ. Зачѣмъ? Ну и задохся потомъ. Не докликался, вѣрно, никого.

— Я никогда не былъ на чердакѣ, да туда теперь изъ насъ никто, я думаю, не ходитъ.

— Теперь нельзя — строже. А прежде и вверху, и внизу ходили. Двое такъ убѣжали разъ было изъ корпуса совсѣмъ.

— Какъ убѣжали? Я не слыхалъ.

— Давно ужь это было. Былъ одинъ кадетъ большой такой; вы ужь его не застали. Говоритъ мнѣ разъ: стосковался я здѣсь, смерть моя—я, говоритъ, уйду. Ну, посмѣялись мы это тогда. Гдѣ, говорю, уйти, вы молъ и дорогу-то не найдете. Куда молъ вамъ уйти! А вотъ уйду, говоритъ. Чтожъ? Приготовили они разъ себѣ къ ночи деньги и все. Говорятъ, положили на постели вмѣсто себя чучелъ изъ бѣлья, чтобы не хватились ихъ: взяли ножи столовые да въ кухню, стребовали себѣ говядины у повара. Какъ ужь онъ имъ далъ, побоялся что ли—не знаю, или денегъ они дали. Ну и пошли. Осень была, дождикъ шелъ. И что же? Вотъ ужь Господь Богъ не попустилъ! Идутъ они это у самой ужь заставы, улица такая глухая, и нужно же было! Нашъ офицеръ одинъ былъ у кого-то тоже около заставы. Идетъ ночью и навеселѣ. И, не будь онъ выпивши, никогда бы онъ ихъ въ эку темень не окликнулъ. А тутъ кричитъ: «кто вы такіе за люди?» Солдаты, говорятъ, ваше благородіе! и фуражки сняли. А онъ какъ завопитъ съ пьяныхъ-то глазъ:

«бери! вяжи!» Ну, тутъ отъ заставы подошли, похватали ихъ какъ-то...

Мнѣ стало за нихъ страшно.

— Что же имъ было за это?

— Что? отвѣчалъ угрюмо старикъ, вдѣвая нитку:— за это извѣстно не похвалятъ.

— Очень имъ досталось?

— Да, началъ онъ съ разстановкой:—извѣстно!

Я замолчалъ и задумался. Глаза начали слипаться отъ усталости. Дикіе образы, мрачные и безсвязные, носились передо мною. Я видѣлъ какую-то темную пропасть; смрадные пары клубились надъ нею, и слышалось печальное протяжное: «помогите!» Я иду къ пропасти. Меня встрѣчаетъ Лукьянычъ съ Буянкой.

— Куда вы? спрашиваетъ онъ:—вы тамъ пропадете!

— Что же дѣлать! что дѣлать! ричу я отчаяно.

Изъ тумана выходитъ Буянка.

— Но-съ, кричитъ онъ: — маршъ безъ разговоровъ! Въ воду его!

Я окунаюсь во что-то страшно-холодное. Дрожь пронимаетъ члены... Я просыпаюсь...

Заря блѣдно-красными лучами блеститъ по стѣнамъ. Въ окно вѣетъ холодомъ, комната заперта и старикъ давно ушелъ.

Я сѣлъ на окно. Зеленая вѣтка дерева высоко стояла

въ самой полосѣ зари и казалась такою свѣжею и точно вырѣзанною. На ней сидѣла, встряхиваясь, между росистыми листьями, сѣренькая птичка, и съ этой вѣтки неслись кругомъ во всѣ стороны чистыя, утреннія пѣсни...

Все свѣтлѣе и свѣтлѣе сверкаетъ полоса зари. Вотъ еще минута и ярко вспыхнула въ срединѣ ея огненная точка и озарила свѣжимъ красноватымъ свѣтомъ камни мостовыхъ, трубы домовъ и бѣлыя крылья раннихъ голубей, мелькавшихъ въ синемъ небѣ.

Я долго сидѣлъ не шевелясь, какъ очарованный. Но вотъ по корридорамъ мѣрно раздались шаги, идущей къ завтраку, роты и крики офицера:

— Не разговаривать, господа! Сколько мнѣ разъ повторять! Я наконецъ наказывать буду!

Обычный день начинался...

VIII.

Пошли послѣдніе заборы и домики, и показалась маленькая бѣлая церковь...

— Батальонъ стой! хрипло скомандовалъ толстый полковникъ, поворачивая къ намъ свою сѣрую лошадь, и вложилъ саблю въ ножны.

— Къ ногѣ! вольно, поправсь! кричалъ онъ.

Ружья мелькнули яркими полосками на солнцѣ; въ массѣ батальона слышался глухой говоръ. Кадеты подбирали шинели, снимали каски и ранцы и складывали ружья въ козлы. Офицеры по двое, или по трое собирались въ сторонѣ.

Сзади ѣхали экипажи родственниковъ кадетъ и офицеровъ.

По сторонамъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, шло много любопытныхъ, хотя было еще довольно раннее утро. Мальчишки глазѣли на наше блестящее вооруженіе и на знамя, разиня ротъ. Нѣкоторые аматеры страннаго вида, и толпа мѣщанъ, безъ всякой, по видимому, надобности, мало того, что провожали насъ по всему городу, но проходили еще съ версту за городъ.

Нероновъ что-то хлопоталъ.

— Господа! кому за пирогъ нести ружья? говорилъ онъ, уже таща два ружья. Это значило, что на привалѣ будутъ раздавать пироги, а онъ пронесетъ ружья два лишнихъ за эти пироги.

— Усталъ ты? спросилъ я, подходя къ Ивину.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—а ты, вѣрно, въ первый-то разъ усталъ.

— Плечо ломитъ, и спинѣ отъ ранца больно.

— Обойдешься — главное-то впереди. Мы впрочемъ теперь вольно пойдемъ.

— Давай вмѣстѣ идти.

— Нельзя, я въ пѣвчихъ—насъ вызовутъ впередъ.

— Смиррно! крикнулъ полковникъ. Мы выстроились.

— Авангардъ впередъ, аррьергардъ назадъ!

Это мнѣ было въ первый разъ. Я взглянулъ: аррьергардъ поднялъ значекъ и, блистая мѣдью касокъ и штыками, тронулся.

— Пѣсенники впередъ! Шагомъ, маршъ!

Знамя впереди качнулось,—ряды касокъ заколебались, и вся масса тронулась. Ивинъ былъ впереди съ пѣвчими, около музыкантовъ. Удаловъ, страстный любитель пѣнія, хотя не былъ въ пѣвчихъ, но сталъ туда и даже началъ распоряжаться, и его слушались почему-то.

«Въ лагерь выступаемъ дружными рядами!» начали было пѣвчіе хоромъ громко.

— Стойте, господа! крикнулъ Удаловъ, у котораго глаза разгорѣлись, и размахнулъ ружьемъ. Что! Это не то! Нѣтъ — вотъ: «Эхъ, на что было...» Ну, Ивушка, начинай!

«Эхъ на что было огородъ городить!» полился къ голубому небу звонкій голосъ Ивина, «óхъ, на что было капусту садить!»

«Эхъ, на что было капусту садить» стройно и съ одушевленіемъ подхватилъ хоръ.

Солдаты — барабанщики съ удовольствіемъ оглядыва-

лись; одинъ не выдержалъ и, пригнувъ немного на бокъ голову, началъ подбивать тактъ на барабанѣ глухой дробью...

Съ пѣснями прошли мы предмѣстье города, прошли кирпичный заводъ, потомъ какой-то пороховой магазинъ, повернули за уголъ мимо огорода, и вышли совсѣмъ въ поле... Было какое-то гордое и пріятное чувство быть въ этой стройной толпѣ, на которую такъ всѣ любуются. Я любилъ всегда принадлежать крѣпко къ какой нибудь массѣ—это чувство я встрѣчалъ довольно впрочемъ часто и въ другихъ. — Мнѣ казалось, что вотъ эта женщина, или этотъ господинъ именно на меня смотрятъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, глядя на массу, никого не замѣчаешь. Съ пѣснями легче и пріятнѣй было идти, и кромѣ того на всѣхъ насъ, конечно большею частію безсознательно, дѣйствовалъ видъ этой безконечно-волнующейся степи, подъ яркимъ солнцемъ и синимъ небомъ, среди этого полеваго свѣжаго воздуха. Мы вѣдь почти годъ сидѣли въ комнатахъ...

— Хорошо! сказалъ мнѣ Ивинъ, когда я вмѣшался тоже въ толпу пѣвчихъ. И вдругъ уже съ какимъ то восторгомъ вырвалось у него изъ груди:

«Ахъ ты, степь моя, степь широкая!

«Поросла ты, степь ковылемъ травой!» подхватилъ хоръ.

Она синѣла лѣсками вдали, зеленѣла, цвѣла и желтѣла эта степь и шумѣла рожью. А рожь, тихо склоняясь, точно встрѣчала насъ.

Штыки авангарда виднѣлись изъ за пригорка впереди, сзади горѣли главы городскихъ церквей, и батальонъ съ пѣснями шелъ по дорогѣ, подымая облако пыли. Въ облакѣ этомъ мелькала фигура полковника, бѣлѣлась наклоненная голова его лошади и, высоко вздымаясь, волновалось знамя...

Уже смеркалось и темнѣло, когда Ивинъ сказалъ мнѣ: вотъ сейчасъ за пригоркомъ будутъ лагери, гляди—вонъ!

Вдали въ темнѣющемъ уже и туманномъ полѣ показались какія то бѣлыя полоски и мелькнули огоньки. Справа, какъ бы островомъ въ морѣ прозрачнаго тумана, темнѣлъ лѣсъ.

Мы уже очень устали. Пѣсни не пѣлись. Пріятно было подумать, что тамъ, гдѣ эти огоньки,—ждетъ насъ ужинъ, постели и отдыхъ...

И пошли дни за днями. Собственно говоря,—лагерь былъ на скверномъ мѣстѣ расположенъ. Гладкое пустое поле вправо, назадъ и впередъ. Назади за бугромъ виднѣлась церковь дальней деревеньки, и только влѣво шелъ густой лѣсъ. Но мы два раза въ день ходили этимъ лѣ-

сомъ къ рѣкѣ купаться. Утромъ, выпускной классъ въ широкихъ парусинныхъ куртках, съ кольями, цѣпями и астролябіей, и еще какими-со инструментами, весело разговаривая, шелъ на съемку партіями, съ офицеромъ — математикомъ въ лѣсъ, въ полѣ, въ сосѣднія деревни. Ѣздили и на пароходѣ какомъ-то за рѣку и потомъ, воротившись, Удаловъ долго и серьезно толковалъ съ фельдфебелемъ, и они дѣлали какія-то мудреныя вычисленія. На доскѣ наклеивали бумагу и чертили планъ рѣки и деревни....

— И я буду то же дѣлать, думалъ я; мнѣ было пріятно помечтать объ этомъ.

Приближался срокъ отъѣзда старшаго класса. Съемки прекратились.

За день до отъѣзда, Удаловъ подошелъ къ Ивину утромъ.

— Ну, Ивушка, завтра ѣхать, ты ужь побудь нынче со мной. Уложиться помоги.

И они цѣлый день ходили вмѣстѣ, что-то тихо и много говорили, потомъ подъ вечеръ Удаловъ вынулъ новенькій чемоданъ, разстегнулъ его и началъ съ Ивинымъ перекладывать разныя вещи, очевидно купленныя къ отъѣзду.

— Духи, говорилъ Ивинъ съ улыбкой, разсматривая что-то на свѣтъ.—Франтъ!

— Ну, оставь! почти сердился Удаловъ и пряталъ флаконъ.

Всѣ эти приготовленія, на которыя я смотрѣлъ издали, возбуждали во мнѣ грустное, мечтательное раздумье. Что-то смутное, неясное, но волнующее сердце горѣло вдали, казалось, что это я, а не Удаловъ, собираюсь въ такую далекую дорогу, что я что-то забылъ, нужно что-то припомнить....

На другой день яснымъ утромъ, послѣ завтрака, повозки выѣхали въ переднюю линію. Выпускные, одѣтые по дорожному, подходили къ нимъ и укладывали вещи и чемоданы. Весь бататьонъ высыпалъ на переднюю линію. Начали прощаться.

Фельдфебель прощался съ гренадерской ротой, Удаловъ тоже.

— Прощайте, господа, не поминайте лихомъ! говорили они.

— Прощай, прощай! дай Богъ тебѣ... слышалось со всѣхъ сторонъ. У многихъ на глазахъ были слезы.

— Не забудь же сказать въ городѣ, что я просилъ, говорилъ кому-то фельдфебель...

— Нѣтъ, не забуду; а ты передай письмо по адресу, въ Петербургѣ.

— Ну, садитесь, господа, скорѣй, распоряжался офицеръ, который съ ними ѣхалъ.

— Ну, прощай въ послѣдній разъ, Ивушка! прощай! говорилъ торопливо Удаловъ.

Ивинъ, весь въ слезахъ, крѣпко разъ пять поцаловался съ нимъ.

— Прощай, прощай! Напиши оттуда, какъ и что, а то забудешь тамъ насъ.

Онъ улыбнулся сквозь слезы.

— Гдѣ писать, говорилъ хмурясь Удаловъ:—нѣтъ, не напишу, а помнить-то ужь буду. Прощай! Онъ быстро повернулся и сѣлъ въ повозку.

— Ну, трогай, съ Богомъ! крикнулъ офицеръ.

Поѣздъ тронулся.

Я долго и задумчиво смотрѣлъ, стоя около Ивина, на рядъ повозокъ, тянувшихся по дорогѣ туда далеко, за синѣющій лѣсъ, въ Петербургъ...

Сначала, по отъѣздѣ старшаго класса, день—другой у насъ точно чего-то не доставало: въ нашей ротѣ было тише, чѣмъ всегда, какъ обыкновенно бываетъ послѣ чего нибудь необыденнаго. Но потомъ все опять пошло по старому, начали переводить изъ роты въ роту. Меня, Юкова, Ивина, Неронова и многихъ другихъ перевели въ гренадерскую роту на мѣсто уѣхавшихъ. Мы избавились отъ высокаго капитана и рыженькаго. Нѣкоторые,

прежде не замѣтные, начали опредѣляться, выясняться; со многими еще изъ старыхъ гренадерскихъ я сошелся.

Новый ротный нашъ командиръ, рыжій, плотный, съ краснымъ лицомъ, былъ даже не злой человѣкъ, но недалекъ былъ и горячъ при томъ.

У насъ было обыкновеніе держать разныхъ животныхъ въ лагеряхъ—щенятъ, птицъ. Нероновъ, еще только что явился въ лагерь, какъ гдѣ-то ужь досталъ себѣ вороненка, обрѣзалъ ему крылья и выкормилъ его. Онъ такъ и считался ротнымъ вóрономъ. Всѣ его знали и любили. Бывало, утромъ рано облетитъ всѣ кровати и непремѣнно ужь стащитъ что нибудь, или сядетъ на кого нибудь.

— Гдѣ мой сапогъ? кричитъ кто нибудь утромъ.

Глядь, а воронъ, какъ-то смѣшно торопясь и прыгая бокомъ, тащитъ сапогъ, стараясь убѣжать отъ черненькаго крошечнаго щенка, который хочетъ его догнать, да бѣгать еще не умѣетъ.

Общій хохотъ, и воронъ за это не только не наказывается, а даже награждается. Кто нибудь тащитъ ему сыраго мяса.

Утромъ, во время ученья, бывало, сидитъ гдѣ нибудь на палаткѣ и каркаетъ. Онъ знаетъ, что Нероновъ дастъ ему поѣсть. Тотъ беретъ его на руки. Ишь, подлецъ! говоритъ онъ, ударяя его съ удовольствіемъ.

Неронова разъ капитанъ поставилъ за что-то на штрафъ, около своей палатки послѣ обѣда, а самъ легъ отдохнуть. Тому скучно было стоять. Онъ поймалъ ворона своего и пустилъ его въ палатку капитана. Воронъ прошелся по капитану и началъ утверждаться у него на носу и хлопать крыльями.

Капитанъ испугался и взбѣсился.

— Вонъ! прочь! Кши, кши! говорилъ онъ, размахивая руками и колотя бѣднаго ворона, который не могъ найти выхода и бился въ полотно палатки... Ворона онъ велѣлъ убить своему деньщику Иванову.

— Чей это воронъ? Это твой, Нероновъ? я тебя заморю на штрафѣ. И проморилъ. А Нероновъ посадилъ ему двухъ ящерицъ подъ подушку. Капитанъ съ крикомъ вскочилъ и бѣшеный выбѣжалъ изъ палатки. Обвинять было некого—ящерицы могли и сами залѣзть.

— Чтобъ этихъ, этихъ звѣрюшекъ не было, не было помину! брякнулъ онъ, сердясь, кажется, уже на всѣхъ животныхъ.

Эти «звѣрюшки» долго ходили анекдотомъ между нами.

Удаловъ 2-й, злой, черный и здоровенный-двоюродный братъ уѣхавшаго Удалова и ни въ чемъ на того не похожій, былъ особенно изобрѣтателенъ.

У капитана подъ столомъ всегда стояла водка и огурцы Вечеромъ, послѣ ужина онъ выпивалъ и закусывалъ.

Удаловъ 2-й, котораго онъ, кажется, полдня безъ обѣда проморилъ на жарѣ подъ ружьемъ, за это выпилъ у него всю водку дня за три, поѣлъ всѣ огурцы и завалился спать.

Нельзя было объ водкѣ поднимать дѣло, и капитанъ, къ чему-то привязавшись, поставилъ всю роту на штрафъ и потомъ повелъ ее вечеромъ на ученье.

Мы злились и роптали.

— Я ему задамъ! говорилъ, злобно усмѣхаясь, Удаловъ 2-й:—выкину штуку!

И выкинулъ. Когда всѣ легли спать, онъ кругомъ зашилъ капитанскую палатку.

Ночью капитанъ сунулся было полюбоваться природой, но встрѣтилъ непреодолимыя препятствія. Онъ бѣсился и ревѣлъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Ивановъ! Ивановъ! кричалъ онъ своему деньщику:— это что еще?

Изъ этого вышло даже дѣло. Удалова 2-го выдержали подъ арестомъ около мѣсяца на хлѣбѣ и водѣ.

Потомъ на ученьяхъ, когда мы бѣжали опушкой лѣса по кочкамъ, опустивъ штыки, съ крикомъ «ура», капитанъ, страстный фронтовикъ, обыкновенно одушевлялся и обращался къ намъ:

— Ну, ровнѣй, ровнѣй—разъ, разъ! ну!

Удаловъ 2-й, который былъ очень силенъ и ловокъ,

вдругъ подставилъ ему незамѣтно подъ ноги ружье и капитанъ стремглавъ полетѣлъ на кочки, а Удаловъ 2-й уронилъ еще на него и ружье.

— Экія кочки! ворчалъ онъ, поднимая ружье и помогая съ участіемъ встать капитану. Мы же, едва удерживаясь отъ смѣха, бѣжали дальше. Капитанъ злился.

— Ты что?.. онъ также смѣется! накидывался онъ на Удалова 2-го:—ты! дрянь!

— Что вы ругаетесь, грубо возражалъ тотъ:—я же васъ еще и поднималъ!

— Но, молчать! Дрянь! пилитъ тотъ его: — ты бы брата въ примѣръ себѣ ставилъ! Брата старшаго!

— Что мнѣ брата? куда мнѣ его ставить! возражалъ—таки тотъ.

— Молчать! кричалъ ужь капитанъ.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ ужасно надоѣдалъ. Ночи стоятъ отличныя, теплыя, спать не хочется, и мы, послѣ ужина, шинели въ накидку, кучкой садимся на дернъ около палатокъ, или ходимъ по лагерю. Тянетъ, бывало, Ивинъ тихонько пѣсенку, кто-нибудь на гармоникѣ подъигрываетъ, ночь такая свѣтлая, тихая, такъ хорошо какъ-то всѣ поговариваютъ.

— Что это точно волкъ завылъ? спроситъ кто нибудь.

— Нѣтъ, это такъ,—какой же волкъ? отвѣчаетъ Нероновъ.

— А ты ихъ видѣлъ, волковъ-то?

— Два раза ихъ видѣлъ. Разъ мы съ отцомъ ужь осенью верхомъ ѣхали, говоритъ Нероновъ. — Лѣсомъ ѣхали. Отецъ пошелъ въ лѣсъ, а мнѣ лошадей далъ держать. Долго не ворочается. Только слышу—шумитъ это въ кустахъ, я думаю—отецъ, кричу—не отвѣчаетъ. А лошади такъ и бьются. Только ужь послѣ, какъ мы поѣхали съ отцемъ, изъ кустовъ изъ этихъ вышелъ волкъ, поглядѣлъ такъ, поглядѣлъ и пошелъ опушкой въ оврагъ, и пошелъ.

— Не кинулся? спросилъ я, слушая съ любопытствомъ.

— Они лѣтомъ смирные—сыты. Ѣдятъ коренья, мышей, ящерицъ, лягушекъ, а зимой—у! злые! бѣда! У насъ разъ купецъ изъ бани вечеромъ шелъ, такъ напалъ. Тотъ взлѣзъ на заборъ — кричать! Насилу спасся. Тутъ ужь прибѣжали люди—ушелъ.

И пойдутъ разговоры, — какіе волки бываютъ, какъ опасно подъ лагерями: въ рощѣ—чуть было не убили капитана 2-й роты, когда тотъ изъ города ночью на дрожкахъ ѣхалъ. А недѣлю назадъ такъ мертваго нашли...

— Мертваго! скажетъ кто-нибудь испуганно.

И всѣ помолчатъ. Кругомъ стоитъ ночь, раздается «слушàй» часовыхъ, протяжно замирающее въ тепломъ тихомъ воздухѣ...

— Славно! говоритъ негромко Нероновъ, глядя на

другихъ кадетъ, которые какъ тѣни идутъ мимо нашей кучки въ темнотѣ. — Да что мы носы развѣсили! вдругъ вскрикиваетъ онъ. Давай сюда гармонику! Качай! «Ахъ вы сѣни мои, сѣни!»

«Сѣни новыя мои!» подхватываетъ Ивинъ, и за нимъ другіе. Нероновъ сбрасываетъ шинель долой и вылетаетъ вприсядку въ средину кружка. Вотъ еще сбросилъ шинель другой и—пошла писать...

— Ложиться спать! Ложиться спать! слышится сердитый голосъ, и капитанъ появляется изъ палатки:—что вы затѣяли тутъ еще? Это вы выспитесь послѣ обѣда, а ночью не спите — не смѣть же спать послѣ обѣда! Вотъ я вамъ задамъ!

Всѣ, ворча и нехотя, расходятся по палаткамъ.

— Ложиться спать! Не разговаривать! надоѣдаетъ капитанъ. Юковъ, чтожь вы! Удаловъ — я вотъ тебя! экая дрянь!

Новый фельдфебель Горнъ, математикъ, очень положительный и не глупый, кажется, недавно еще произведенный, нѣсколько конфузясь, распоряжается.

— Ну, ложитесь, господа, пожалуйста! упрашиваетъ онъ.

На другой день капитанъ, любившій отдохнуть послѣ обѣда, нарочно не легъ и ходитъ по палаткамъ, чтобы не спали.

— Ишь, выдумалъ! ворчалъ Удаловъ 2-й, съ досады взбрасывая дернъ капитанской палатки ногой вверхъ и бродя вдоль кроватей.

Но Нероновъ, очень радостный, подошелъ и что-то шепнулъ Удалову. Тотъ обернулся.

— Скотина! выругалъ онъ неизвѣстно за что Неронова:—ну, поди всѣмъ скажи, чтобъ такъ ужь всѣ.

— Ну-да! ну-да! отвѣчалъ тотъ, прыгая отъ удовольствія.

По плану Неронова, всѣ желающіе спать должны были отправляться съ подушками на валъ. На правомъ флангѣ лагеря, въ полѣ, кадетами была устроена маленькая крѣпость, обнесенная довольно высокимъ валомъ и рвомъ.

И вотъ капитанъ нѣсколько дней сряду, хоть ему очень хочется спать, ходитъ по палаткамъ зѣвая. Никого нѣтъ ослушниковъ, никто не спитъ. Въ палаткахъ только фельдфебель Горнъ и нѣсколько кадетъ, которые не спятъ послѣ обѣда, занимаются.

Мы бы долго такъ проморили капитана, если-бъ онъ разъ, наскучивъ ходить, не поставилъ себѣ стула около палатки, желая на воздухѣ покурить. Изъ-за вала показалась голова. Кто-то потянулся. Капитанъ сначала не обратилъ вниманія. Но вотъ ужь нѣсколько головъ показалось.—Это еще что? Капитанъ туда.

Но тутъ его поражаетъ спектакль неожиданный. Изъ-

за вала выскакиваетъ цѣлая ватага и, закрывъ лица подушками, чуть не сшибая его съ ногъ, летитъ въ палатки. Нероновъ чуть было не попался: запнувшись обо что-то, онъ упалъ, но догадался упасть лицомъ въ подушку... Мы-таки простояли за это. Пострадали и невиноватые.

Но другая штука, выдуманная Нероновымъ, была лучше всѣхъ.

Разъ, капитанъ намъ особенно надоѣлъ: онъ кричалъ и требовалъ, чтобы мы спать ложились. Нероновъ началъ просить, чтобы всѣ засвидѣтельствовали, что онъ бредитъ по ночамъ.

Фельдфебель было воспротивился, но онъ былъ вновѣ и начальственнаго въ немъ было мало—мы его уговорили.

Вошелъ капитанъ.

— Ложиться! кричалъ онъ. — Кто еще разговариваетъ! ну!

— Дуракъ, болванъ, раздался голосъ Неронова:—звѣрюшка, краснорожій.

— Кто тамъ! Нероновъ! кричалъ взбѣшенный капитанъ.

— Онъ бредитъ, поспѣшили мы отвѣтить:—всегда, каждую ночь.

— Звѣрюшка! краснорожій! говоритъ громко Нероновъ, мечась какъ бы въ бреду...

Капитанъ изъ себя выходилъ. Нѣкоторые не выдержали и фыркнули.

— Молчать! Нероновъ! Вставай! ну!

— Кто тутъ, какой дуракъ? А? я въ рожу дамъ! говорилъ безсвязно Нероновъ, какъ бы протирая глаза.

На другой день его, среди общаго хохота, водили къ доктору показываться. Но какъ узнать—въ самомъ ли дѣлѣ тотъ бредитъ? Говорятъ всѣ, бредитъ,—значитъ такъ. Докторъ прописалъ ему какіе-то порошки. Бредъ по возможности былъ неизлечимъ и всегда случался — когда капитанъ обходилъ палатки.

Войной съ капитаномъ и разными вещами разнообразилась лагерная жизнь. Иногда наѣзжалъ директоръ, дѣлалъ ученье, обходилъ роты и уѣзжалъ. Иногда, раза два, во все лагерное время, полковникъ ночью дѣлалъ тревогу. Этого обыкновенно впередъ никто не зналъ. Среди глубокой ночи, когда всѣ спятъ, вдругъ раздается тревога, сначала въ одинъ барабанъ, а потомъ вдругъ во всѣ шесть.

Офицеры и кадеты торопятся, одѣваются въ шинели, хватаютъ каски, ружья, бѣгутъ стремглавъ на переднюю линію и строятся въ темнотѣ...

Первый взводъ идетъ за знаменемъ. Нашъ фельдфебель Горнъ несетъ его, батальонъ дѣлаетъ на караулъ, музыка играетъ подъ знамя...

Удаловъ 2-й съ Нероновымъ разъ унесли у капитана полусаблю, когда ударили тревогу, и капитанъ, не сооб-

разивъ съ просонковъ, въ чемъ дѣло, не рѣшался выдти безъ нея, припоминая, куда онъ ее положилъ. Какъ ужь онъ обошелся, не знаю, потому что форму соблюдалъ всегда строжайшимъ образомъ.

Съ Нероновымъ сошелся я—онъ мнѣ очень нравился. Но Удалова 2-го я даже боялся, въ немъ было что-то звѣрское. Брата онъ совсѣмъ не напоминалъ. Я до сихъ поръ не знаю, что это былъ за человѣкъ. Для него, напримѣръ, было наслажденіемъ отрывать живымъ птицамъ головы. Найдетъ гдѣ нибудь ворону, или голубя, сожметъ голову двумя пальцами и медленно мастерски оторветъ. А то увидитъ щенка и ногой отброситъ его за нѣсколько саженъ. Тотъ пищитъ, а онъ смѣется, хмуря свои щетинистыя, черныя брови надъ маленькими, блестящими глазами. Когда наказывали солдатъ на задней линіи, Удаловъ ходилъ непремѣнно смотрѣть, какъ это производилось.

Разъ онъ подошелъ къ лошади водовозкѣ, отъ которой солдатъ за чѣмъ-то отошелъ, и перочиннымъ ножемъ глубоко прорѣзалъ ей мясо на шеѣ. Та тихо ржала отъ боли.

Онъ провелъ еще глубже по тому же мѣсту и серьёзно глядѣлъ — какъ дрожала бѣдная лошадь и какъ текла кровь, и держа за узду, не давалъ ей рваться.

Не знаю, что бы онъ еще съ ней сдѣлалъ, если бы

не пришелъ солдатъ. Съ нимъ боялись ссориться, онъ былъ еще и силенъ при этомъ, и ловокъ. Но нужно сказать правду—рѣдко употреблялъ въ дѣло свою силу. Въ ссорахъ онъ не кричалъ, не шумѣлъ, а какъ-то измѣрялъ васъ съ головы до ногъ.

— Не люблю я Удалова 2, говорилъ Ивинъ мнѣ:— какъ любилъ его брата, съ этимъ мнѣ и говорить-то не хочется.

Разъ Удаловъ приставалъ къ хорошенькому Юкову; тотъ разсердился и назвалъ его чумичкой. Этого Удаловъ не терпѣлъ. Онъ тихонько засмѣялся и взялъ Юкова за руку. Что-то точно хрустнуло. Удаловъ 2-й дрожалъ отъ злости.

— Ой! Ой! крикнулъ Юковъ, падая на колѣни. Опять хрустнуло...

— Оставь, Удаловъ, оставь! закричали мы съ Ивинымъ въ одинъ голосъ.

— Не подходи лучше, говорилъ Удаловъ: — сейчасъ пройдетъ—пущу самъ!

Мы притихли. Онъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ почти пустилъ Юкова, который тотчасъ же упалъ на кровать, держась за руку. Помню—меня особенно поразило выраженіе «сейчасъ пройдетъ».

Странное чувство возбудилъ тогда во мнѣ черный Удаловъ, который смотрѣлъ даже какъ-то глупо на свои

сильныя руки, какъ сумасшедшій сжалъ ихъ, разжалъ, обвелъ неопредѣленно глазами и вышелъ изъ палатки.

Странный онъ былъ человѣкъ. Что обѣщалъ—исполнитъ всегда; назови его воромъ—убьетъ, а самъ таскаетъ изъ кухни вареную говядину и пироги; впрочемъ воровалъ онъ исключительно только эти предметы и воровствомъ это повидимому, не считалъ. Его воромъ и никто не считалъ. У товарища не то, что взять безъ спросу, но и попросить онъ не позволялъ себѣ ничего. Иногда въ темные вечера сядетъ на передней линіи и, молча, что-то думаетъ, долго, одинъ... Потомъ я увидѣлъ у него какія-то книжки. Меня тогда они мало интересовали. Но я между прочимъ все таки замѣтилъ Ивину:

— Удаловъ 2-й читаетъ что-то. Я видалъ.

— А, ну, Богъ съ нимъ! отвѣчалъ тотъ:—а знаешь, если книжекъ достать—читать будемъ. Я видѣлъ одинъ романъ «Графиня Монсоро», мнѣ обѣщали.

— Такъ давай вмѣстѣ читать, сказалъ я.

Вечеромъ я полюбопытствовалъ, какая книга у Удалова.

— Иди прочь, убью! крикнулъ онъ сердито, захлопнулъ книгу и съ этихъ поръ уже тщательно пряталъ ее, а я не на столько интересовался, чтобы искать.

Мы прочитали съ Ивинымъ «Графиню Монсоро». Этотъ романъ мнѣ такъ понравился, что я попробовалъ было даже писать что-то въ этомъ родѣ. На чистой те-

тради я озаглавилъ: «Рыцарь Томъ, романъ» и затѣмъ на второй страницѣ значилось: «Было прекрасное іюльское утро. Два всадника, закутанные въ «плащи, ѣхали по дорогѣ».

Затѣмъ у меня ничего не выходило, какъ я ни бился. Я показалъ Ивину, но тотъ какъ-то никакого мнѣнія не выразилъ, да и не имѣлъ, должно быть, никакого мнѣнія.

— Ну вотъ! сказалъ онъ:—давай лучше Амаллатъ-Бека читать. Я досталъ. Говорятъ, отлично!

— Давай! соглашался и я, пряча тетрадь. И мы читали.

И шли дни за днями. Дни свѣтлые, жаркіе, дни дождливые, пасмурные. Вотъ когда дождливые, такъ не хорошо—холодно, лужи подъ ногами и мокрое полотно кругомъ. Всѣмъ скучно, иные толкуютъ, Удаловъ, хмурясь читаетъ что-то, Ивинъ спитъ, дождикъ мѣрно и ровно накрапываетъ. Вѣтеръ дуетъ—скучно. Темнѣетъ...

Барабанъ бьетъ къ ужину. Подъ огромнымъ навѣсомъ зажжены лампы, дымятся оловянныя миски. Мы идемъ по грязи, засучивъ брюки въ сапоги.

А ночью,—какъ воетъ ночью вѣтеръ по пустому полю, какъ шумитъ лѣсъ, какъ волнуется полотно палатки, и какъ тревожно ходятъ длинныя тѣни по мокрому, полосатому полотну! Ночная лампа тускло свѣтитъ и звонко бьется объ зеленый столбъ, качаются тѣни цѣпей и ходятъ по бѣ-

лѣющимъ рядамъ спящихъ кадетъ, которые укрылись, чѣмъ могли, отъ холоду .

Дождь ровно и мѣрно, крупными каплями, шумитъ надъ головой. Мелкіе брызги попадаютъ въ лицо, и уныло, уныло воетъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ, и тревожно бьютъ мокрыя вѣтви деревьевъ въ мокрое полотно. Далеко, слабо, неровно донеслось: «слушай» и затихло, слившись съ ровнымъ шумомъ дождя и раскатомъ грома...

Мокрое полотно сквозитъ свѣтомъ молніи, краснымъ, мгновеннымъ свѣтомъ, и опять протяжный вой вѣтра въ пустомъ полѣ, и опять раскатъ грома...

Не спится. Пойду изъ палатки. Я зацѣпилъ за полотно, выходя, и меня облили крупныя капли. Дождикъ меньше, но сильно дуетъ вѣтеръ, сверкаетъ молнія, и вдругъ какъ бы вспыхиваютъ краснымъ, страшнымъ свѣтомъ лужи на дорожкахъ, палатки и крыша навѣса, и опять темно... Высоко несутся по небу, неустанно быстро несутся куда-то черныя, дождевыя облака. Деревья, порывисто шумя, близко, близко наклоняются въ темнотѣ другъ къ другу, какъ привидѣнія, и принимаютъ какія-то странныя формы...

И опять дуетъ вѣтеръ по пустому полю!... Ровно и глухо, какъ море, шумитъ лѣсъ. Гдѣ-то воетъ собака...

Грустно слушать этотъ шумъ и вой; холодно на соломѣ тюфяка!...

IX.

Въ августѣ мы приходили изъ лагерей, и начинались классы. Я попалъ въ одно отдѣленіе съ Ивинымъ, фельдфебелемъ Горномъ и Удаловымъ 2-мъ, который остался въ этомъ классѣ на другой годъ. Все пошло обыкновеннымъ порядкомъ: фронтовыя ученья, классы, отпуски, дурные и хорошіе балы...

Ивинъ съ Удаловымъ 2-мъ, почти ничего не дѣлая, хорошо учились, потому что оставались въ классѣ второй годъ и имъ все было знакомо. Удаловъ 2-й совсѣмъ ничего не готовилъ, а все подъ столомъ читалъ какія-то книги.

Разъ, въ перемѣну, я заглянулъ въ ящикъ его и нашелъ тамъ французскую книгу.

— Что это такое? спросилъ Горнъ, подходя.

— Histoire de la Rëvolution, прочелъ я.

— Что-жь это, развѣ онъ ужь съ подробностями на второй-то годъ проходитъ? должно быть, для этого оставался! спросилъ Горнъ насмѣшливо. Никто не любилъ Удалова 2-го.

Въ это время кто-то ужасно больно сжалъ мнѣ плечо.

— Я бью тѣхъ, кто ко мнѣ лазитъ, грозно крикнулъ

Удаловъ:—не попадайся во второй разъ! Слышишь! Онъ еще разъ сжалъ мнѣ плечо.

Я вспыхнулъ отъ досады и боли, но, зная Удалова, стушевался. Удаловъ 2-й оглядѣлъ Горна съ ногъ до головы со злобой.

— А ты понялъ, спросилъ онъ его дерзко:—понялъ это заглавіе?

— Чего-жь не понять? исторія революціи—у насъ же это учатъ! Мы съ тобой въ одномъ классѣ, кажется.

— А ты знаешь, напримѣръ, что такое баррикады?

— Когда нужно будетъ, узнаю, отвѣчалъ тотъ уклончиво, видимо уже тяготясь разговоромъ.

Вслѣдствіе этого разговора, мы было прозвали его «баррикадой», но первый же, употребившій въ дѣло это прозвище, получилъ такую встрепку, что дня два, кажется, не могъ спиной къ скамейкѣ прислониться.

Разъ даже изъ этого вышла съ нимъ непріятность.

Учитель исторіи, щуря однажды, послѣ обѣда, свои заспанные глазки и складывая поспокойнѣй руки на толстомъ животкѣ, вызвалъ его отвѣчать.

— Царствованіе Луи-Филиппа, протянулъ онъ лѣниво.

— И февральскую революцію? спросилъ Удаловъ 2-й подымаясь.

— Баррикады! крикнулъ кто-то тихонько. Удаловъ мрачно глянулъ въ ту сторону...

— Ну, да, такъ Луи-Филиппа—поскорѣй! еще нужно кого нибудь спросить...

Удаловъ, нѣсколько затрудняясь въ словахъ и плохо, иногда очень книжно выражаясь, какъ вообще отвѣчающій урокъ кадетъ, пустился однако въ такія подробности, что учитель видимо ужь началъ недоумѣвать и самъ не зналъ, откуда и что тотъ говоритъ, и такъ ли.

То, что разсказывалъ Удаловъ 2-й, было такъ намъ ново и странно, что мы всѣ съ интересомъ слушали оставивъ своя книги.

— Потомъ... потомъ, говорилъ Удаловъ, хмурясь и торопясь, но съ одушевленіемъ:—начали стрѣлять...

Ну, довольно-съ! сказалъ очень сухо учитель:—хорошо, садитесь, садитесь!

Онъ замѣтилъ у двери солдата—знакъ, что сейчасъ войдетъ генералъ.

Но не успѣлъ Удаловъ сѣсть, какъ дверь распахнулась, и генералъ явился. Мы всѣ встали. Учитель поклонился.

— Что вы дѣлали? спросилъ генералъ, закладывая руку за бортъ сюртука, и окинулъ взглядомъ классъ.

— Я сейчасъ спрашивалъ Удалова 2-го, ваше превосходительство.

— А! Удаловъ!—продолжайте-съ. Я не мѣшаю!

Удаловъ всталъ.

Учитель почему то смѣшался и захлопоталъ.

— Вы, Удаловъ, покороче, всѣ эти подробности опустите! теперь-съ, кто послѣ Луи Филиппа. А то вы очень подробно, замѣтилъ онъ.

Зачѣмъ же, перебилъ директоръ:—продолжайте съ того мѣста, гдѣ кончили; я никому не мѣшаю, прибавилъ онъ и строго поднялъ сѣдую голову. Удаловъ потупился.

— Передъ дворцомъ слышались тѣ же крики, началъ онъ, какъ бы припоминая.

— Какіе? вдругъ спросилъ директоръ.

— Смерть Гизо и королю, гораздо тише сказалъ Удаловъ 2-й.

— А! ну, дальше! сказалъ директоръ гораздо внимательнѣе.

— Въ это время во дворцѣ... во дворцѣ, продолжалъ путаясь, по обыкновенію, Удаловъ:—революціонеры выломали заборъ, стѣну. Тамъ караулъ оказывалъ... оказывалъ еще сопротивленіе...

— Постойте перебилъ директоръ: — за что былъ изгнанъ Луи-Филиппъ? И кѣмъ былъ изгнанъ?

— Всѣ... народъ... отвѣчалъ Удаловъ:—были недовольны...

— Вы думаете? Черневскій, продолжайте! сказалъ директоръ.

Я не ждалъ, что меня спросятъ.

— Послѣ Луи-Филиппа... послѣ Луи-Филиппа на пре-

столъ вступила герцогиня Орлеанская, герцогиня Орлеанская...

— Разскажите намъ, Черневскій, подробности; вамъ ихъ вѣрно передалъ господинъ учитель, язвительно замѣтилъ генералъ.

— Я не знаю-съ подробно, ваше превосходительство.

— Этого у нихъ нѣтъ, ваше превосходительство, ни въ классѣ, ни въ программѣ, и я не разсказывалъ, оправдывался учитель:—это онъ ужь самъ.

— Изъ какихъ вы источниковъ, Удаловъ?

— Изъ разныхъ, ваше превосходительство, тихо отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ вы ихъ достаете? Вы намъ скажете?

— Нѣтъ-съ, вдругъ такъ какъ-то странно рѣзко и грубо брякнулъ Удаловъ, что, кажется, самъ почувствовалъ, что дѣло плохо.

— Вы забываете, съ кѣмъ говорите, строго крикнулъ генералъ, вспыхнувъ.—Вы мнѣ скажете! прибавилъ онъ настойчивымъ тономъ.

Удаловъ мрачно потупился и молчалъ.

— Скажете?!...

Опять молчаніе.

— Такъ спросите его! обратился онъ къ дежурному, высокому капитану и, быстро выходя изъ ккасса прибавилъ:—за дверь!...

Удаловъ молча вышелъ изъ класса. Уже къ перемѣнѣ онъ воротился блѣдный...

Началось разслѣдованіе...

X.

Разъ, когда я, собираясь въ отпускъ, чистилъ каску въ спальнѣ, Ивинъ помогалъ мнѣ управляться и грустно замѣтилъ.

— Вотъ ты въ отпускъ идешь, эту милочку Малашу увидишь, а я буду здѣсь сидѣть. Какая скука!

— Пойдемъ къ нимъ вмѣстѣ, сказалъ я, полушутя.

— А что, если пойти; въ самомъ дѣлѣ—ничего?

— Ну да, ничего, отлично! обрадовался я.

Шутка быстро перешла въ дѣло. Нѣкоторыхъ въ то время начали пускать безъ провожатаго и насъ съ Ивинымъ въ томъ числѣ.

Я познакомилъ Ивина съ Марьей Кондратьевной, что было, конечно, просто и легко, какъ нельзя больше. Ивина же я не узналъ тамъ. Онъ и всегда былъ милъ и веселъ, а тутъ какъ-то особенно одушевился, очень много разсказывалъ, смѣялся. Невозможно было не поддаться его милой, откровенной улыбкѣ, его искреннему и веселому смѣху.

— Милый какой! замѣтила Марья Кондратьевна вслухъ безъ всякой церемоніи.

Ивинъ раскраснѣлся и немножко потупился.

Малаша внимательно на него смотрѣла своими голубыми глазками, какъ-то неудержимо, одушевленно смѣялась при его шуткахъ и обо мнѣ точно совсѣмъ забыла.

Мнѣ было очень грустно это обстоятельство. Я забился въ уголъ и молчалъ, и даже какъ будто нѣкоторое враждебное чувство къ Ивину испытывалъ.

Когда мы воротились въ корпусъ, Ивинъ спросилъ:

— Что ты такой? Боленъ что ли?

— Нѣтъ, отстань: разсердился я и потомъ, когда даже всѣ спать легли, долго ходилъ по корридору и думалъ, что бы мнѣ такое сдѣлать, чтобы выиграть въ мнѣніи Малаши.—Вотъ, думалъ я, еслибы на Малашу напалъ волкъ, а я бы кинулся и задушилъ его. Или, если бы изъ подъ шкапа въ спальнѣ выползла змѣя и хотѣла бы ужалить Малашу, а я бы убилъ змѣю, тогда бы меня всѣ хвалили, всѣ бы говорили: какой я храбрый! И у меня сердце замирало при мысли, какъ храбро кинулся бы я на волка. Вотъ если бы мы еще съ ней вмѣстѣ на кораблѣ по морю ѣхали, думалъ я:—и вдругъ бы буря... Корабль трещитъ, мы тонемъ, но я спасу Малашу и буду съ ней жить на необитаемомъ островѣ...

Мечты эти меня ужасно одушевили и взволновали. Я

началъ припоминать читанное мною въ романахъ о морѣ и корабляхъ и вдругъ вспомнилъ, что Иванъ Иванычъ, нашъ учитель русскаго языка, задалъ намъ темы для сочиненій. Одна тема называлась «Корабль;» фразы романовъ о бурно-шумящемъ морѣ, о глухомъ плескѣ прибрежныхъ валовъ въ крѣпостныя стѣны и гранитныя скалы, которыя я припомнилъ, меня взволновали такъ, что мнѣ ужасно захотѣлось ихъ написать, конечно, какъ свои. Мнѣ онѣ казались своими, или лучше сказать, я этого не разбиралъ, чьи они—такъ ужь они были красивы сами по себѣ. Я началъ ихъ писать карандашемъ, усѣвшись подъ лампой въ корридорѣ.

— Ложись спать, приказалъ Горнъ;—чего ты тутъ?

— Къ завтраму сочиненіе нужно, отвѣчалъ я, и меня ужь не трогали.

Сочиненіе, сколько могу припомнить, все состояло изъ пошлѣйшихъ общихъ мѣстъ, которыя прежде иногда называли «хорошимъ слогомъ».

Но помню, что писать мнѣ было очень пріятно. Это было какое-то особенное, возбужденное, взволнованное состояніе, которое испытываетъ хоть разъ въ жизни, я думаю, всякій человѣкъ, даже не писавшій никогда ни одной строчки, когда онъ дѣлаетъ что нибудь новое не или обыкновенное.

Я перечитывалъ и заучивалъ наизустъ написанное и

уже очень поздно, утомленный этимъ волненіемъ, легъ спать, положивъ сочиненіе подъ подушку, чтобъ утромъ, при дневномъ свѣтѣ, прочитать его съ новымъ радостнымъ чувствомъ.

Мнѣ снились какіе-то все корабли, Малаша, Ивинъ, необитаемые острова, плескъ волнъ какихъ-то и стоны погибающихъ среди темной ночи...

XI.

Утромъ, во время занятій, я подошелъ къ Ивину. Онъ прилежно занимался урокомъ.

— Послушай, ты сдѣлалъ сочиненіе?

— Конечно. А ты?

— Тоже сдѣлалъ. Да вотъ не знаю, какъ оно покажется, началъ я, нѣсколько конфузясь и боясь смутно за нѣкоторыя мѣста сочиненія. Но потомъ, вспомнивъ другія мѣста, которыя казались мнѣ хорошими, воспламенился духомъ при мысли, какъ они должны понравиться Ивину.—Знаешь, я бы хотѣлъ тебѣ прочитать... Я не знаю, хорошо ли, понравится ли Ивану Иванычу?.

Тотъ удивился, что я придаю этому такое значеніе.

— Чтожь, сказалъ онъ:—развѣ въ первый разъ! Ну,

не понравится—къ чорту! очень тебѣ нужно—вѣдь это не урокъ. Недостанется же, штрафнаго бала не поставитъ.

— Не то, возразилъ я, почему-то разсердившись на него въ первый разъ за низкій уровень его понятій:—я, видишь, хотѣлъ бы тебѣ прочесть, какъ тебѣ понравится.

— Я занимаюсь, слегка возразилъ онъ:—чтожь тутъ читать? Извѣстно, сочиненіе...

— Да нѣтъ же, Господи! опять разсердился я и хотѣлъ было ему разсказать всю эту ночь, какъ она для меня прошла, какъ все это писалось, но привыкнувъ къ постоянной скрытности, удержался.

— Если я тебѣ мѣшаю, такъ не надо, сказалъ я въ пику ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! быстро и съ участіемъ, но все таки удивляясь, началъ онъ, и улыбаясь своей доброй, милой улыбкой.

Эта улыбка меня ободрила. Я отозвалъ его къ окну и началъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ читать свое сочиненіе подъ шумъ и говоръ кадетъ, понижая голосъ, когда этотъ шумъ утихалъ и совсѣмъ переставая читать, когда кто нибудь подходилъ.

— Ну, какъ тебѣ кажется? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Это не такое сочиненіе, какъ мы всѣ подаемъ, началъ онъ задумчиво, раскрывая свои большіе сѣрые глаза.

Я обрадовался.—Такъ тебѣ очень нравится?

— Нѣтъ, совсѣмъ не нравится. Это, началъ онъ съ усиліемъ, точно что-то припоминая:—это какъ въ книжкахъ пишутъ. Нѣтъ или не такъ... Нѣтъ такъ, рѣшилъ онъ окончательно;—это мы Аммалатъ-бека съ тобой читали, такъ похоже очень.

Я оскорбился и молча, свернувъ тетрадь, пошелъ къ столу.

Ивинъ объ авторскомъ самолюбіи, конечно, не имѣлъ никакого понятія, а то навѣрное началъ бы меня утѣшать. Онъ никакъ не ожидалъ, что такъ меня огорчитъ своимъ откровеннымъ отвѣтомъ.

Барабанъ ударилъ.

— Господа, строиться въ классы! Скорѣй! кричалъ офицеръ. Я еще больше разстроился, когда, стоя въ рядахъ и просматривая сочиненіе, самъ нашелъ нѣкоторыя мѣста что-то того...

На каѳедру взошелъ Иванъ Иванычъ своей тяжелой скорой походкой, съ портфелемъ въ рукахъ: это означало, что онъ спрашивать не будетъ, а весь классъ пройдетъ въ раздачѣ сочиненій.

Съ самаго начала класса мнѣ было весело, хоть и билось сердце. Что-то скажетъ? думалъ я. Солнце жарко свѣтило въ большія окна и весело блистало на полу. И меня очень веселила мысль, что спрашивать не будутъ.

Кадеты тоже, довольные этимъ обстоятельствомъ, были веселы; въ классѣ слышался полусдержанный, веселый шопотъ и смѣхъ.

— Ты на какую тему?

— Корабль! Тамъ навалялъ!

— Что-то будетъ? кто первый?

Иванъ Иванычъ поправилъ очки и вынималъ одну за другой наши тетради изъ новенькаго, зеленаго портфеля.

— На этотъ разъ, господа, я долженъ вамъ сказать, началъ онъ, поглаживая короткіе, сѣдоватые волосы, и поднявъ на насъ очки свои, отчего они блеснули двумя свѣтлыми овалами на солнцѣ:—я долженъ вамъ сказать, что сочиненія вообще плохи.

Я упалъ духомъ и понурился, но все надѣялся, что буду исключеніемъ, и взглянулъ на Ивина.

Тотъ сидѣлъ спокойно и равнодушно улыбнулся при послѣднихъ словахъ.

— Есть и особенно плохія, продолжалъ Иванъ Иванычъ.

Классъ развеселился. «Это вѣрно твое!» слышался шопотъ и смѣхъ. «Ну нѣтъ, братъ, это ты что-то трудился»!

— Господа, я ничего не нахожу смѣшнаго въ этомъ грустномъ фактѣ. Никто почти изъ васъ не умѣетъ выражать свои мысли. А другой и умѣетъ отчасти, но что за скудость соображенія! Ну, какъ не найтись сказать о

предметѣ хоть нѣсколько словъ? Напримѣръ, вотъ хоть Ивинъ.

Ивинъ всталъ.

— Ну, что вы написали нѣсколько строкъ? Развѣ это сочиненіе? И такъ сухо, коротко. Не хорошо-съ, очень не хорошо! Только бы отдѣлаться! Ну чтожь это такое?

Ивинъ слегка покраснѣлъ и потупился.

— Какъ умѣлъ, замѣтилъ онъ:—да и корабля я, Иванъ Иванычъ, никогда отъ роду не видѣлъ, что же писать?

— Могли бы взять другую тему. Извольте-съ ваше сочиненіе. Ивинъ вышелъ, молча взялъ тетрадь, не глядя положилъ ее въ столъ и продолжалъ заниматься.

— Вотъ и Черневскій тоже никогда не видѣлъ корабля, но, видно, что читалъ, составилъ себѣ объ этомъ предметѣ понятіе...

Сердце у меня сильно забилось...

— Черневскій, возьмите вашу тетрадь. Прекрасно-съ, очень хорошо, я отъ души порадовался. Вотъ, господа, единственное сочиненіе, въ которомъ я замѣтилъ умѣнье выражаться. Видно, что онъ обладаетъ слогомъ. И съ жаромъ написано, съ толкомъ, отлично! Возьмите.

Торжества полнѣе я и не представлялъ даже себѣ. Я чувствовалъ, что весь горю до самыхъ волосъ. Мнѣ

было и пріятно и чего-то стыдно. Я взялъ тетрадь и, взглянувъ передъ собой, встрѣтилъ полувнимательные, полунасмѣшливые взгляды товарищей. Слышались замѣчанія:

— Сочинитель!

— Поэтъ! Это онъ потихоньку сочиняетъ!

Фельдфебель Горнъ, сидѣвшій на первой лавкѣ, оставилъ свою грифельную доску и, откинувшись назадъ, свысока оглядѣлъ меня.

Вообще мнѣ показалось, что больше были какъ будто не довольны. Быть можетъ, мнѣ это только показалось, но все-таки вдругъ стало отъ чего-то горько и грустно. Одни только сѣрые, большіе глаза Ивина смотрѣли на меня съ сочувствіемъ и радостью. Онъ за меня радовался Я почувствовалъ вдругъ такое расположеніе къ нему, что мнѣ захотѣлось къ нему подойти, но во время класса это было неудобно...

На моемъ сочиненіи красными чернилами Иванъ Иванычъ помѣтилъ: «отлично. Видно, что читаете и владѣете слогомъ вполнѣ. Желательно, чтобъ вы больше вниманія обратили на нѣкоторую способность къ сочиненіямъ, которую я въ васъ замѣчаю».

Я читалъ и перечитывалъ эту надпись, училъ ее наизустъ и волновался. Потомъ перечелъ все сочиненіе, которое мнѣ вдругъ очень понравилось, потомъ опять чи-

талъ надпись, держа тетрадь подъ столомъ, и не слыхалъ почти ни одного замѣчанія, которыя дѣлалъ Иванъ Иванычъ, раздавая сочиненія, и только очнулся, когда ударилъ барабанъ перемѣну, и все кругомъ меня засуетилось и зашумѣло...

— Черневскій, Черневскій! раздались голоса.

Я поднялъ голову и увидѣлъ Ивана Иваныча, который стоялъ у каѳедры съ портфелемъ, въ выжидающемъ положеніи, и глядѣлъ на меня.

— Пойдемте со мной, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, произнесъ онъ, выходя въ двери.

Идя за нимъ по корридору, я обращалъ на себя, къ несчастію, общее вниманіе. У насъ за учителями какъ-то ходили больше тѣ, которые получили штрафные баллы.

Поклонившись двумъ-тремъ офицерамъ и учителямъ по дорогѣ, Иванъ Иванычъ отвелъ меня въ уголъ корридора и остановился.

— Скажите, пожалуста, что вы много читаете? началъ онъ, обращая на меня свѣтлыя стекла очковъ:— это замѣтно, у васъ слогъ выработанный. Вы прекрасно языкомъ владѣете.

У меня голова закружилась и замерло сердце отъ новаго, пріятнаго ощущенія.

— Да-съ, я много читаю...

— Что же вы читаете?

— Все-съ... Вотъ журналы: «Современникъ»... и другіе! сказалъ я, и совралъ, потому что журналовъ никогда не читалъ, а только видѣлъ ихъ оглавленія, случайно запомнилъ два-три имени, и при семъ удобномъ случаѣ опять совралъ, назвавъ этихъ писателей, какъ своихъ любимыхъ.

— Я больше, впрочемъ, критическія статьи читаю, поспѣшилъ я прибавить, не будучи въ состояніи остановиться въ своемъ враньѣ и вдругъ представивъ себѣ, что ужь дальше этого человѣческая премудрость идти едва ли можетъ.

Иванъ Иванычъ потупился.

— Ну да... критическія статьи... Но вѣдь всего не перечтешь—много! Вы гдѣ книги достаете? Заходите ко мнѣ—я вамъ буду давать. Я буду очень радъ васъ видѣть. Вѣдь здѣсь, я думаю, трудно книги доставать.

— Да-съ.

Иванъ Иванычъ, повидимому, сказалъ все, что хотѣлъ и тронулся съ мѣста.

Тутъ я вдругъ еще одну ложь придумалъ. Кажется бы довольно, но я остановилъ Ивана Иваныча.

— Я пишу теперь рядъ сочиненій подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Очерки...» Позвольте вамъ теперь ихъ представить, смѣло брякнулъ я, чувствуя, впрочемъ, къ себѣ отчасти презрѣніе за этотъ вопросъ, потому что

никакихъ очерковъ не писалъ, и въ головѣ ихъ у меня не было до сихъ поръ.

— Сдѣлайте одолженіе, очень радъ. Что же вы давно мнѣ не сказали.

— Я теперь пишу въ этихъ очеркахъ объ древнихъ сказкахъ, продолжалъ я врать:—мнѣ хочется доказать, что этотъ родъ...

— Ну, хорошо; вы мнѣ вообще все принесите, прекратилъ мои разглагольствованія Иванъ Иванычъ, которому это начало, повидимому, надоѣдать.

Въ классѣ я встрѣтилъ Ивина, который сидѣлъ на моемъ мѣстѣ и смотрѣлъ въ мою тетрадь.

— Вотъ это отлично, сказалъ онъ, весело взглянувъ на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ и холоднымъ уваженіемъ, котораго не было въ нашей прежней короткости:—вотъ, братъ, ты какъ нынче! Онъ съ тобой сейчасъ говорилъ? Что онъ говорилъ такое?

— Ужасно, какъ хвалилъ, началъ я, нѣсколько важничая:—говорилъ, что я пишу совершенно какъ теперь писатели въ журналахъ. Просилъ бывать у себя, какъ можно чаще...

— Вотъ какъ! сказалъ какъ будто нѣсколько нерѣшительно Ивинъ, смутно чувствуя, должно быть, что тутъ что нибудь не такъ.

— Да, братъ, началъ я, потупляясь: — онъ еще что

мнѣ сказалъ — только ты, пожалуйста, никому не говори — у насъ какъ-то смотрятъ на это...

— Нѣтъ, не скажу. Что такое? спросилъ онъ, живо интересуясь.

Я зналъ, что на его слово можно положиться какъ на каменную стѣну и потому сказалъ довольно спокойно, желая на этотъ разъ только предъ нимъ порисоваться.

— Онъ обѣщалъ послать какое нибудь мое сочиненіе для печати.

— Что ты? спросилъ онъ съ удивленіемъ и не подозрѣвая, что можетъ придти человѣку охота такъ безсовѣстно выдумывать.

— А вотъ тебѣ не нравилось, Ивинъ! началъ я, уже торжествуя и съ снисхожденіемъ побѣдителя, т. е. не добивая побѣжденнаго въ конецъ, а ужь такъ пуская вскользь замѣчаніе, даже насмѣшливое.

— Да что жь я! я вѣдь что тутъ понимаю! Я самъ вонъ какъ плохо сдѣлалъ! сказалъ онъ, смѣясь добродушно надъ собою и даже какъ будто удивляясь, что я вспомнилъ объ его замѣчаніи: до того онъ себя забылъ.

— Ну, это отлично, что такъ вышло, продолжалъ онъ съ искреннею радостью, пожимая мнѣ руку: — ну что жь, ты будешь другія ему подавать?

— Да, и другія, сказалъ я небрежно, впадая въ лаконизмъ и умалчивая объ «рядѣ сочиненій».

XII.

Въ одно воскресенье вечеромъ, я отправился къ Ивану Иванычу.

Онъ жилъ въ дальнемъ переулкѣ города, одинъ въ маленькой квартиркѣ. Я и прежде вскользь слышалъ объ немъ, что онъ очень умный, образованный, что у него много книгъ, но въ моей головѣ все это какъ-то примѣшивалось къ моему сочиненію. Мнѣ казалось, что онъ меня непремѣнно приметъ съ радостью, какъ все-таки не такого же какъ другіе кадеты (я ужь начиналъ это подумывать), и что мы съ нимъ очень весело проведемъ вечеръ и поговоримъ — ну хоть объ моихъ сочиненіяхъ...

Я несъ ему толстую тетрадь, которую въ самомъ дѣлѣ написалъ, такъ какъ, упомянувъ объ очеркахъ, нужно же было что нибудь принести. Мнѣ не приходило въ голову, что Иванъ Иванычъ давно, можетъ быть, забылъ объ моихъ словахъ и не удивился бы, если бы я и не принесъ ему ничего.

Въ пріятныхъ мысляхъ шагалъ я по темному переулочку мимо фонарей, которые тускло свѣтились на по-

чтительномъ другъ отъ друга разстояніи и освѣщали мокрый снѣгъ.

— Онъ будетъ мнѣ радъ, я знаю, думалъ я, стуча въ дверь, и вдругъ отчего-то оробѣлъ.

Дверь мнѣ отворила старуха-кухарка съ сальнымъ огаркомъ въ рукахъ.

— Баринъ спитъ, сказала она:—не велѣлъ будить. Вамъ его нужно теперь?

— Нѣтъ, я ничего, я приду послѣ. Черезъ часъ можно? спросилъ я, смущаясь.

— Да, черезъ часъ заходите, онъ встанетъ.

Я ушелъ и обходилъ нѣсколько улицъ, потомъ зашелъ къ ротному командиру попроситься до 12 часовъ, потому что думалъ ужь такъ и просидѣть весь вечерокъ у Ивана Иваныча. Меня отпустили.

Когда я въ другой разъ постучался, мнѣ отворилъ уже самъ Иванъ Иванычъ въ халатѣ.—А, это вы! очень радъ васъ видѣть, сказалъ онъ.

Въ кабинетѣ сильно пахло табакомъ очень крѣпкимъ, и дымъ, какъ туманъ, стоялъ въ комнатѣ. Кстати, это странно, но запахъ табаку для меня постоянно соединялся съ представленіемъ о чемъ-то очень умномъ. Сквозь дымъ свѣтилась лампочка подъ зеленымъ колпачкомъ на письменномъ столѣ, заваленномъ книгами и бумагами, и блистали стекла большаго шкафа, набитаго книгами.

Въ креслахъ передъ письменнымъ столомъ курилъ сигару какой-то высокій господинъ съ бакенбардами, перелистывая книгу. Онъ вскользь взглянулъ на меня.

— Вы извините, Черневскій, сказалъ Иванъ Иванычъ:—черезъ часъ мы съ нимъ ѣдемъ къ однимъ знакомымъ; я одѣваюсь.

Онъ снялъ халатъ и повязывалъ галстухъ.

— Нѣтъ-съ, ничего, помилуйте! возражалъ я, конфузясь и обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ на этотъ вечеръ:—я уйду сейчасъ, не буду мѣшать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же сейчасъ; посидите пока. Вотъ молодой человѣкъ, пишетъ тоже и удачно, обратился онъ къ господину съ баками.

Тотъ поднялъ голову отъ книги.

— Прозой, или стихами?

— Прозой, началъ я торопливо, желая въ короткое время побольше наговорить и представить себя со всевозможныхъ хорошихъ сторонъ передъ новымъ лицомъ:—я теперь принесъ вотъ эту тетрадь; тутъ цѣлый рядъ сочиненій: мысли, замѣтки и впечатлѣнія, вообще все, что иногда такъ незамѣтно проходитъ въ душѣ, но что, если мы замѣчаемъ и излагаемъ письменно, становится важнѣе многаго, повидимому, важнаго въ жизни...

Я все это сказалъ скоро, какъ можно скорѣй: мнѣ

нравилась моя рѣчь. Написанная на бумагѣ, она кажется невозможною но мало ли что говорится! И получше этого—самъ не замѣтишь.

Господинъ съ баками всталъ.

— А! сказалъ онъ:—мысли и впечатлѣнія! что же это, въ видѣ афоризмовъ, или въ иномъ родѣ—разсказы?

Я ободрился.

— Нѣтъ, не въ видѣ афоризмовъ, повторилъ я за нимъ, не желая показать, что не понимаю этого слова:—это просто рядъ очерковъ изъ жизни одного чиновника. Я вдругъ остановился и чего-то сконфузился.

— Чиновника? перепросилъ Иванъ Иванычъ.—Но откуда же вы знаете жизнь чиновниковъ? Чью же жизнь вы описываете?

— Я не знаю жизни чиновниковъ, уже не такъ бойко продолжалъ я:—я это такъ выдумалъ... т. е. это сочиненіе.

— Вы выдумали это сочиненіе? Да, это другое дѣло, серьезно замѣтилъ господинъ съ баками.

Кухарка принесла чай. Мы сѣли около стола. Мнѣ ужасно хотѣлось по кадетской привычкѣ свалить себѣ всю корзинку кренделей, но я удержался, подумавъ, что это неприлично при умныхъ людяхъ.

— Что, у васъ легко доставать книги? спросилъ господинъ съ баками:—вы много читаете?

— У насъ невозможно много читать, началъ я, опять одушевляясь желаніемъ выказаться съ хорошей стороны:— при всемъ желаніи познакомиться съ литературой, на это нѣтъ возможности, да и времени тоже нѣтъ, потому что ученья, гимнастики и танцы отнимаютъ очень много времени.

— Дѣйствительно, мало у насъ средствъ къ развитію. Я уже представлялъ необходимость выдавать книги или журналы, началъ Иванъ Иванычъ, обращаясь къ господину съ баками:—но нужно все это видѣть и знать.

— Воображаю! замѣтилъ господинъ съ баками, откидываясь на спинку кресла и поднимая свои большіе, красивые глаза къ потолку.

— Вотъ, напримѣръ, вчера приходитъ ко мнѣ въ классъ нашъ педагогъ, продолжалъ Иванъ Иванычъ, уже исключительно обращаясь къ господину съ баками, какъ о предметѣ имъ взаимно знакомомъ:—и говоритъ, чтобы я какъ можно ближе къ программѣ держался; «а то вы, говоритъ, что-то все имъ объясняете: ну, что тамъ мальчишкамъ философію объяснять!» такъ и сказалъ—философію объяснять. Иванъ Иванычъ разсмѣялся.

— Вотъ и живи съ такими! сказалъ господинъ съ баками. Онъ даже нѣсколько разгорячился и прошолся по комнатѣ.

Я слушалъ все это жадно, съ какимъ-то страннымъ

удовольствіемъ, вотъ какъ соловья слушаютъ. Мнѣ было пріятно, что я попалъ въ общество такихъ умныхъ людей: и говорятъ-то они лучше—не то, что у насъ!

— Именно:

Люби покой, природу, книгу...
И независимость храни...

продекламировалъ между тѣмъ, нѣсколько распѣвая, господинъ съ баками:—одно только и спасенье отъ этой грязи и тины!

Я не понималъ еще, въ чемъ дѣло: къ такому языку не привыкъ, но меня занимала собственно, такъ сказать внѣшняя форма разговора.

— Чьи это стихи вы сказали? очень извѣстные-съ—только я забылъ, сказалъ я, не желая ударить лицомъ въ грязь. Я этихъ стиховъ и не помнилъ никогда.

— Некрасова, сказалъ Иванъ Иванычъ:—но послушайте, обратился онъ уже къ господину съ баками:—я все о Бѣлинскомъ—что за вѣрность взгляда и вкуса! рѣшительно непогрѣшимая въ искусствѣ! Все читалъ сегодня.

— Это мой учитель рѣшительно! сказалъ господинъ съ боками, мотнувъ головой съ такимъ выраженіемъ, что, молъ и говорить нечего.

Я не понялъ и задумался. Мнѣ представился Бѣлинскій въ видѣ нашего учителя исторіи, толстый и малень-

кій; но какъ онъ спрашиваетъ у господина съ баками урокъ?—мнѣ показалось это такъ смѣшно, что я фыркнулъ нечаянно какъ-то, но тотчасъ же застыдился.

— Что вы смѣетесь? съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Нѣтъ-съ, я такъ, началъ я, мучась, что сдѣлалъ глупо, и желая, чтобъ ужь не обращали на меня вниманія. Но и господинъ съ баками оборотился.

— Вы когда-жь учились у этого, у Бѣлинскаго? спросилъ я его вдругъ, торопясь постороннимъ вопросомъ загладить впечатлѣніе своего фырканья.

— Какъ учился? спросилъ тотъ, совсѣмъ не понимая.

— Нѣтъ, замѣтилъ Иванъ Иванычъ, немножко морщаись и, кажется, тяготясь моимъ присутствіемъ:—вы не такъ поняли выраженіе «учитель». Бѣлинскій — это критикъ, очень извѣстный, съ огромнымъ талантомъ, воспитавшій цѣлыя поколѣнія... Да! А совсѣмъ не то...

Я сконфузился.

— Не пора ли намъ? спросилъ господинъ съ баками, усмѣхнувшись въ сторону и глядя на часы.

— Да, поѣдемте, сказалъ Иванъ Иванычъ, вставая:— извините, Черневскій, повторилъ онъ, взявшись за шляпу:— мы васъ довеземъ до корпуса.

Тутъ я выкинулъ еще колѣнцо.

Я подошелъ къ господину съ баками и протянулъ руку.

— Позвольте познакомиться!—Я Черневскій, сказалъ я съ какимъ-то даже достоинствомъ:—мнѣ будетъ очень пріятно съ такимъ умнымъ человѣкомъ...

Я даже захлебнулся отъ уваженія. Тотъ пожалъ мнѣ руку молча.

— Будетъ ли еще дома? спросилъ онъ у Иванъ Иваныча, не отвѣчая мнѣ.

— Будетъ! куда онъ выходитъ? отвѣчалъ Иванъ Иванычъ.

— Славная личность! прибавилъ господинъ съ баками. Вотъ этакъ бы два три знакомыхъ, съ которыми душу можно отвести, да книги!

— Зарыться въ книгахъ отъ этой жизни, прибавилъ Иванъ Иванычъ, надѣвая калоши, съ одушевленіемъ...

XIII.

На слѣдующее воскресенье, на рожденье Малаши, которой исполнилось пятнадцать лѣтъ, мы отправились съ Ивинымъ обѣдать къ Марьѣ Кондратьевнѣ. Я очень гордился тѣмъ, что меня безъ провожатаго пускаютъ и что у меня начались знакомства съ умными людьми, и уже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ шелъ въ такое пустое и глупое общество.

У Ивина же, повидимому, никакихъ подобныхъ соображеній не было.

Онъ радостно глядѣлъ кругомъ.

— Славный день сегодня! говорилъ онъ:—гляди, какъ хорошо! Только вотъ таютъ эти сосульки отъ солнышка—всего забрызгало... А небо-то какое синее! гляди!

— Да! отвѣчалъ я снисходительно.

Въ воротахъ мы встрѣтили Аксинью. Она поклонилась.

— Охъ ужь, батюшки! ждали все васъ, поди-ка-сь, съ утра, сказала она.

— Здравствуй, здравствуй, Аксиньюшка, сказалъ ей Ивинъ радостно:—здорова?

— Что мнѣ, батюшка, дѣлается?

— Ну, пойдемъ скорѣй, перебилъ я съ нетерпѣніемъ, досадуя на него за что-то.

— На крылечкѣ встрѣтила насъ Малаша. — Что вы такъ поздно? сказала она. Ахъ Ивинъ! тихонько крикнула она и вспыхнула, потупившись.

Она какъ-то пополнѣла и еще похорошѣла въ послѣднее время.

Ивинъ прямо подошелъ къ ней и сейчасъ же заговорилъ.

— Съ днемъ рожденія васъ! началъ онъ скоро и весело:—а я за эту недѣлю ужасъ, какъ объ васъ соску-

чился! Уроки, все, все надоѣло, ей Богу! Такъ и думаю все: когда, когда воскресенье!

Малаша взглянула голубенькими глазками на него изъ подлобья и лукаво улыбнулась своими свѣжими губками, немножко краснѣя.

— И я тоже все думаю, сказала она: — все, думаю когда, когда воскресенье!

Ивинъ тихонько засмѣялся.

— И вы тоже!

— А мы съ бабушкой были нынче въ церкви, молебенъ отслужили, сказала серьезно Малаша, идя впереди и полуоборачиваясь къ Ивину.

Обо мнѣ они какъ будто забыли.

Полы у Марьи кондратьевны и двери были чисто вымыты; по полу лежали узкіе коврики и въ комнатахъ накурили смолкой.

Марья Кондратьевна, поднявъ очки на лобъ, качала головой и улыбалась.

— Озорники-то! говорила она:—ихъ съ утра ждутъ а они вотъ... Ахъ, вы!

— Нельзя было, Марья Кондратьевна, началъ Ивинъ и очень скоро и подробно разсказалъ всю правду, почему было нельзя.

Къ обѣду пришелъ старецъ и сѣлъ за свой приборъ. Ивинъ первый ему поклонился улыбаясь. За обѣдомъ

онъ перемигивался съ краснѣющей Малашей, которая какъ-то все избѣгала моего взгляда.

— Мое почтеніе, вѣжливо сказалъ ему старецъ: мнѣ онъ никогда ничего не говорилъ подобнаго.

— Всѣмъ наукамъ васъ обучаютъ? продолжалъ онъ, ласково глянувъ на Ивина:—а какъ земля свое круговращеніе имѣетъ?

— Какъ она вертится-то? спросилъ Ивинъ и разсказалъ, какъ.

— Все суемудріе, замѣтилъ старецъ со вздохомъ.

— А я жь не знаю, весело возразилъ Ивинъ:—насъ какъ учатъ, такъ и вѣрю этому! Вотъ еслибъ я самъ могъ узнать,—а то не могу узнать—такъ и вѣ—рю! онъ мѣтился въ Малашу и кинулъ шарикъ.

— Ахъ, Ивинъ, оставьте! сказала она даже съ какимъ-то восторгомъ и съ единственною, кажется, мыслью лишній разъ сказать вслухъ его имя и подвести подъ что нибудь въ родѣ выговора такого милаго, какъ Ивинъ, чтобъ послѣ вдоволь насмѣяться и наговориться объ этомъ.

— Ты, миленькій мой, озорникъ не послѣдній, замѣтила съ любовью Марья Кондратьевна, грозясь на него.

Онъ очевидно дѣлался здѣсь общимъ любимцемъ. Мнѣ стало это досадно, и хотя я считалъ это общество ниже себя, но всегда непріятно терять, въ какомъ бы то ни было обществѣ.

Послѣ обѣда, въ этомъ простомъ кружкѣ, гдѣ ничего конечно, не знали объ условныхъ приличіяхъ, меня почти позабыли. Малаша съ однимъ только Ивинымъ и говорила. Онъ всѣмъ нравился. Да и теперь, припоминая его, я думаю, что онъ не могъ и не нравиться. А тогда я удивлялся, отчего ему передо мной предпочтеніе, и хотѣлъ выиграть въ мнѣніи Малаши такой выходкой:

— А я сейчасъ пойду къ Ивану Иванычу, обратился, я какъ бы къ Ивину, когда мы остались втроемъ.

— Кто это? спросила Малаша, нисколько, кажется не огорчаясь, что я уйду.

— Нашъ русскій учитель, просто объяснилъ Ивинъ.

Я остался имъ недоволенъ.

— Это чрезвычайно умный и ученый человѣкъ, началъ я, важничая:—онъ просилъ меня бывать у себя.

— Что жь ты будешь у него дѣлать, у ученаго-то? спросила Малаша, полураскрывъ розовыя губки съ любопытствомъ.

Я за что-то разсердился.

— Онъ ему отличныя сочиненія подаетъ, вмѣшался Ивинъ: — лучше всего класса, — учитель ужасно какъ хвалитъ!

— Какое же «сочиненіе»? спросила та.

А ты не знаешь? Я расхохотался самымъ обиднымъ смѣхомъ:—не знаешь?

— Чѣмъ же я виновата, сказала та, потупляясь и краснѣя.

— Какъ это глупо! продолжалъ я;—какъ глупо.

Малаша разсердилась, щечки ея вплоть до блестящихъ глазъ ярко вспыхнули.

— Глупо, такъ глупо! идите къ своимъ умнымъ, намъ васъ не надо!

Ивинъ страдалъ за насъ. Онъ, кажется, хотѣлъ такъ сдѣлать, чтобъ я надъ Малашей не смѣялся и чтобъ она не сердилась. Но это не удалось.

Я важно всталъ.

— Прощай, сказалъ я Ивину, не глядя на Малашу, и ушелъ къ Ивану Иванычу. Его я не засталъ дома, или онъ не сказался дома. И я пошелъ по улицамъ. Мнѣ стало вдругъ очень грустно. Я почувствовалъ себя почему-то одинокимъ: и Малаша со мной не та, и Ивинъ не тотъ, думалъ я, по обычаю обвиняя другихъ, тогда какъ самъ былъ кругомъ виноватъ. Не хочу теперь идти къ Марьѣ Кондратьевнѣ, подумалъ я, направляясь въ корпусъ.

Заглянувъ въ пріемную комнату, я увидѣлъ какого-то большаго, чернаго гимназиста, задумчиво ходившаго взадъ и впередъ съ книгой подъ мышкой, которую онъ, кажется, нарочно держалъ переплетомъ вверхъ. Я прочиталъ: «сочиненія Пушкина» и рѣшился заговорить съ нимъ.

«Умный, должно быть», подумалъ я, и въ слухъ прибавилъ!—вы къ кому-съ?

— Я къ Горну; я братъ его двоюродный, пояснилъ онъ, чѣмъ-то очень гордясь и съ большимъ достоинствомъ: — но у васъ тутъ ничего не дождешься; длинная процедура докладовъ, прибавилъ онъ, дѣлая умное лицо.

«Процедура докладовъ»—это хорошо, подумалъ я:—онъ умный.

— Бѣдность мыслительныхъ отправленій замѣчательная, сказалъ я съ убѣжденіемъ.

Гимназисту это, кажется, понравилось. Кстати прибавлю, что тогда у меня явилась странная способность запоминать фразы, только что слышанныя, и даже дѣлать изъ нихъ употребленіе при случаѣ.

— Вашъ братъ у насъ фельдфебелемъ, отлично учится, сказалъ я.

Гимназиста это, кажется, не проняло нисколько. Онъ даже поморщился.

— Да! сказалъ онъ: — но онъ ужасно неразвитъ и вслѣдствіе этого не интересуется ничѣмъ, что должно въ его года интересовать порядочнаго человѣка. А вѣдь мы съ нимъ ровесники, прибавилъ онъ, гордо поднимая голову.

— Неразвитіе ужасное подхватилъ я въ первый разъ слышанное слово:—у насъ никто вотъ сочиненія не умѣ-

етъ хорошо сдѣлать. Только мои сочиненія и есть. И вотъ никто кромѣ меня не читалъ Бѣлинскаго, Некрасова...

Согласитесь, что, слыша разъ только эти фамиліи, нужно было искусство составить изъ нихъ нѣчто игривое..

Гимназистъ точно вдругъ обрадовался, удивился и отчасти сконфузился.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ онъ:—встрѣтить здѣсь такое развитіе...

— Позвольте познакомиться; я Черневскій, воспользовался я:—мнѣ тоже очень пріятно васъ встрѣтить.

— Насъ свяжутъ общіе интересы мысли, сказалъ гимназистъ, пожимая мнѣ руку.

Вошелъ фельдфебель Горнъ и удивился, что мы разговариваемъ.

— Ты знакомъ съ Черневскимъ? спросилъ онъ брата

— Да, сейчасъ имѣлъ честь познакомиться, отвѣчалъ тотъ.

Мнѣ было чрезвычайно лестно это слышать.

— Какъ ты смѣшно сказалъ, замѣтилъ Горнъ:—«имѣлъ честь»... ей Богу!

Мы съ гимназистомъ взглянули другъ на друга и немножко пожали плечами, какъ люди, имѣющіе нѣчто общее и особенное отъ прочихъ непосвященныхъ, которые насъ не поймутъ, если бы мы имъ и сказали свои убѣжденія.

— Дядя за тобой прислалъ, сказалъ гимназистъ небрежно, даже съ какимъ-то состраданіемъ:—чтобъ ты зашелъ сегодня; онъ письмо тамъ отъ твоихъ получилъ; нужно говоритъ, тебя видѣть.

— Приду, только не надолго, отвѣчалъ тотъ:—у насъ завтра очень трудное изъ математики, хочется сегодня кончить. Вонъ Черневскій тоже вѣрно за этимъ такъ рано вернулся—видишь! Завтра даже твоя очередь отвѣчать, обратился онъ ко мнѣ.

Это мнѣ напомнило грубую дѣйствительность, и я захотѣлъ въ самомъ дѣлѣ заняться, чтобъ еще штрафнаго бала не получить.

— Прощайте-съ, сказалъ я гимназисту:—я, конечно, за честь сочту быть у васъ въ слѣдующее же воскресенье. Мнѣ нравилась моя фраза.

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, перебилъ тотъ, пожимая мнѣ руку.

Фельдфебель Горнъ смотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ. Зная насъ обоихъ очень просто, онъ, кажется, совсѣмъ не понималъ, съ какой стороны тутъ можетъ быть какая нибудь честь, или удовольствіе? Наше „развитіе“ онъ, конечно, еслибъ и услыхалъ объ немъ, ни въ грошъ бы не поставилъ.

XIV.

Въ слѣдующую же субботу вечеромъ, маленькая комната, которую занималъ гимназистъ въ домѣ дяди, представляла слѣдующую картину:

Я сидѣлъ, поджавъ ноги, на стулѣ, передъ самоваромъ и свѣчкой, тускло горѣвшей, съ папироской въ зубахъ, и пилъ чай, очень конфузясь передъ дѣвицей, которая курила и разливала намъ чай, сидя на кушеткѣ, замѣнявшей и кровать. Эта дѣвица была сестра гимназиста, расхаживавшего до головокруженія по комнатѣ, съ папироской.

Дѣвица дѣйствительно способна была сконфузить. Въ ней какъ-то ничего не было такого, что привлекаетъ въ дѣвицѣ. Не говоря уже про то, что она была собой не хороша, она еще, кромѣ того, сколько я помню, устроивала свою физіономію постоянно какъ-то особенно. Засмѣется она, бывало, такъ ужь и боишься чего то: словно и на лицѣ-то у ней все были какія-то заднія мысли.

— Вотъ эта умная, не то что Малаша! думалъ я, сравнивая эти два лица:—у Малаши нѣтъ такого выраженія, и это видно, что развитая, и какъ говоритъ! вотъ такъ говоритъ!

Я совѣстился много ѣсть при ней, и чувствовалъ, по непривычкѣ къ воздержности, какую-то тоску въ желудкѣ и курилъ собственно изъ подражанія, едва удерживаясь, чтобы не чихнутъ отъ дыму. Раза два впрочемъ я и чихнулъ.

— Неужели же вы ничего не курите? спрашивала дѣвица, презрительно щурясь.

— Какъ же-съ, курю, отвѣчалъ я:—но больше легкія. Я ужь привыкъ врать и дѣлалъ это не конфузясь.

— А! ну, то-то же! замѣтила она.

— Все, что вы намъ прочли, говорилъ между тѣмъ Горнъ, останавливаясь передо мною:—обличаетъ въ васъ натуру глубокую и страстную.

— «Корабль» вашъ и «Звѣзда»—это превосходно, подтвердила дѣвица, почему-то хмурясь.

Я таялъ совсѣмъ: еще никогда не случалось мнѣ слышать, чтобы мной такъ много занимались.

— Мнѣ только одно странно, что господинъ Черневскій, продолжалъ гимназистъ:—съ его наклонностями противорѣчащими строю его обыденной жизни, попалъ въ такое мѣсто, какъ корпусъ.

— Насиліе, конечно, замѣтила дѣвица:—наши милые родные развѣ заботятся когда нибудь о природныхъ наклонностяхъ дѣтей!..

— Никогда, восклицалъ гимназистъ: — именно! Вѣчное торжество рутины!

«Господи! какъ это хорошо!» думалъ я:—«вѣчное торжество рутины!»

Пока они говорили, въ моемъ воображеніи нарисовалась цѣлая сцена, въ которой я былъ жертвой.

— Вотъ и со мной, сказалъ я, нѣсколько мѣшаясь, потому что нельзя же было вдругъ съимпровизировать:— тоже говорятъ, поступай! я прошу, умоляю... Но что же я могъ сдѣлать?

— Это ужасно! подхватила дѣвица:—деспотизмъ и деспотизмъ!

— Ну да, сказалъ я, увлекаясь своей картиной:— говорятъ, иди, знаете... проклятіе родительское... нѣтъ тебѣ благословенія—иди вонъ! Меня безъ чувствъ вынесли, прибавилъ я, въ самомъ дѣлѣ взволновавшись, хотя ничего подобнаго не было никогда.

— Ужасно! повторила дѣвица:—вотъ тоже мой милый папенька, старикъ нашъ. Я прошусь въ гувернантки; такъ видите ли, это, говоритъ, лишнее! въ гувернантки, говоритъ, идутъ, кому ѣсть нечего, а ты кусокъ хлѣба всегда имѣешь! ну вотъ и говорите съ нимъ!

— А жажда-то дѣятельности! а призваніе!.. помилуйте! уже кричалъ почти гимназистъ, наступая на меня.

— Ничего знать не хотятъ, тоже горячился я (и стран-

но! помню, искренно даже горячился):—пусть начальство васъ мучитъ, пусть вы ищите убѣжать отъ этой жизни, уединиться въ чтеніи, въ размышленіи...

Я остановился потому, что самъ почувствовалъ, что занесъ чепуху.

Но, къ моему удивленію, эта чепуха произвела эффектъ неожиданный. Дѣвица стремительно пожала мнѣ руку, а братъ ея обнялъ и поцаловалъ меня,

— Я васъ понимаю, говорилъ онъ, ероша волосы:— мы другъ друга понимаемъ! Не правда ли, сколько въ немъ симпатичнаго? прибавилъ онъ и сестрѣ.

— Его чувства—наши чувства! говорила дѣвица, задумчиво склоняя голову и сбрасывая пепелъ съ папироски...

— Вашъ отецъ еще живъ? спросилъ гимназистъ, точно сердясь на кого-то.

— Да, какъ же! онъ ужасно строгій, насъ не любитъ и все по своему хочетъ дѣлать...

— Тиранъ семейства—общій типъ! замѣтила дѣвица.

Въ эту минуту за темными стеклами по улицѣ раздался тихій благовѣстъ.

Я вдругъ горько задумался... Передо мной мелькнуло доброе, любящее лицо сѣдаго старика, который цалуетъ насъ, ласкаетъ, занимается для насъ по вечерамъ... «Что-то съ вами будетъ?» говоритъ отецъ, задумчиво глядя на насъ. А за темными окнами дома тихо раздается благо-

вѣстъ съ колокольни сельской церкви... Такъ все вспомнилось вдругъ...

Мнѣ стало совѣстно, горько, тяжело... Но это была одна минута...

Мы опять разговорились и только уже къ ночи, въ 12 часу, я воротился въ корпусъ, и долго ворочался на постели въ пріятныхъ размышленіяхъ.

Всѣ уже давно спали... Ночныя лампы тускло освѣщали ряды кроватей...

XV.

Съ этихъ поръ я сталъ часто ходить къ Ивану Иванычу и Горнамъ и брать книги и здѣсь и тамъ. Перечелъ я книгъ за это время пропасть, и вслѣдствіе этого, конечно, ученье мое шло плоше и плоше. Но я подавалъ сочиненіе за сочиненіемъ Ивану Иванычу, дѣлалъ другимъ сочиненія за булки и за пироги, и началъ получать уже нѣкоторую извѣстность, какъ умный, начитанный и развитой кадетъ. У меня уже образовался какой-то рѣшительный тонъ и нелѣпѣйшая нетерпимость, съ которою я лѣзъ всѣмъ въ глаза. Что это было всѣмъ непріятно, про это говорить нечего, и товарищи понемногу начали отъ меня отдаляться, кромѣ терпѣливаго и

добраго Ивина. Я мало заботился, впрочемъ, объ этомъ: мысли мои въ послѣднее время поглощалъ отпускъ, книги и новыя знакомства съ двумя офицерами нашей роты. Объ офицерахъ я потому говорилъ мало, что они очень мало относились къ намъ и притомъ чисто внѣшнимъ образомъ. Кромѣ рыжаго капитана нашего, остальные офицеры были люди не надоѣдающіе.

Одинъ изъ нихъ маленькій офицерикъ, о которомъ я сохраняю и теперь пріятное воспоминаніе, разъ подозвалъ меня во время занятій.

— Покажите мнѣ какое нибудь ваше сочиненіе, сказалъ онъ:—я много объ нихъ слышалъ.

Я съ радостью исполнилъ его просьбу. Онъ прочелъ и очень хвалилъ.

— Послушайте, это прекрасно, говорилъ онъ, и послѣ того, во время дежурства, очень терпѣливо и просто говорилъ со мной объ разныхъ разностяхъ.

Но объ другомъ офицерѣ, недавно поступившемъ въ нашу роту, я буду больше говорить. Онъ имѣлъ важное для меня значеніе по одному дѣлу, которое я сейчасъ разскажу.

Какъ теперь помню его длинную, сухощавую фигурку, вкрадчивый голосъ, хитрые глаза и длинные, рыжіе усы. Онъ постоянно здоровался съ Иваномъ Иванычемъ очень любезно и бывалъ у него.

Разъ онъ подошелъ ко мнѣ, встрѣтившись въ коридорѣ.

— Я вчера имѣлъ удовольствіе, сказалъ онъ вѣжливо:—у Ивана Иваныча читать ваше сочиненіе. Позвольте поблагодарить васъ за наслажденіе, которое оно мнѣ доставило.

— Мнѣ такъ пріятно, сказалъ я, растаявъ отъ этой похвалы и все-таки не будучи въ состояніи забыть его начальническихъ отношеній ко мнѣ.

— Походимте, сказалъ онъ мнѣ любезно:—не читали ли вы этой статьи? Онъ назвалъ.

— Читалъ-съ.

— Не правда ли, то, что тамъ говорится относительно изящнаго, какъ-то примѣняется къ вашему сочиненію? мнѣ кажется, сказалъ онъ, и развилъ свою мысль подробнѣе. Потомъ разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ, планахъ, очень внимательно выслушивалъ все, что я говорилъ, и наконецъ просилъ бывать у себя.

— Здѣсь не такъ ловко, сказалъ онъ: — а тамъ у меня, прошу васъ, будьте какъ дома и безъ чиновъ. Я, повѣрьте, умѣю уважать талантъ и развитіе, гдѣ бы его ни встрѣтилъ.

Землю, говорятъ, можно своротить рычагомъ самолюбія. А у меня и сворачивать-то было нечего: я совсѣмъ сразу разстаялъ, возмечталъ объ себѣ и пошелъ по воскре-

сеньямъ шляться отъ Ивана Иваныча къ Горнамъ, отъ нихъ къ длинному офицеру, толковать объ разныхъ разностяхъ.

— Не хотите ли курить? О, Боже мой: у меня никакихъ предразсудковъ! говорилъ онъ любезно:—когда вы у меня, то пожалуйста вы забывайте о корпусѣ!

Разъ я зашелъ къ нему на его имянины и попалъ на разъѣздъ. У него завтракало нѣсколько корпусныхъ офицеровъ и уже прощались.

— А, очень радъ васъ видѣть, говорилъ онъ мнѣ проводивъ офицеровъ,—и радъ, что ушли эти господа. Мы поговоримъ. Да? хорошенько?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, поздравляя его.

— Благодарю васъ очень, но съѣшьте же что нибудь, угощалъ онъ меня:—пирогъ порядочный и вино не дурно... О, вина непремѣнно! Никакихъ предразсудковъ! И я же имянинникъ! Наконецъ, никого нѣтъ. Но, но!

Онъ рѣзалъ и наливалъ.

Я началъ ѣсть за обѣ щеки и выпилъ рюмки три изъ хвастовства, что могу много пить, но собственно вино я не любилъ и съ непривычки даже захмѣлѣлъ. Синіе обои его комнаты и солнечные лучи замелькали у меня въ глазахъ.

— Я радъ, что ушли эти господа, говорилъ онъ опять! — не могутъ они похвастаться развитіемъ — да?

Это мое мнѣніе, вы видите, какъ я откровененъ—какъ вы думаете?

— Какое развитіе! Гдѣ имъ! говорилъ я.

— Ну вотъ! Но знаете, говоря откровенно, какъ бы съ товарищемъ, какого вы мнѣнія о нашемъ, напримѣръ, ротномъ командирѣ? Интересно бы мнѣ знать. Ну, какъ можетъ къ нему относиться мыслящій человѣкъ?...

— Какъ къ дураку, сказалъ я, уже сѣвъ на диванъ и хлопая глазами.

— Не иначе же, согласитесь! Да? Ха, ха, ха! И командиръ стоитъ роты! Да? По развитію... Да? Я не говорю объ исключеніяхъ, прибавилъ онъ серьезно и съ уваженіемъ.

Эти «исключенія» меня подрѣзали совсѣмъ. Я раскисъ.

— Ужасно тупые кадеты, началъ я:—никто не читаетъ ничего. Неразвитіе! И грубость какая, ужасно!

— Да, да! подхватилъ онъ, вотъ Удаловъ 2-й напримѣръ! Но будьте какъ дома, снимите тесакъ... мнѣ ужь надоѣли эти чиновничьи отношенія. Поболтаемъ.

Онъ развалился небрежно въ креслѣ, какъ бы желая поболтать, все равно объ чемъ нибудь, только бы поболтать пріятельски, безъ чиновъ.

— Что жь, и Удаловъ 2-й—звѣрь какой-то, глупый, скотъ: все тютюнъ какой-то куритъ, затягивается этой мерзостью до тошноты...

— Тютюнъ: Ха, ха, ха! Но это прелесть! А вина? стаканъ?

Онъ налилъ мнѣ; я выпилъ.

— И онъ даже страшенъ дѣлается, когда водки напьется. Глаза красные...

— Но, прервалъ меня офицеръ:—водки! гдѣ жь онъ можетъ напиться? не показалось ли это вамъ?

— Какъ показалось! онъ разъ при мнѣ пилъ—да когда это было? вотъ третьяго дня вечеромъ, говорилъ я уже коснѣющимъ языкомъ.

— Да? Но тютюнъ! Ха, ха! но вы преуморительно разсказали, съ этимъ знаете юморомъ! тютюнъ—ха, ха, ха!

— Тютюнъ, смѣялся и я: — и каждый день послѣ классовъ непремѣнно ужь у камина на корточкахъ—этакая фигура!

— Ха, ха, ха! смѣялся офицеръ:—но у васъ талантъ разсказывать!

Мнѣ ужасно спать захотѣлось.

Я бы въ корпусъ пошелъ, сказалъ я. Синіе обои и солнечные лучи совсѣмъ какъ-то перемѣшались.

— А мы васъ отправимъ:—Сергѣй! извощика! крикнулъ онъ.

И я смутно помню, какъ куда-то ѣхалъ и гдѣ-то легъ спать...

XVI.

Разъ во время классовъ, дней черезъ пять послѣ этого, зашелъ въ наше отдѣленіе директоръ.

У насъ сидѣлъ толстенькій учитель исторіи и разсказывалъ. Генералъ послушалъ, строго посмотрѣлъ кругомъ на насъ и вышелъ.

Явился нашъ рыжій капитанъ, который былъ дежурнымъ по корпусу.

— Удаловъ 2-й! идите къ его превосходительству, сказалъ онъ. Тотъ вышелъ за капитаномъ.

Мы съ удивленіемъ переглянулись.

— Что онъ сдѣлалъ, господа? полюбопытствовалъ учитель.

— Ничего не сдѣлалъ, не знаемъ, отвѣчали мы.

Удаловъ вернулся, когда ударили перемѣну и учитель ушелъ.

Онъ глядѣлъ какъ-то съ злостью и недоумѣніемъ.

— Что, что? спрашивали мы.

— Спрашиваетъ: у кого я водку доставалъ? забасилъ Удаловъ:—и про куренье толкуетъ... Что жь это, господа? А? Онъ сталъ передъ нами, разставивъ ноги и свирѣпо оглядѣвъ всѣхъ. Смуглое лицо искривилось

отъ злости, черные глазки сверкали изъ-подъ густыхъ бровей.

— Кто бы это? спрашивали мы другъ у друга, изумляясь.

Неизвѣстно было, чѣмъ могло это кончиться съ Удаловымъ, если бы дѣло вдругъ не разрослось до большихъ размѣровъ.

— Меня растянутъ... ну, живъ-то я останусь, положимъ, басилъ Удаловъ, все больше свирѣпѣя:—только кого мнѣ убить за это? А? кто доносилъ? ну!

— Полно кричать, Удаловъ, замѣтилъ Горнъ, нѣсколько начальнически.

— Что ты мнѣ за указчикъ? не ты ли по должности сказалъ? спросилъ тотъ.

— Давно бы слѣдовало, да я этимъ не занимаюсь. Ну, довольно! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ и повелительно:—довольно! Полно!

— Это ты донесъ! кричалъ сумасшедшій Удаловъ, чтобъ на комъ нибудь выместить сердце:—начальство тоже! Донесъ! Фельдфебель... какъ же!

— Молчи сволочь! крикнулъ Горнъ съ презрѣніемъ.

Мы разступились.

— Что? что? говорилъ Удаловъ, медленно подходя къ нему.

Фельдфебель всталъ. Не успѣли мѣ оглянуться, какъ въ классѣ раздались двѣ звонкія пощечины.

Горнъ былъ тоже не изъ послѣднихъ по силѣ. Но онъ растерялся.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать? говорилъ онъ, дрожа, когда мы обступили и не пускали Удалова:—господа, что жь это такое? Да и за что же? Да нѣтъ, я и рукъ-то марать не хочу! вдругъ рѣшился онъ и быстро вышелъ изъ класса.

Удаловъ 2-й ужь ни слова не сказалъ, когда его кликнули и повели подъ арестъ.

Горнъ воротился и сѣлъ, низко наклоняясь надъ книгой.

Онъ былъ блѣденъ и убитъ до послѣдней степени и даже, кажется, просто усталъ отъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Мы всѣ молча и съ участіемъ глядѣли на него. Ивинъ не выдержалъ:

— Господа, что жь это такое? спросилъ онъ взволнованно:—за что жь все это было?

Лица Горна, при этихъ словахъ участія, судорожно искривилось, и на книгу часто, неудержимо полились крупныя слезы.

— Нѣтъ, господа, сказалъ онъ, поднимая голову, какимъ-то крѣпкимъ, особеннымъ голосомъ, и даже нѣ-

сколько торжественно:—кто меня за доносчика знаетъ? Развѣ я доношу?

— Нѣтъ... что жь... ну вотъ! послышились голоса.

— Такъ теперь, господа, сказалъ онъ съ силой, ободренный, кажется, общимъ сочувствіемъ:—выходитъ, найти нужно, кто это сдѣлалъ?..

И онъ, совсѣмъ ужь усталый, опять низко опустилъ голову. Всѣ молчали...

XVII.

Дѣло Удалова 2-го тянулось. Оно взволновало весь корпусъ. Ударить фельдфебеля—это была въ то время дорога въ солдаты.

Къ Горну всѣ изъявляли сочувствіе. Рота тише строилась и не шумѣла, когда онъ считалъ ряды. Офицеры вызывали его въ корридоръ и вѣжливо объ чемъ-то говорили...

Горнъ точно переродился. Постоянно положительный и ровный, онъ, бывало, никогда къ мелочамъ не привязывался. А тутъ вдругъ сталъ строгъ и взыскателенъ, исполнялъ до мелочей все, что нужно было по положенію, и учиться сталъ еще лучше. Отличные балы такъ и сыпались на него. Занимался же онъ до того, что поху-

дѣлъ; онъ хотѣлъ, кажется, этой лихорадочной дѣятельностью и строгимъ исполненіемъ обязанностей заглушить мученіе внутреннее. Онъ чувствовалъ, должно быть, что у людей всегда какъ-то больше правъ ударившій, или больше почтенія къ ударившему. Какъ-то не вѣрятъ, чтобъ человѣкъ не захотѣлъ рукъ марать въ отвѣтъ на ударъ. Дудки! говорится обыкновенно, испугался!

Другая вещь, гораздо болѣе важная, была та, что до открытія настоящаго доносчика, на немъ все еще точно какая-то тѣнь лежала. Онъ зналъ, что товарищи его не обвиняютъ: ну а остальные, тѣ, которые его не знаютъ?

Разъ мы шли съ Ивинымъ изъ корридора и наткнулись прямо на длиннаго офицера, моего знакомца, который, стоя спиной къ намъ, разговаривалъ съ маленькимъ офицеромъ.

— Черневскій же мнѣ про Удалова и сказалъ, внятно и довольно громко раздался его хриплый голосъ.

Я отшатнулся, поблѣднѣлъ, и вдругъ съ странной ясностью передо мной встала вся сцена на его имянинахъ. Я объ ней забылъ и никакъ не могъ представить, чтобъ онъ былъ способенъ воспользоваться моими словами.

Ивинъ тоже немножко поблѣднѣлъ и потупился, съ удивленіемъ взглянувъ на меня, когда я скоро пошелъ отъ него въ другую сторону.

Его честное, открытое сердце, которое ничего не могло

таить и оставлять въ подозрѣніи, не выдержало. Онъ нагналъ меня.

— Послушай, сказалъ онъ испуганно:—что онъ говоритъ? онъ вретъ? про что ты ему сказалъ?

— Я ничего ему не говорилъ, отвѣчалъ я, почти закрывая глаза отъ ужаса при мысли: что меня ждетъ.

— Ты мнѣ-то скажи, вѣдь мы дружны съ тобой! Вѣрно, что нибудь онъ вретъ; ужь это вѣрно — я знаю. Ну, и значитъ, можно сказать... Вѣдь ты не говорилъ про Удалова?

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорилъ! съ тоской повторилъ я.

— Послушай, ну все, все мнѣ разскажи, вѣрно же ничего нѣтъ! И я даю честное слово, что ничего не скажу... никому! вѣдь ты не доносилъ? а другаго я ничего не скажу.

— Да ничего я не говорилъ, отстань ты отъ меня, крикнулъ я, страдая.

Ивинъ, кажется, начиналъ думать, что это я сдѣлалъ. Но онъ молча отошелъ и никому не сказалъ ни слова.

Въ залѣ вдругъ подошелъ ко мнѣ длинный офицеръ.

— Удаловъ часто за водкой посылалъ? спросилъ онъ нахально и озабоченно, съ видомъ человѣка, которому ужь не до тонкостей и некогда говорить глупости.

— Кто, когда? я ничего не знаю! говорилъ я, съ

ужасомъ увидѣвъ, какъ прошелъ мимо Ивинъ и слышалъ его слова.

Когда мы сѣли рядомъ за столъ, по обыкновенію, Ивинъ вспыхнулъ.

— Какъ это подло! какъ это подло! сказалъ онъ тихонько и не глядя на меня.

Я страдалъ, но вмѣсто того, чтобы прямо и откровенно разсказать Ивину, или наконецъ всему классу, какъ было дѣло, злился за что-то на Ивина и предпочелъ остаться въ гордомъ одиночествѣ, нося въ груди, такъ сказать, презрѣніе къ этой грубой и пошлой средѣ. Я усиленно началъ читать разныя книжки и ужь совсѣмъ отдаляться отъ всѣхъ.

Все это разыгралось страннымъ образомъ.

Началось съ фехтованья. У насъ очень любили это искусство и сами съ охотой имъ занимались и уважали тѣхъ, кто хорошо фехтуетъ.

Въ силу этого и я представлялся хорошо фехтующимъ.

Я тогда во всемъ имѣлъ больше наклонности казаться тѣмъ или другимъ, чѣмъ быть на самомъ дѣлѣ.

Въ этотъ день къ намъ на фехтовальный классъ случайно собралось довольно много кадетъ и даже зашелъ одинъ офицеръ. У насъ славились нѣкоторые. Ивинъ, мастеръ на это дѣло, только что кончилъ драться на

рапирахъ съ Нероновымъ, который, не сдѣлавъ ни одного удара, отказался и бросилъ рапиру.

— Нѣтъ, съ нимъ, чортомъ, куртку порвешь! говорилъ онъ.

Ивинъ, краснѣя отъ торжества и волненія, стройный и красивый, отдыхая, гнулъ рапиру въ рукахъ.

— Молодецъ! молодецъ! вотъ-такъ удары! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Господа, кто со мной еще хочетъ? спросилъ онъ:— только на эспадронахъ.

Я увлекся его торжествомъ—оно казалось мнѣ очень легко. И я такъ же хорошо фехтую, подумалъ я, и вышелъ. Мнѣ хотѣлось еще, за его подозрѣніе, ударить его раза два.

— Давай, сказалъ я, надѣвая желѣзную маску и нагрудникъ.

Ивинъ взглянулъ на меня: какая-то полуулыбка мелькнула у него на губахъ; онъ надѣлъ маску.

Всѣ обступили кругомъ, нѣкоторые сложили руки на груди, готовясь смотрѣть.

— Кому? спросилъ я.

— Выпадай, сказалъ онъ съ презрѣніемъ, и едва поднялъ эспадронъ.

Меня это взбѣсило, я съ ожесточеніемъ размахнулся..

Ивинъ удивительно ловко и легко обернулъ лезвее

свое кругомъ моего, и мой эспадронъ, звеня, полетѣлъ на полъ.

Мнѣ подали его. Раздался смѣхъ кругомъ. Ивинъ выпалъ

Я почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ маску стальнымъ эспадрономъ — искры изъ глазъ, какъ говорится, посыпались, и, внѣ себя, я такъ сильно отвѣтилъ, что мое лезвее, встрѣтивъ лезвее Ивина, разлетѣлось пополамъ...

— Довольно! сказалъ Ивинъ, сбрасывая маску и перчатки!—что жь мнѣ тебя бить? ты не умѣешь...

— Нѣтъ, давай еще, горячился я, сердясь на него за его явное презрѣніе.

Но кругомъ уже расходились...

— Молодецъ! говорили Ивину:—отлично!

Я цѣлый день не могъ ему этого простить и за ужиномъ злился и хмурился. Тотъ со мной тоже не говорилъ ни слова. Онъ сидѣлъ противъ меня.

— Завтра Удалова, господа, рѣшаютъ, сказалъ Нероновъ.

Всѣ поглядѣли на Горна, который сидѣлъ старшимъ у насъ угрюмо и грустно, и мало ѣлъ.

— Кто про него сказалъ? задумчиво говорилъ Нероновъ.

Тутъ я выкинулъ дикую штуку. Мнѣ вдругъ пришло

въ голову, что можно устранить подозрѣніе насмѣшкой. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ Ивинъ, всегда добрый и дружный со мной, вдругъ поднялъ исторію. И къ тому же мнѣ хотѣлось отомстить ему за свое пораженіе.

— Ужь не Ивинъ ли донесъ? сказалъ я довольно нагло.—онъ что-то все хлопочетъ, лѣзетъ ко всѣмъ. Нынче и ко мнѣ тоже...

— Что за шутки! замѣтилъ Ивинъ слегка дрожащимъ голосомъ.

Но я расходился. Мнѣ дѣлалось все какъ-то легче и веселѣе.

— Право! не Ивинъ ли? Вонъ какой сидитъ!

— Нѣтъ, это нельзя! Перестань, пожалуйста. Я съ тобой и говорить не хочу.

— Отчего бы это? Перестань! Какіе тоны задаетъ! нахально усмѣхался я.

— Нѣтъ, это, чортъ знаетъ, что! онъ же и смѣется! Господа! вотъ доносчикъ! вдругъ брякнулъ Ивинъ, вспыхнувъ отъ гнѣва и указывая на меня.

Нѣкоторые какъ будто привстали. На столѣ зашевелились.

— Ивинъ! ты врешь! ты... ты... съ ума сошелъ! говорилъ я.

— Тише, господа, полно, Ивинъ! стоитъ ли съ сволочью говорить, замѣтилъ Горнъ, вдругъ точно ободрившись и презрительно оглянулъ меня.

— Онъ, онъ! я это знаю! продолжалъ Ивинъ, но не успѣлъ кончить какъ моя вилка полетѣла ему въ лицо и вонзилась въ руку, которой онъ закрылся.

Горнъ всталъ.

— Что у васъ тутъ? спрашивалъ, идя на шумъ, маленькій офицеръ.

Ивинъ всталъ тоже, весь блѣдный отъ боли, и судорожно вырвалъ зубцы вилки изъ ладони.

— Я нечаянно накололся, перебилъ онъ Горна:— позвольте въ лазаретъ.

XVIII.

Прошло недѣли двѣ. Положеніе мое было ужасно. Со мной ничего особеннаго не случилось, но во всемъ классѣ, не сговариваясь даже предварительно, — какъ-то само собою вышло,—никто со мной не говорилъ ни слова. Удалова не любили, но тутъ всѣ какъ-то ему сочувствовали. Въ это время весь корпусъ какъ-то притихъ. Я помню, что во время занятій, идя по корридорамъ около двухъ ротъ нашихъ, гдѣ сидѣло человѣкъ двѣсти, можно было подумать, что никого не было: слышно было, какъ муха пролетитъ.

Дѣло шло такимъ образомъ...

Длинный офицеръ, мой знакомый, ходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда на его дежурствѣ собиралось нѣсколько человѣкъ и начинали разговаривать, онъ важно подходилъ и смѣялся.

— Что вы тутъ шепчетесь, господа? Власти осуждать? Да? Протестъ! На мѣсто! Извольте возвратиться къ вашимъ занятіямъ! Но-съ!

И онъ, посмѣиваясь, граціозно покачивался на каблукахъ...

Ивинъ было пришелъ изъ лазарета съ подвязанной рукой, но въ тотъ же день, должно быть, простудившись въ корридорѣ,заболѣлъ лихорадкой и опять ушелъ въ лазаретъ.

Я сильно упалъ духомъ и не могъ даже читать. Въ отпускъ я боялся ходить, справедливо полагая, что до моихъ знакомыхъ могли дойти слухи объ этомъ.

Но наконецъ-таки тоска меня до того одолѣла, что я рѣшился и пошелъ въ одно воскресенье къ Марьѣ Кондратьевнѣ.

Мнѣ было ужасно грустно. И дни-то стояли какіе-то сѣрые, снѣжные...

Марья Кондратьевна меня встрѣтила тоже чѣмъ-то встревоженная и даже съ подвязанной щекой.

— Вы больны, Марья Кондратьевна? спросилъ я.

— Пора ужь и другимъ мѣсто очищать, сказала она грустно:—плоха стала, все болѣю. Она утерла слезу.

Это также не могло меня развеселить.

— Гдѣ Малаша? спросилъ я, какъ во снѣ, тоскуя и не думая почти о своихъ словахъ.

Старуха взволновалась.

— Вотъ она-то все у меня болѣетъ! ужь и не придумаю, что съ ней! стала блѣднѣть да плакать у меня дѣвочка! Ужь и не придумаю, что. и жарко-то ей, и холодно, и голова болитъ, и лихорадка... Денекъ посидитъ, а тамъ опять сляжетъ...

Я совсѣмъ затосковалъ и почти не слушалъ.

Вдругъ дверь изъ спальни тихонько скрипнула, и вошла Малаша, закутанная сверхъ платья въ какую-то шубку. Она очень похудѣла. Страданіе придало ея хорошенькому личику какое-то новое выраженіе. Глаза были влажны. Щеки лихорадочно горѣли. Она тихонько присѣла у дверей же на кончикъ стула, задумчиво взглянула на меня, полураскрывъ сухія губки, и закуталась потеплѣе.

— Голубчикъ ты мой, нѣжно сказала Марья Кондратьевна:—простудишься! Зачѣмъ ты вышла? Холодно тутъ у насъ, утромъ не топили.

— Что Ивинъ не ходитъ? спросила она, какъ бы ничего не слыша и не видя.

— Ахъ, что онъ, мой милый, забылъ насъ? вдругъ вспомнила Марья Кондратьевна.

— Онъ очень боленъ, сказалъ я тихо и потупившись.

— Боленъ! вдругъ оживляясь, тихонько вскрикнула Малаша, поднимая встревоженное личико. Голубые глазки ея заблистали.

— Лихорадкой, сказалъ я, не поднимая головы и не замѣчая ея волненія.

Малаша вдругъ заплакала.

— И у меня лихорадка, сказала она задумчиво:— онъ умретъ и я умру...

— Полно, полно! говорила, цалуя ее, Марья Кондратьевна:—лягъ поди! Ну, что плакать!

Малаша поднялась, закрывая лицо руками.

— Прощайте, Марья Кондратьевна, сказалъ я вставая:—Малаша любитъ Ивина, это—ясно; это... это пробужденная страсть! подумалъ я и порадовался немножко своей догадливости и уму—даже въ эту минуту.

— Прощай, прощай, батюшка! едва оборотились та, уводя Малашу.

Отъ нея я пошелъ къ Горнамъ. Фельдфебель рѣдко ходилъ къ дядѣ и потому я надѣялся его тамъ не встрѣтить. Но постучалъ я все-таки очень робко. Ну, какъ они всю эту исторію знаютъ, думалъ я.

Гимназистъ отворилъ мнѣ дверь.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ, тоже чѣмъ-то недовольный. Мое ужь такое было счастье въ этотъ день.

— Вы слыхали, что у насъ случилось? спросилъ я осторожно.

— Да, тамъ какого-то дурака въ солдаты отдали.

— Но вы подробно этого не знаете?

— Очень интересно! сказалъ онъ раздражительно:— чортъ ихъ возьми, этотъ неразвитый классъ! Тутъ батюшка, у самого происходятъ драмы! У насъ цѣлая драма разыгралась!...

Очевидно, фельдфебель про меня ничего не говорилъ; я обрадовался.

— Чтожь у васъ? спросилъ я съ облегченнымъ сердцемъ.

— Да сестра просилась въ гувернантки—я вамъ это говорилъ. Дядя ее не пускаетъ. Наконецъ, сегодня она объявила, что не намѣрена подчинять свою личность деспотизму, что нынче не такой вѣкъ, чтобы воля слѣпыхъ родителей могла остановить свободную дѣятельность. Вотъ онъ раскричался наконецъ; говоритъ: «чортъ васъ возьми, убирайтесь, куда хотите!» А! каково? и все это слушать! Я помогалъ ей сегодня переѣхать къ нашимъ знакомымъ Яковскимъ, тамъ дѣтей учить будетъ...

Двери растворились; вошелъ старикъ Горнъ, лысый, вялый и худенькій, въ старенькомъ халатикѣ и закашлялся.

— Что ты имъ, дуракъ, разсказываешь? Кхи! кхи!

Ну, когда я кричалъ? обратился онъ прямо къ племяннику, не кланяясь даже мнѣ:—я говорю: чтожь, матушка, кхи! кхи! коли твоя охота... кхи! кхи!

— Нѣтъ-съ, перебилъ гимназистъ:—вы сказали: дура...

— Не такь я сказалъ... кхи кхи! Я сказалъ...

— Вы-съ? перебилъ опять гимназистъ, горячась:—вы подслушивали сейчасъ... Вотъ что!

Я помялся у стѣнки и, оставивъ ихъ кричать, вышелъ на улицу.

Къ Ивану Иванычу я зашелъ вечеромъ. Онъ только что всталъ и зѣвалъ, зажигая лампочку.

— Вы не слыхали, какая у насъ исторія? спросилъ я.

— Это про Удалова? какъ же! Мнѣ онъ не нравится, отвѣчалъ Иванъ Иввнычъ.

— Но вы не знаете подробностей?

— А Богъ съ ними! скверная исторія... водка какая-то! Мнѣ все равно!

— Извините, я заниматься вамъ помѣшалъ, сказалъ я, увидѣвъ передъ нимъ раскрытую книгу.

— Да, немножко; заходите въ слѣдующее воскресенье: у меня будетъ кое-кто.

Я ушелъ съ облегченнымъ сердцемъ. Ясно, что въ городѣ и не знаютъ, и не придаютъ этой исторіи значенія... И какъ мучилось дѣтское сердце—когда раскрыло бы его одно слово непривычнаго участія!..

XIX.

Но, Господи! что за тоска, что за тоска! Невыносимое положеніе! Ивинъ въ лазаретѣ — хоть съ нимъ бы душу отвести, все разсказать. Вѣдь я-жь и не виноватъ, ей Богу. Какъ вѣдь это все случилось! Хоть бы кому нибудь все разсказать!

— Послушай, Горнъ! сказалъ я, встрѣтивъ его въ корридорѣ:—послушай...

Онъ посмотрѣлъ на меня и, молча, ушелъ.

— Нероновъ, позвалъ я, встрѣтившись съ Норонововымъ:—мнѣ тебѣ нужно сказать, послушай.

Тотъ засуетился.

— А! да! сказалъ онъ и вдругъ отвернулся: — ты, Юковъ, меня зачѣмъ звалъ? Мнѣ некогда... Вонъ Юковъ зоветъ...

Это ужасъ, что такое! Лампы свѣтятъ по длинному корридору; я шагаю взадъ и впередъ...

— Позвольте въ лазаретъ къ Ивину, прошусь я у маленькаго дежурнаго офицера.

— Идите, говоритъ тотъ сухо, не глядя не меня.

Въ лазаретѣ пахло лекарствами. Въ большой залѣ горѣла одна лампа, въ остальныхъ ужь зажгли ночныя.

Два кадета, въ зеленыхъ халатахъ, сидѣли подъ лампой въ залѣ и играли въ шахматы.

— Гдѣ Ивинъ? спросилъ я у нихъ.

— Ивинъ? вонъ онъ, указалъ на право одинъ и тотчасъ же углубился въ игру.

— Твой ходъ, сказалъ онъ товарищу.

Вправо я увидалъ Ивина, который сидѣлъ на окнѣ, задумчиво глядя въ темныя стекла и кутаясь въ широкій халатъ.

Увидавъ меня, онъ сначала удивился, потомъ торопливо сошелъ съ окна и, потупившись, прошелъ въ полутемную спальню. Я пошелъ за нимъ.

— Ивинъ, мнѣ тебѣ нужно сказать...

— Что намъ... говорить? пробормоталъ онъ сконфуженно и сѣлъ на кровать.

Въ спальнѣ тускло свѣтила ночная лампа. На постели, противъ насъ, въ жару метался и стоналъ какой-то больной.

Я остановился передъ Ивинымъ.

— Ивинъ, какъ же ты со мной такъ?.. спросилъ я, мучась.

— Что я? я ничего? отвѣчалъ тотъ, тоже видимо страдая и потупившись.

— Ой, ой! Господи! простоналъ больной раздирающимъ душу голосомъ.

Меня разстроилъ этотъ голосъ; я не выдержалъ и, почти плача, заговорилъ, садясь около Ивина.

— Послушай! со мной никто не говоритъ, и за что? за что? я сдѣлаю, ей-Богу же, чтобъ этого не было,—что мнѣ дѣлать?

— Ой, ой! простоналъ больной...

Ивинъ вдругъ обернулся и скоро заговорилъ своимъ прежнимъ милымъ голосомъ, взявъ меня за руку.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ? что ты сдѣлалъ? зачѣмъ все это было?

— Ты не узналъ хорошенько, началъ я, оживляясь и забывая свои фразы:—ты не узналъ, какъ все это было, и накинулся на меня, а вѣдь это вотъ какъ было.

Тутъ я разсказалъ ему все, что на душѣ у меня накипѣло.

По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, Ивинъ все больше оборачивался ко мнѣ и наконецъ тихо заговорилъ:

— Что же я надѣлалъ, что я надѣлалъ? Ахъ, какъ я виноватъ! Господи! Да нѣтъ, вдругъ вспомнилъ онъ:—вѣдь я же тебя самъ спрашивалъ тогда, ты ничего не сказалъ—отчего ты не сказалъ? Отчего? Вотъ видишь!

Я ужасно радовался и жалъ руки Ивина. Въ его голосѣ было что-то ободряющее, полное доброты и веселости.

— Что-жь мнѣ теперь въ классѣ дѣлать? спросилъ я:—со мной не говорятъ.

— А вотъ видишь, скоро заговорилъ онъ:—я завтра выписываюсь изъ лазарета, такъ ужь тамъ всѣмъ и скажу—хорошо?

— Ой, ой! простоналъ больной.

Меня кольнуло что-то точно въ сердце. Но я былъ радъ.

— Пойдемъ въ залу, сказалъ я.

Мы вышли въ залу и черезъ нѣсколько минутъ смѣялись и говорили съ Ивинымъ, точно ничего не было.

— А что́, ты былъ въ отпуску? спросилъ онъ:—что Малаша?

— Какъ же, былъ; она больна, Малаша, лихорадкой.

— Милочка! Я къ нимъ въ субботу же пойду, сказалъ Ивинъ:—бѣдненькая!

— Знаешь, что я тебѣ скажу? спросилъ я, радуясь, что могу ему сообщить пріятное:—знаешь, мнѣ кажется, она въ тебя влюбилась.

— Какъ? спросилъ тотъ, удивляясь.

— Вотъ какъ въ романахъ пишутъ.

Ивинъ сталъ серьезенъ и поморщился.

— Ну что за вздоръ! сказалъ онъ, вдругъ утихая:—романы! зачѣмъ такъ говорить!..

— Да нѣтъ, когда я къ нимъ пришелъ, началъ было я...

— Ну вотъ! перебилъ Ивинъ съ неудовольствіемъ и рѣшительно.

Солдаты внесли ужинъ, и мы простились.

— Такъ завтра я выйду изъ лазарета, сказалъ Ивинъ, садясь за столъ.

Я всю ночь волновался. Мнѣ представлялись цѣлыя эффектныя сцены примиренія; мнѣ казалось, весь классъ тронется моей исповѣдью, сознаетъ свою несправедливость и прольетъ слезы умиленія. Но это былъ какъ-то не тотъ классъ, въ которомъ я находился, а какой-то фантастическій, созданный мною изъ небывалыхъ кадетъ, и этотъ-то фантастическій классъ и проливалъ слезы. А когда я себѣ представлялъ Горна, или Неронова, или Юкова, то сильно смущался, краснѣлъ даже въ постели, очень жмурилъ глаза и крѣпко кутался въ одѣяло... Дѣйствіе воображенія прекращалось.

На другой день утромъ, увидѣвъ, что Ивинъ вошелъ въ роту, и поздоровавшись съ нимъ, я нарочно опоздалъ въ классы, чтобы дать ему время разсказать, что надо, и, волнуясь, ходилъ по корридору.

— Чтожь не идете въ классы? замѣтилъ дежурный офицеръ.

Я заглянулъ въ двери нашего класса и увидѣлъ Ивина, который что-то съ жаромъ и много говорилъ; всѣ кругомъ молчали, нѣкоторые сидѣли на столахъ.

— Нѣтъ, вотъ вѣдь что! сказалъ поднимаясь Горнъ:— Черневскій...

Я боялся дослушать и отскочилъ отъ двери.

— На мѣсто! крикнулъ офицеръ:—что вы тутъ?...

Я обрадовался, увидѣвъ Ивана Иваныча, который скоро и озабоченно шелъ издали съ портфелемъ.

— Мнѣ къ Ивану Иванычу нужно. Позвольте мнѣ подать одно сочиненіе, сказалъ я Ивану Иванычу, чтобы чѣмъ нибудь занять время.

Тотъ остановился.

— Подайте; чтожь вы позволенія просите?

— Позвольте мнѣ «Отечественныя Записки».

— Вы бы мнѣ въ воскресенье сказали; я отдалъ теперь.

— Что тамъ новаго, какія статьи?

— Право, не помню, сказалъ онъ недовольно и, помявшись на мѣстѣ, пошелъ.

Когда въ классѣ учитель математики началъ разсказывать, я вошелъ и сѣлъ на мѣсто, не глядя ни на кого.

Кто начнетъ мнѣ говорить? думалъ я и волновался. Горнъ скажетъ мнѣ: прости насъ, что мы такъ были несправедливы къ тебѣ, и позволь начать прежнія отношенія. Я отвѣчу: мнѣ обидно было, господа, подозрѣніе ваше: одного нельзя отнять у меня, господа:—это благородства! Потомъ скажу: вы, господа, не умѣли цѣнить

меня! Тутъ всѣ тронутся, Ивинъ заплачетъ. Я самъ чуть не плакалъ отъ воображаемой сцены...

Но, какъ всегда бываетъ, все вышло совершенно не по моему. Никто не плакалъ, и сценъ никакихъ не было.

Всѣ были какъ всегда. Ивинъ началъ что-то говорить; я вмѣшался нарочно, очень впрочемъ смущаясь. Мнѣ возразилъ Юковъ, но отчего-то покраснѣлъ и потупился, и всѣ почему-то на него взглянули. Но это было въ первый разъ, а дня черезъ два со мной уже всѣ говорили и все стало по прежнему. Я успокоился, поднялъ голову, и—странное дѣло — все-таки доброту и деликатность товарищей принялъ какъ нѣчто совершенно должное и даже приписалъ это своимъ достоинствамъ.

— Однако, Горнъ все-таки поплатился ни за что, сказалъ мнѣ разъ откровенный Ивинъ:—а вѣдь онъ съ тобой... ничего... и не вспоминаетъ!

— Онъ понимаетъ мое нравственное превосходство, потому что, еслибы мы начали объясняться, то сила убѣжденія, конечно, осталась бы на моей сторонѣ, отвѣчалъ я очень скоро.

Ивинъ ничего не возразилъ и съ этихъ поръ объ этомъ не заговаривалъ.

XX.

Въ воскресенье я разыгралъ комедію, очень странную и ненужную.

Наше такъ называемое «пробужденіе сознанія» и «развитіе» ознаменовывается обыкновенно тѣмъ, что начинаешь врать и потомъ очень рѣшительно и рѣзко все объяснять, и непремѣнно объяснять. Я смѣло говорю «обыкновенно», потому что помню много такихъ пробуждавшихся сознаній, кромѣ своего.

Потомъ, въ этомъ сознаніи и развитіи какая-то неудержимая быстрота и легкость. Точно съ горы на салазкахъ катишься. Поэтому ничего удивительнаго нѣтъ, что, идя въ воскресенье къ Марьѣ Кондратьевнѣ, я разсуждалъ уже, что мое положеніе очень странное, и нужно все это чѣмъ нибудь кончить, хотя ничего не было и кончать было нечего.

Я люблю Малашу, и она отвѣчала моему чувству, думалъ я по прочитаннымъ повѣстямъ;—теперь нужно бы было только пробудить умъ въ ней, воспитать ее для новыхъ мыслей, но тутъ становится между нами Ивинъ.—«Становится между нами», съ удовольствіемъ повторилъ я въ умѣ эту фразу. Ивинъ—другъ мнѣ, а она его лю-

битъ, потому что ее пугаетъ во мнѣ мое развитіе, котораго она понять не можетъ. Ивинъ не развитъ, но я люблю его по воспоминаніямъ прошлаго. Я оторву отъ сердца эту страсть и уступлю Ивину мѣсто—я способенъ и на это, хоть тяжело, прибавилъ я почти вслухъ:—да, тяжело!

Что все это былъ придуманный вздоръ и что мнѣ не было тяжело, кажется, объ этомъ и поминать нечего.

Но я представилъ себѣ, какое это трагическое положеніе—жертвовать своею любовью другу, оторвать отъ сердца и проч. Мнѣ было пріятно за свое великодушіе.

И я, уже совершенно гордый и спокойный, хотя нѣсколько задумчивый и мечтательно-грустный, вступилъ въ комнаты.

Марья Кондратьевна встрѣтила меня восклицаніемъ:

— Насилу, батюшка, пришелъ! А Ивинъ ужь съ утра у насъ. Мнѣ получше, да вотъ что-то зубы... Малаша тоже поздоровѣла—слава Богу!

— Вамъ лучше? повторилъ я, меланхолически на нее взглядывая и сдерживая въ груди бурю:—сила характера, подумалъ я и прошелъ въ спальню, откуда слышались голоса и смѣхъ Малаши.

Малаша сидѣла все еще закутанная, но уже живая и раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазками, на кровати.

около маленькаго столика, и закрывъ розовый ротикъ картами, заливалась какъ колокольчикъ.

Противъ нея, очень веселый и оживленный, сидѣлъ Ивинъ и, держа на рукахъ котенка, заставлялъ его играть въ карты передними лапками. Котенокъ сидѣлъ, серьезно глядя въ карты, и въ промежуткахъ потрогивалъ ихъ лапкой.

Я вошелъ, снисходительно, но съ сожалѣніемъ улыбаясь, и грустно заложилъ ногу за ногу, поднявъ глаза къ потолку. Вообще у меня, должно быть, такой натянутый видъ былъ, что смутилъ всѣхъ. Ивинъ спустилъ котенка на полъ и, поздоровавшись со мной, хотѣлъ ужь играть такъ.

— Нѣтъ! милый! голубчикъ! пожалуйста съ котенкомъ! упрашивала Малаша, но взглянула на меня и перестала почему то смѣяться и просить.

— Вы скоро кончите, спросилъ я кротко но небрежно.

— Да, эту игру сейчасъ; а что? спросилъ Ивинъ и пошелъ съ короля.

— А у меня тузъ, скала Малаша и покрыла, посмѣиваясь.

— Мнѣ бы хотѣлось тебѣ нѣкоторыя вещи сказать, обратился я къ ней.

Та удивилась, что я такъ говорю.

— Мнѣ? ну что жь, говори.

— Мнѣ бы наединѣ хотѣлось все это сообщить.

— Я-то тутъ что же? какія же это вещи нельзя при мнѣ сообщить? спросилъ Ивинъ, съ искреннѣйшимъ удивленіемъ раскрывая глаза.

— Это мое дѣло, замѣтилъ я мягко и грустно, но съ вѣсомъ:—ты не будешь раскаяваться, если уйдешь.

Ивинъ всталъ и началъ тасовать карты, уходя въ залу.

— Только поскорѣй объясняйтесь сказалъ онъ: — не забудьте, три игры осталось, напомнилъ онъ Малашѣ.

Та подобрала ножки, закуталась и приготовилась слушать, удивляясь наивно, для чего все это такъ важно дѣлалось? я сѣлъ...

— Наши отношенія ясны, началъ я отчасти приготовленную тираду, грустнымъ, но полнымъ спокойствія и сдержанности голосомъ:—я тебя все еще люблю, хоть ты и перестала меня любить.

Та не понимала.

— За чтожь? нѣтъ, я тебя люблю и теперь.

— Не путайте наши отношенія неискренностью, перебилъ я холодно; я велъ сцену для эффекта и на *ты*, и на *вы*:—я знаю вы любите другаго; этотъ другой—Ивинъ. Я пропѣлъ почти послѣднія слова.

— Да, я люблю Ивина, очень люблю, сказала та, все таки не понимая.

— Вамъ безъ него скучно? спросилъ я снисходительно.

— Очень; я такъ рада, когда онъ придетъ!

— Первые признаки зарождающейся страсти, замѣтилъ я съ тонкой улыбкой знатока сердца человѣческаго, но все-таки грустно.

— Что это, право, вы говорите? спросила наконецъ Малаша испуганно.

— Прощай! сказалъ я и поцѣловалъ ее. Она не отстранилась, кажется, ужь совсѣмъ недоумѣвая, что я говорю и что дѣлаю.

— Ты уѣзжаешь куда нибудь? спросила она.

— Нѣтъ, но пусть я не буду на дорогѣ другимъ, я не хочу мѣшать; у меня достанетъ на это благородства и силы характера.

И тронутый своимъ благородствомъ, я отеръ слезу, которая дѣйствительно показалась, выжатая всѣмъ этимъ.

Малаша заволновалась.

— Ивинъ! Ивинъ! кричала она: — что это? онъ плачетъ: ты плачешь? Да что же это? Ей, Богу же, я ничего ему не говорила!..

— Ты плачешь? Объ чемъ? спросилъ прибѣгая Ивинъ.

Я ужь въ самомъ дѣлѣ отъ этого участія растрогался. Но мнѣ было очень пріятно.

— Прощайте! Прощайте! сказалъ я и вышелъ, махнувъ рукой.

Вечеромъ я пошелъ къ гимназисту Горну и засталъ

у нихъ перемѣны. Сестра его опять уже какъ-то помирилась и перешла къ отцу и говорила, что онъ хотя и деспотъ, но честенъ, а Яковскіе ретрограды и, кромѣ того, дѣлаютъ даже подлости, но какія, она не говорила.

Мы пили вмѣстѣ чай, и я разсказалъ утреннюю сцену, прибавивъ къ своимъ рѣчамъ нѣсколько фразъ, которыя мнѣ казались очень красивы; за Малашу я тоже много сочинилъ, желая представить свою любовь въ лучшемъ свѣтѣ.

— Но мнѣ даже совѣстно было, говорилъ я:—представьте это, руки цалуетъ у меня! вѣдь я со времени деревенскаго житья и крѣпостныхъ отношеній никогда этого не испытывалъ!

Гимназистъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы благородно поступили; это жертва, но всѣ мы должны жертвовать.

— Очень вы ее любили? спросила его сестра, щурясь на меня.

— Я долженъ вамъ признаться, что мнѣ было тяжело, сказалъ я и потупился.

Тѣ помолчали, какъ бы желая дать время пройти тяжкому впечатлѣнію.

— Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго? спросилъ гимназистъ грустно.

— Да, я захватилъ съ собой сочиненіе, называется

«Тоска», произнесъ я. Въ то время я всегда оказывался, какъ будто къ своему даже удивленію, нечаянно захватив шимъ какое нибудь сочиненіе.

Когда я кончилъ читать, восторгъ былъ общій.

— Это прекрасно! сказала дѣвица: — вы видите въ этой «тоскѣ» порывъ души, заключенной въ тѣсную и грубую сферу!

Именно—вотъ! подхватилъ ея братъ!—что вы не попробуете послать въ какой нибудь журналъ хоть одно сочиненіе?

Мнѣ эта мысль въ голову не приходила, и я обрадовался.

— Да, я завтра же пошлю непремѣнно... въ самомъ дѣлѣ!

— И еще деньги получите, прибавила дѣвица.

— Только видите... какъ же это деньги? они на корпусъ пошлютъ... и потомъ мнѣ только по воскресеньямъ можно быть въ городѣ; почта не отходитъ—отправьте ужь вы, пожалуйста.

Гимназистъ съ восторгомъ изъявилъ полную готовность.

— Я завтра же зайду къ вамъ за тетрадью; тутъ еще одни стихи у меня есть, я написалъ... Онъ почему-то застыдился.

— Вы стихи пишете? что же никогда мнѣ не говорили?

— Мнѣ было совѣстно—видите, у васъ талантъ, а я

вѣдь такъ... «Риома милая подруга», брякнулъ онъ ни къ селу, ни къ городу.

— Какіе это стихи? спросила его сестра.

— А помнишь тѣ: «Дума о любви?» я тебѣ еще читалъ!

— А, да, хорошіе стихи, сказала она:—прочти!

— Прочтите, пожалуйста, интересовался и я.

— Тутъ, видите, собственно восемь строчекъ, говорилъ гимназистъ заискивающимъ голосомъ: —вы не ищите чего нибудь... то есть даровитаго или серьёзнаго; это я разъ послѣ обѣда, знаете... Онъ неловко какъ-то засмѣялся и прочелъ на распѣвъ:

Какъ мнѣ не предаться
Любви упоеньямъ,
Когда предо мною
Возлюбленной глазки.
Отважно и вольно
Мечты полетѣли
Къ единой любимой
Возвышенной цѣли...

— Хорошая риома, замѣтила ему сестра: — цѣли и полетѣли.

— Отлично, сказалъ я несовсѣмъ искренно: мнѣ стихи не нравились, впрочемъ, больше, кажется, отъ того, что о своихъ сочиненіяхъ я былъ ужь очень высокаго мнѣнія.

— Только вотъ первый куплетъ безъ риомы; я опасаюсь, не примутъ, сказалъ гимназистъ.

Мы много толковали и рѣшили, что безъ риѳмы можно.

— Вотъ Кольцовъ, сказалъ я: — рѣдко пользовался риѳмою.

— Но у него въ народномъ духѣ, сказалъ гимназистъ—а мое стихотвореніе—это порывъ страсти, вздохъ, выраженный въ словахъ. Замѣтьте стихъ—

Мечты полетѣли—

тутъ порывъ и стремительность чувства—замѣтьте!

Гимназистъ повидимому вовсе не былъ такого плохаго мнѣнія о своихъ стихахъ, какое онъ стыдливо выразилъ сначала.

Я счелъ долгомъ за его похвалы отплатить тѣмъ же.

— Да, это отлично! отлично! говорилъ я, думая въ то же время, что это стихотвореніе не примутъ, а вотъ мои сочиненія такъ, конечно, могутъ быть напечатаны. Я припомнилъ нѣкоторыя мѣста своихъ сочиненій, представилъ ихъ въ видѣ печатныхъ строчекъ, представилъ свою фамилію крупными печатными буквами на страницѣ журнала и пріятно взволновался.

— Такъ, пожалуйста же, завтра зайдите, сказалъ я, прощаясь:—пойду, перепишу для печати одну вещичку.

— Не забудьте письмо къ редактору, сказала дѣвица:—это ужь вы сдѣлайте, у васъ слогъ прекрасный, напишите и объ стихахъ тоже.

— Да, непремѣнно, но вотъ вопросъ: сколько просить за стихи денегъ? говорилъ уже гимназистъ.

— Рублей пятьдесятъ, я думаю, сказалъ я серьезно. Я въ то время просто понятія не имѣлъ объ деньгахъ.

Тотъ обрадовался.

— Это бы славно! Такъ вы ужь сами тамъ напишите вотъ вамъ стихи; вы все это запечатайте, а я отправлю завтра.

XXI.

На другой день я написалъ нѣсколько черновыхъ писемъ къ редактору, но все рвалъ, все не то выходило. Наконецъ, я остановился на одномъ, которое начиналось словами:

Милостивый государь!

Въ захолустьи гимназій, средь гнета корпусовъ, вы тоже найдете, можетъ быть, нѣкоторыя явленія и проч.

Я выражалъ въ этомъ письмѣ очень длинно и краснорѣчиво, что хотѣлъ бы помѣстить эту бездѣлку въ его журналѣ, столь мною уважаемомъ, что мнѣ кажется, мое сочиненіе подходитъ очень, собственно, къ его журналу, потомъ въ разныхъ фразахъ вилялъ хвостомъ и лисилъ

передъ редакторомъ и наконецъ просилъ его извинить меня, что я приложилъ стихи, которые, конечно, не имѣютъ никакого достоинства, но что это я дѣлалъ ужь собственно по просьбѣ. Я считалъ Горна образованнѣе себя, но себя гораздо талантливѣе и развитѣе, и выходкой противъ стиховъ пріятеля хотѣлъ выиграть въ мнѣніи редактора.

О деньгахъ я прибавилъ, что ихъ могутъ выслать на имя Горна.

Это письмецо, вмѣстѣ съ собственной рукописью изъ жизни чиновниковъ я тщательно зашилъ въ холстъ и запечаталъ, боясь, чтобы Горнъ не прочелъ его, и, когда тотъ дѣйствительно вызвалъ меня въ пріемную, передалъ ему посылку.

— Пожалуйста, вы сейчасъ же отправьте, просилъ я, боясь все-таки, чтобъ онъ не прочелъ.

— Денежки, батюшка, получимъ! радовался тотъ и даже припрыгнулъ для чего-то.

Воротившись изъ пріемной, я не утерпѣлъ и захотѣлъ прихвастнуть объ этомъ кому нибудь и искалъ, кого это можетъ заинтересовать.

Я началъ разговаривать съ маленькимъ офицеромъ, моимъ знакомцемъ, который опять со мной сталъ хорошъ, когда узналъ, какъ было дѣло, и ужасно сердился на длиннаго офицера за то, что тотъ такъ подло воспользовался. Но тотъ и не оправдывался.

— Идеи чести! говорилъ онъ насмѣшливо: — пороть ихъ за шалость и пороть этихъ мальчишекъ — вотъ и все! Онъ даже разгорячался. — Пороть! Да-съ!

— Вотъ, сказалъ я маленькому офицеру: — я одно сочиненіе послалъ въ журналъ для печати.

Я любопытно взглянулъ — и остался имъ недоволенъ, потому что онъ, хотя деликатно промолчалъ на это, но не выразилъ радости.

Я пошелъ къ Ивину и сообщилъ ему то же, прибавивъ, что я еще и деньги получу рублей двѣсти. Я тогда такъ и сыпалъ въ разговорѣ рублями.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, почему-то смутившись и глядя въ сторону. Послѣ моей нелѣпой комедіи съ Малашей, онъ на меня смотрѣлъ какъ-то странно, говорилъ со мной мало, тѣмъ болѣе, что я его огрѣлъ разъ, когда онъ было возобновилъ давно забытые нами разговоры о дѣтствѣ и домѣ.

— Полно объ этомъ! меня это только возмутить можетъ! сказалъ я: — что за воспоминанія — тиранъ отецъ и крѣпостныя отношенія!

— Ты прежде не такъ говорилъ, сказалъ Ивинъ тихонько, и грустно и испуганно взглянулъ на меня исподлобья.

Я сталъ внимательно просматривать всѣ новыя книжки

журналовъ, нѣтъ ли тамъ моего сочиненія, хоть въ отдѣлѣ смѣси, но, конечно, ничего не находилъ.

Разъ во время ученья ко мнѣ подошелъ маленькій офицеръ.

— Къ вамъ письмо есть у ротнаго командира, не отвѣтъ ли изъ редакціи? сказалъ онъ, слегка посмѣиваясь:—вѣрно, письмо съ печатью редакціи. Посмотримъ!

Я волновался и представлялъ себѣ въ воображеніи наружный видъ письма. Хорошо бы, если бы съ печатью редакціи! Я бы всѣмъ показалъ: и Горну, и всѣмъ... переписка съ редакціей—славно, чортъ возьми!

Я разочаровался, когда увидѣлъ на адресѣ знакомый почеркъ. Это было письмо отъ отца. Мнѣ было очень досадно, хотя всетаки по неволѣ пріятно читать. Потому что вѣдь, что это было и за письмо! Нѣжное, ласковое, полное безпредѣльной любви и доброты...

«Скоро ли я тебя увижу, дружочекъ ты мой, писалъ отецъ, ты не повѣришь, какъ мнѣ грустно думать, что ты отъ меня далеко, между чужими людьми, которые не могутъ тебя такъ любить, какъ я, если любятъ, да ужь я знаю, не могутъ».

Я не сохранилъ этого письма. А теперь сколько тысячъ писемъ изъ редакціи отдалъ бы я за него. Но ужь его никто не напишетъ!..

XXII.

Время шло да шло со всѣмъ этимъ, я ходилъ къ Ивану Иванычу и Горнамъ, читалъ, и ввелъ разъ Горна въ кружокъ Ивана Иваныча по одному обстоятельству.

Но прежде о кружкѣ Иваныча. Много съ тѣхъ поръ прошло и новыхъ впечатлѣній, много сгладилось, и лица, съ которыми я тамъ встрѣчался, неясно мнѣ представляются, какъ бы въ туманѣ.

Помню, какого я всегда исполнялся трепетнаго и сладостнаго волненія при этихъ разговорахъ, какъ послѣ волновался, передумывая или чаще повторяя въ умѣ, что говорилось. Но къ чему бы все это ни вело, что бы ни дѣлалось изъ этого, чѣмъ бы ни кончилось, у меня осталось хорошее чувство къ нимъ, къ этимъ «пробуждавшимъ», за тѣ все-таки чистыя, пріятныя минуты безотчетнаго восторга, который они во мнѣ возбуждали своими словами!.. О, эти неосторожныя слова, эти преждевременныя волненія!

Я, помню, совсѣмъ втянулся въ этотъ кружокъ: и благоговѣлъ тамъ, и готовъ былъ наврать, похвастать, сдѣлать кажется, неприличность и все, что угодно, только чтобъ ударить въ тонъ этому обществу, чтобы оно обратило на меня вниманіе. Замѣтивъ, что общее участіе ко мнѣ

возбуждается со стороны того, что надо мной гнетъ военной дисциплины и что я страдаю въ узкой и грубой атмосферѣ, я началъ сильно напирать на это и, конечно, привирать, что мнѣ то-то тяжко, это невыносимо. И не знаю, кому только я не разсказывалъ, что отецъ у меня тиранъ! мнѣ нравилось быть жертвой.

Разъ, когда я зашелъ къ Горну, онъ таинственно сообщилъ мнѣ, что у него есть одна вещь, рукописная и не напечатанная.

— Новость идеи и сила языка поразительныя! говорилъ онъ:—только вы не говорите—могутъ узнать.

— Ахъ, дайте мнѣ! восклицалъ я, сгарая желаніемъ первому показать это въ кружкѣ Ивана Иваныча. Гораздо больше мнѣ это хотѣлось сдѣлать, чѣмъ самому прочесть.

— Нѣтъ-съ, не могу; прочесть прочтемъ вмѣстѣ, только дать не могу.

— Я бы показалъ Иванъ Иванычу.

— Нельзя; а лучше вотъ что: мы пойдемъ вечеромъ вмѣстѣ съ вами къ Ивану Иванычу, я самъ къ нему отнесу; кстати, мнѣ было бы лестно познакомиться съ нимъ, прибавилъ онъ.

— Ахъ, это отлично, отлично! радовался я:—давайте читать!

И мы прочли.

— Это изумительно-хорошо! говорилъ я, не будучи въ состояніи придти въ себя.

— Да ужь я вамъ говорю-съ, батюшка: отвѣчалъ гимназистъ такъ гордо, точно онъ это самъ написалъ.

Я изъ всего сочиненія мало понялъ, но за то много запомнилъ;—мнѣ нравился самый складъ рѣчи и обороты.

Когда мы пришли къ Ивану Иванычу, я представилъ гимназиста.

— Вы въ которомъ классѣ? спросилъ тотъ его.

— Я скоро уже въ университетъ, отвѣчалъ Горнъ совсѣмъ не такъ бойко, какъ говорилъ со мной.

Я, между тѣмъ, желая показать передъ Горномъ короткость съ Иванъ Иванычемъ, ходилъ по обѣимъ комнатамъ, бралъ книги, показалъ двѣ, три книги Горну, который перелисталъ ихъ съ любопытствомъ. Потомъ, въ заключеніе, я развалился въ креслѣ, чего никогда до этого не дѣлалъ.

Послѣ обычнаго разговора о нѣкоторыхъ книгахъ, трудности доставать ихъ, неразвитости учениковъ и учителей гимназіи и корпуса, Горнъ поднялся.

— Вотъ, сказалъ онъ нѣсколько таинственно:—тутъ рукопись одна, это новость... вѣрно, ни у кого нѣтъ.

Въ это время пришелъ господинъ съ баками. Горнъ, услышавъ шумъ въ передней, спряталъ было рукопись,

но потомъ прочелъ ее вслухъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ и возбудилъ общій восторгъ.

— Я могу доставать эти вещи, кажется, уже похвастался Горнъ, прощаясь:—и если позволите могу заносить къ вамъ отъ времени до времени.

Гимназистъ понравился.

— Онъ славный малый, кажется, обратился ко мнѣ господинъ съ баками.

— Отличный, чрезвычайно занимающійся и развитой, подтвердилъ я, очень довольный, что у меня такой пріятель.

— Да, батюшка, не то время нынче, обратился къ Ивану Иванычу господинъ съ баками:—не такой густой мракъ, въ которомъ только звѣри рыщутъ!

Это невинное чтеніе имѣло однако слѣдующія серьезныя послѣдствія . . . . . .

. . . . . .

XXIII.

Во время выпускныхъ экзаменовъ положеніе мое сдѣлалось рѣшительно невыносимымъ. Я уже совсѣмъ рѣшилъ, что выйду изъ корпуса, и мы переговорили объ этомъ съ Иванъ Иванычемъ окончательно.

— Я не могу теперь выносить этотъ гнетъ, сказалъ я ему въ одинъ вечеръ, прихлебывая чай и нѣсколько рисуясь серьезностью своею.

— Ну да, отвѣчалъ Иванъ Иванычъ, вы напишите къ отцу; не можетъ же онъ вамъ отказать въ вашемъ справедливомъ желаніи лучшей жизни, желаніи учиться наконецъ. Тамъ поѣдете въ Москву; пойдетъ университетъ, новая жизнь...

— Я уже испыталъ свой характеръ и думаю, что съумѣю перенести трудъ и борьбу, замѣтилъ я.

Мнѣ стало что-то радостно на сердцѣ, представлялись толпы студентовъ, аудиторіи, свободная жизнь...

— Пишите письмо скорѣй, сказалъ помолчавъ опять Иванъ Иванычъ:—и не говорите до полученія отвѣта никому ни слова.

На другой же день утромъ въ корридорѣ я писалъ письмо домой.

Утренній свѣжій блескъ зари игралъ въ отворенныхъ окнахъ, прохладой и свѣжестью вѣяло въ корридоры. Нѣсколько кадетъ готовились къ экзамену.

Ивинъ подошелъ съ атласомъ и географіей въ рукахъ и совсѣмъ одѣтый.

— Что ты пишешь? спросилъ онъ.

— Такъ, тутъ письмо одно нужно, сказалъ я нехотя:—а ты къ экзамену?

— Да, вѣдь много! сказалъ онъ: — нынче сѣлъ у окна, а глаза такъ и слипаются, такъ и слипаются!

Онъ въ самомъ дѣлѣ, лѣниво потянулся и сладко зѣвнулъ. Потомъ взглянулъ на меня съ улыбкой, вдругъ озабоченно опустилъ глаза въ книгу и пошелъ, внимательно читая.

«Если вы не вѣрите моимъ убѣжденіямъ, — да вы и всегда были противъ университетовъ!—продолжалъ я писать, любуясь своими фразами: — то повѣрьте хоть тѣмъ голосамъ лучшихъ людей мысли и науки, которые отъ времени до времени раздаются въ пользу университетовъ».

Все это я перечелъ съ наслажденіемъ.

«Но если, заключалъ я энергически, вы не захотите исполнить мое искреннее, задушевное желаніе, то я найду средство, если не выдти съ честью, то быть выключеннымъ съ безчестьемъ. Я на все рѣшусь».

Я на все рѣшусь!—энергически и кратко—лаконизмъ! отлично! думалъ я: — «теперь прощайте милый папенька и проч.»

Я переписалъ на почтовую бумагу все это и запечаталъ.

Экзамены мои шли кое-какъ. Я мало готовился и мучился въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ представлялось гнетомъ или глупостью то, чего я прежде, пожалуй и не замѣ-

чалъ. Разговоры кадетъ о предстоящемъ выпускѣ казались мнѣ пошлы и мелочны. Я очень радовался и гордился, что вотъ выйду совсѣмъ особенно, не такъ какъ другіе, и, пренебрегая мундиромъ и военной карьерой, пойду въ университетъ. Кромѣ того, мнѣ было чрезвычайно пріятно, что у меня такой твердый характеръ, что я никому не говорю о предстоящемъ важномъ происшествіи для меня.

Я рисовался самъ передъ собой въ хладномъ, такъ сказать, и гордомъ одиночествѣ. Я находилъ какое-то особенное наслажденіе даже мистифировать другихъ на этотъ счетъ. Напримѣръ, разъ поздно вечеромъ, всѣ разговорились, сидя на кроватяхъ, о выпускѣ. Ивинъ очень весело разсказалъ свои мечтанья, нѣсколько шутя на свой счетъ.

— Пойдемъ по улицѣ и солдаты фуражки снимаютъ! А знаете, господа, мнѣ кажется это весело, только не странно ли.

— Нѣтъ, это весело! заговорили кругомъ: — конечно въ первый-то разъ.

— Да, началъ опять Ивинъ:—только знаете, господа, должно быть совѣстно! Солдаты ужь и старики есть, а вѣдь мы что же? Идешь—вѣдь мальчишка.

— Это ты мальчишка, насъ не задѣвай; мы все старше!

дружелюбно замѣтилъ ему фельдфебель: — онъ, господа покраснѣетъ, ей Богу! Погодите господа, непремѣнно буду кадетъ останавливать: отчего, скажу, фуражки не сняли? какъ вы, скажу, смѣли? Позвольте вашъ билетъ! Кто ротный командиръ?

Всѣ засмѣялись.

— Какіе широкіе идеалы! замѣтилъ я свысока, лежа на постели.

— Гдѣжь намъ за тобой! замѣтилъ раздражительно фельдфебель. Другіе молчали.

— Ты опять какой-то сталъ, началъ уже Ивинъ, немножко сердясь:—все какія то слова... идеалы! А можно спросить объ твоихъ этихъ идеалахъ?

— Кому до нихъ дѣло? Можетъ быть, такъ устрою жизнь, что и не ждутъ, намекнулъ я таинственно:—вотъ поступлю въ полкъ юнкеромъ, буду пить, играть въ карты, уѣду на Кавказъ, убьютъ...

Я даже не сердился на Ивина за насмѣшку: такъ онъ былъ по моему пустъ и тупъ.

— Господа! спать, спать пора! кричалъ маленькій дежурный офицеръ:—ложитесь; что вы тутъ проповѣдуете, Черневскій?

— Какъ, какъ? Объ идеалахъ? повтори! объ идеалахъ, отнесся къ нему фельдфебель насмѣшливо.

— Это не я, а онъ объ фуражкахъ проповѣдуетъ, сдѣлалъ я пику фельдфебелю, уже взбѣшенный.

Въ другой разъ случилось, что я ужь такъ плохо отвѣчалъ изъ фортификаціи на экзаменѣ, настроилъ на доскѣ такихъ нелѣпостей мѣломъ, что даже удивилъ всѣхъ.

— Черневскій, началъ дискантикомъ инспекторъ, который былъ экзаменаторомъ и всегда съ наслажденіемъ меня шпиговалъ, потому что не любилъ, какъ онъ выражался, «этихъ сочинителей»:—Черневскій! вы ужасно лѣнивы и не хотите ничего дѣлать. Балъ у васъ, впрочемъ, хорошій...

— Онъ мнѣ хорошо отвѣчалъ, замѣтилъ переминаясь учитель фортификаціи, который уважалъ меня за то, что сочиняю, и не спрашивалъ.

— Ну пусть такъ, продолжалъ тотъ, вертя карандашъ:—но вѣдь это вамъ нужно будетъ...

— Вѣдь это вамъ пригодится, робко принялъ его сторону и учитель, разводя руками.

— И что вы изъ себя хотите сдѣлать? Статейки будете писать? Да? Эхъ вы! Онъ съ какимъ-то презрѣніемъ взглянулъ на меня. — Статейки! Вы у насъ чтожь, Пушкинымъ что ли будете? Что вы изъ себя готовите?

Я мучился и чувствовалъ, что весь классъ на меня смотритъ и на мой нелѣпый чертежъ на доскѣ.

И зачѣмъ я этотъ чертежъ дѣлалъ? думалъ я,—сказалъ бы: *не знаю,* и шику больше, да и... а то врешь тутъ!—Я весь горѣлъ до волосъ.

— Я въ юнкера пойду, брякнулъ я, хотя мнѣ очень хотѣлось про университетъ сказать при всѣхъ.

— Въ юнкера! ну, и отлично! Мало васъ такихъ! Садитесь ужь вы! заключилъ инспекторъ, наклоняясь къ списку и сбавляя мнѣ сколько возможно больше. Потомъ, съ удовольствіемъ откинулся назадъ и посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

Я, не сморгнувъ, холодно взглянулъ всѣмъ въ глаза и спокойно сѣлъ за столъ.

Мнѣ было очень пріятно, что я ношу съ собой секретъ. Вотъ удивятся, думалъ я...

XXIV.

Въ большомъ номерѣ гостинницы пахло табакомъ, сапогами и какими-то точно котлетами. По темнымъ обоямъ ходили тѣни отъ свѣчки. За перегородкой возился съ чемоданомъ Семенъ, ласково мнѣ улыбаясь своимъ знакомымъ, добрымъ морщинистымъ лицомъ.

— Семенъ! дай самоваръ! говорилъ отецъ, поправляя золу въ трубкѣ и куря.

— Какъ вы однако скоро пріѣхали! говорилъ я:—я васъ не ждалъ. Я думалъ, что вы пришлете только письмо, или деньги...

— Какъ же, милый, ты вѣдь такое письмо написалъ, началъ отецъ, глядя мнѣ въ глаза и нѣсколько закинувъ свою сѣдую голову:—я подумалъ, подумалъ, да на другой же день и поѣхалъ. Что тамъ, думаю, вдругъ случилось? И потомъ, что ты тамъ, когда я противъ университетовъ говорилъ, что такое эти «голоса науки» и Богъ знаетъ что! Учись, мой милый! Ты только вспомни, вѣдь ты ничего до послѣдняго года не говорилъ мнѣ объ университетѣ! Учись голубчикъ! ужь я то не буду мѣшать тебѣ! Ну, довольно объ этомъ.

Онъ ласково поцаловалъ меня.

— Я кое у кого былъ, у Марьи Кондратьевны чай пилъ, сказалъ онъ съ веселой улыбкой:—и у этого твоего Ивана Иваныча вчера былъ!

— Что онъ вамъ, какъ понравился? быстро спросилъ я.

— Ну да, ну да! прекраснѣйшій человѣкъ! быстро и какъ-то смущенно проговорилъ отецъ и безъ всякой надобности поправилъ большимъ пальцемъ золу въ трубкѣ и сильно затянулся:—мы съ нимъ почти цѣлый вечеръ просидѣли: онъ много говорилъ со мной. Прекраснѣйшій

человѣкъ! Да, да, умнѣйшій и прекрасный! Ахъ, да! вчера заходилъ ко мнѣ какой-то студентъ и записку тебѣ оставилъ, куда я ее дѣлъ? Вотъ она!

— Это ужь не Горнъ ли? спросилъ я радостно и прочелъ:

«Я ужь теперь студентъ,—слышалъ, что вы уѣзжаете, и желалъ бы видѣться съ вами. Я живу у дяди. Вашъ покорный слуга, В. Горнъ».

— Самоваръ готовъ, Сказалъ Семенъ, появляляясь съ шипящимъ самоваромъ и стаканами.

— Ну, давай чай пить, сказалъ отецъ, садясь.—Кто-жь этотъ Горнъ?

— Ахъ, это очень умный и образованный молодой человѣкъ, началъ я скороговоркой:—онъ кончилъ курсъ въ гимназіи и теперь идетъ по юридическому факультету. Все занимается, —ужасно развитой и начитанный.

— Какія ты слова говоришь! охъ ты, студентъ! сказалъ съ любовію и ласково отецъ и поцѣловалъ меня:—все-то ты съ умными людьми у меня знаешься! Ну, пей чай и все разсказывай откровенно, что у васъ теперь дѣлалось?..

И я началъ разсказывать...

На другой день отецъ съ утра уѣхалъ хлопотать въ корпусъ, а я не желалъ и заходить туда, такъ какъ съ

товарищами простился. Идя къ Ивану Иванычу, я его встрѣтилъ на улицѣ.

— Я иду на урокъ, сказалъ онъ;—ну, вотъ ваше дѣло конечно.

— Да, слава Богу, начинается новая жизнь и университетъ впереди, отвѣтилъ я.

— Что вашъ батюшка? спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Мы вчера все говорили съ нимъ. Я откровенно ему все разсказалъ, весь этотъ гнетъ корпусный... Ну, конечно, онъ, съ его понятіями, многаго не понялъ и все хотѣлъ заставить воротиться къ прежнему и даже употребить родительскую власть, но со мной вѣдь плохи шутки! заключилъ я, усмѣхнувшись.

— Горнъ пріѣхалъ, сообщилъ я Ивану Иванычу:—онъ ужь студентъ, хочу къ нему зайти.

— А! замѣтилъ Иванъ Иванычъ:—заходите проститься, пожалуйста.

Повернувъ въ переулокъ, я отворилъ двери старика Горна и вошелъ въ комнату; тамъ никого не было.

— Дома студентъ Горнъ? спросилъ я въ пустоту.

— А, это вы! нѣсколько протягивая слова, говорилъ студентъ и, шурясь, шелъ мнѣ на встрѣчу.

Онъ очень перемѣнился. Похудѣлъ, казался выше ростомъ, отпустилъ свои черные волосы до безобразія и надѣлъ очки. На голубой воротникъ его и на форменныя

пуговицы я смотрѣлъ даже съ какимъ-то благоговѣніе
И было и искреннее и хорошее въ этомъ!

Въ маленькой комнаткѣ, которую онъ занималъ у дяди, какъ-то ужь пахло книгами. Ихъ въ самомъ дѣлѣ было много на окнахъ и на столѣ. Я съ любопытствомъ открылъ одну, другую. Попались Титъ Ливый, лексиконъ Кронеберга, какая-то греческая грамматика, энциклопедія законовѣдѣнія.

У меня даже дыханіе захватило отъ однихъ заглавій и въ глазахъ зарябило...

— Вы ужь и греческій языкъ знаете? спросилъ я.

— Да, у насъ вѣдь, собственно говоря, и нельзя не знать, похвастался студентъ:—мы всѣхъ этихъ авторовъ въ подлинникахъ читаемъ. Я таки собралъ себѣ порядочную библіотеку—но исключительно научныя вещи, добавилъ онъ, уже совсѣмъ рисуясь.

Однако—кто нынче этимъ рисуется...

— Трудно, я думаю, будетъ мнѣ держать экзаменъ?

— Да вы, я слышалъ, хотите держать? чтожь, батюшка, прекрасное дѣло! трудновато! нужно вотъ латинь-то подолбить. Но, главное, изучить классиковъ, по всѣмъ авторамъ пройтись.

— А вы, конечно, прошлись? спросилъ я съ уваженіемъ, улыбаясь.

— Всѣхъ, конечно, отвѣчалъ онъ, важно закуривая папиросу.

Я готовъ былъ подъ благословеніе къ нему подойти.

— Ну, какъ вы поживаете? спросилъ онъ меня:— вы, конечно, на филологическій? Вы пишите прекрасно. Кстати, нѣтъ ли чего новенькаго? я бы съ удовольствіемъ послушалъ.

— Знаете, сказалъ я вдругъ обрадовавшись своей мысли:—вечеръ отличный, мы пойдемъ, прогуляемся, потомъ ко мнѣ чай пить. Никого не будетъ, мы поболтаемъ и почитаемъ.

— Хорошо, сказалъ онъ:—а отецъ вашъ?

— Онъ хлопочетъ тамъ и поздно вернется. Вы не будете заниматься сегодня?

— Хотѣлъ было, началъ онъ, кажется, для шику передо мной:—да вчера все Неволина читалъ, усталъ ужасно! это сушь, не то, что литература; такъ-то, батюшка! засмѣялся новоиспеченный студентъ.

Надѣвая пальто, Горнъ положилъ портъ-моне въ карманъ. Мнѣ тогда очень это понравилось. Вотъ идетъ, думалъ я, и деньги въ карманъ положилъ на всякій случай. Человѣкъ совсѣмъ! Не то, что у насъ.

Это мысль была очень естественна во мнѣ. Намъ запрещалось имѣть деньги у себя.

Мы спустились съ горы къ рѣкѣ и пошли по дорогѣ у берега.

Горнъ разсказывалъ мнѣ о книгахъ, которыми нужно

руководствоваться къ эзамену, и кажется, умышленно въ перспективѣ представилъ мнѣ разныя затрудненія.

— Видите, греческій тоже надо знать, говорилъ онъ:— если вы возьмете у меня, я могу вамъ отдать за пустяки всѣ эти руководства. Мнѣ онѣ не нужны—я ужь теперь авторовъ собираю, на что мнѣ эти грамматики.

— Конечно, подтвердилъ я:—а что, легко въ Москвѣ доставать книги?

— Да, есть библіотечки кой-какія. Читали ли вы статью? говорилъ Горнъ.

Сзади насъ раздался топотъ лошади.

По гладкой дорогѣ, подымая облачко пыли, крупною рысью нагонялъ насъ верховой.

— Стой: раздался знакомый голосъ: — никакъ Черневскій? онъ! онъ! стой, стой!

Нероновъ осадилъ коня и наклонился ко мнѣ.

Во мнѣ было заговорила моя страсть...

— Славный конь! сказалъ я, съ удовольствіемъ лаская крутую шею:—откуда это? безъ сѣдла!—молодецъ!

— Чего! отвѣчалъ Нероновъ: — пристяжную отцовскую скрутилъ, славный!

Онъ съ удовольствіемъ потрепалъ коня подъ ухомъ. Тотъ фыркнулъ и сердито ударилъ подковой въ землю.

— Ну, ну! крикнулъ Нероновъ:—вотъ, братъ, сейчасъ выкупаюсь съ этимъ подлецомъ — да и вода же теперь

должна быть! А потомъ рощей домой. Экой вечеръ! давай купаться! Отлично!

Въ его некрасивомъ лицѣ было столько жизни, одушевленія и смѣлости, что Горнъ передъ нимъ представлялъ довольно жалкую фигуру съ своимъ умнымъ видомъ, который онъ, кажется, нарочно на себя принялъ; онъ даже отошелъ отъ насъ, какъ бы показывая, что это все его не интересуетъ; онъ просто, кажется, боялся бойкой лошади, которая фыркала и рвалась изъ рукъ у Неронова.

Вечеръ былъ и въ самомъ дѣлѣ отличный. Небо совсѣмъ голубое. Солнце зашло и все—крыши домовъ, главы церквей, вся рѣка тихая и зеркальная—все потонуло въ розовомъ свѣтѣ... Потомъ стемнѣло. Скрипѣли какія-то ворота, слышалась гдѣ-то пѣсня и замерла, сырой туманъ поднялся и въ туманѣ волны искрами засвѣтились. Неподвижными массами у берега стояли плоты...

— Я, братъ, теперь у отца въ отпуску неистовствую, кричалъ Нероновъ:—потому все свое исполнилъ, что мнѣ! Стой ты, дуракъ! Ну, купаемся что ли!

— Нѣтъ, не буду, холодно.

— Эхъ вы нюни! холодно! Прощай, Черневскій! Разъ, разъ!

Онъ пригнулся впередъ, гикнулъ и, круто повернувъ, поскакалъ по дорогѣ.

— Сумасшедшій! онъ голову себѣ свернетъ, замѣтилъ Горнъ, глядя ему вслѣдъ и, кажется, отдыхая душою, что тотъ убрался съ своей глупой лошадью, которая, пожалуй, можетъ ударить, чего добраго.

— Не сломитъ! онъ хорошо ѣздитъ, замѣтилъ я съ такой гордостью, точно это до меня относилось сколько нибудь.

Черезъ нѣсколько минутъ вода глухо зашумѣла подъ берегомъ и сквозь туманъ пошла широкими розовыми кругами, пѣнясь и плеща у плотовъ...

— Вонъ онъ! замѣтилъ я:—купается!

— Читали вы Декамеронъ? спросилъ Горнъ, какъ бы не слыша. Тамъ пикантныя вещицы есть...

— Нѣтъ, не читалъ-съ.

— Хотите, я вамъ дамъ его? все равно, вы теперь особенно серьезно еще не займетесь...

— Нѣтъ! дайте пожалуста, я бы хотѣлъ именно познакомиться съ этимъ памятникомъ итальянскаго остроумія...

— Какъ вы говорите? спрашивалъ тотъ, не дослышавъ...

А кругомъ догоралъ вечеръ, чудный вечеръ, и ужь звѣзды начали зажигаться. Огни свѣтились въ окнахъ. Звонко проскакалъ домой Нероновъ вверхъ по тихой улицѣ...

XXV.

Когда мы пришли въ номеръ, было уже темно. Я зажегъ свѣчу.

— Что вы мнѣ прочтете? спросилъ Горнъ.

— Небольшое у меня есть сочиненіе: «проклятіе», сказалъ я: — это къ корпусу относится, вотъ вы тутъ увидите...

Я съ восторгомъ читалъ свое сочиненіе, Горнъ слушалъ внимательно, изрѣдка вставалъ, прохаживался и, когда я переставалъ читать, говорилъ: «читайте, я слушаю, слушаю! это отлично, отлично! У васъ есть положительный талантъ!»

Я радовался и еще съ большимъ паѳосомъ читалъ такъ, что на одномъ сильномъ мѣстѣ, размахнувъ рукою, не разсчиталъ разстоянія и очень больно зашибъ руку объ столъ. Это вышло такъ что даже Горнъ разсмѣялся.

— Одушевленіе! вотъ что значитъ! сказалъ онъ:—какъ вы однако сморщились!

«И вотъ, кончалъ я, изъ приличія улыбаясь: стоишь ты передо мной, вертепъ раболѣпства, низкопоклонства и

диспотизма! Скоро ли покину я твои глухія стѣны, гдѣ вѣчно мнѣ придется проклинать судьбу свою и насиліе, ввергнувшее меня въ эту пропасть, откуда нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія!»

— Отлично, отлично! сказалъ опять Горнъ, ероша волосы и тараща глаза:—Ахъ, здравствуйте! вдругъ сказалъ онъ, оборачиваясь и измѣняя голосъ.

Я чего-то сконфузился.

Сзади насъ стояла высокая фигура отца. Свѣтъ отъ свѣчки прямо падалъ на лицо его, и морщины казались глубоко, и глаза какъ будто впали. Онъ съ невыразимой нѣжностью взглянулъ на меня, вѣжливо протянулъ руку Горну, потомъ сконфуженно поставилъ свою шляпу въ уголъ и началъ снимать перчатки. Онъ видимо былъ взволнованъ.

— Ну, вотъ я и у всѣхъ побывалъ—намъ хоть завтра ѣхать. Вотъ и твои бумаги здѣсь, сказалъ онъ.

И вдругъ я почувствовалъ какую-то страстную любовь къ нему, и вдругъ почему-то стала мнѣ ужасно противна фигура Горна, самодовольно запихнувшаго руки въ карманы и потрясавшаго своей маленькой головкой и длинными волосами.

Онъ какъ-то особенно глядѣлъ на отца и вдругъ холодно взялся за фуражку.

— Прощайте-съ, сказалъ онъ съ странною вѣжливостью отцу.

— Что жь, вы не хотите посидѣть? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ тотъ холодно: — я и такъ засидѣлся. Прощайте. Что, мы увидимся до отъѣзда вашего?

— Не знаю, сказалъ я, провожая его и опять чувствуя къ нему глубокое уваженіе.

— Такъ прощайте на всякій случай. Я понимаю и ваше грустное «проклятіе» и насиліе это... все понимаю! сказалъ онъ нѣсколько напыщенно, и стремительно вышелъ.

Когда я вернулся, отецъ сидѣлъ, опустивъ низко голову на грудь.

Я началъ ходить по комнатѣ, настроивая себя на слова Горна.

Да, думалъ я:—вотъ плоды этого неразвитія общественности! Теперь и терзайся!

— Послушай, Петя, заговорилъ тихо и взволнованнымъ голосомъ отецъ: — вѣдь вотъ пять лѣтъ для тебя даромъ пропали...

— Что жь теперь поминать—вѣдь прежде объ этомъ никто не думалъ! сказалъ я скоро.

— Петя, голубчикъ! вдругъ началъ отецъ, съ такой безконечной добротой и нѣжностью, такимъ полнымъ любви голосомъ, что я бы далъ руку теперь отрѣзать, чтобы

только еще разъ нѣсколько минутъ слышать этотъ голосъ.—Петя, голубчикъ! простишь ли ты меня?

Онъ поднялъ свою старую голову; — глаза и щеки были мокры...

— Что вы плачете? какъ это можно? Въ чемъ мнѣ васъ прощать?

— Нѣтъ, нѣтъ, прости, прости меня! Я виноватъ— пять лѣтъ — это не мало. Сколько бы ты могъ сдѣлать хорошаго въ это время! Въ голосѣ его были слезы...

— Да, конечно, сказалъ я, придуманно вздохнувъ.

— Петя! что жь ты не говоришь? ну, прости своего стараго отца, голубчикъ! Да вѣдь я, ей Богу, не зналъ, что ты... Ну что, какія въ тебѣ тогда наклонности были! Петя! за что, за что ты меня такъ не любишь?

Отецъ вдругъ опустилъ голову на широкія, жилистыя руки и глухо зарыдалъ.

— Что вы, что вы! ужь плакалъ и я, забывая все что придумалъ. Я кинулся на колѣни и жарко, несчетно цѣловалъ милыя руки, мокрыя отъ слезъ.

— Петя! побойся же Бога, Петя! На кого ты выдумываешь? На отца! За что ты меня не любишь? Что ты меня представляешь тираномъ какимъ-то всѣмъ? Я вѣдь сейчасъ слышалъ: ты этому студенту читалъ и Ивану Иванычу говорилъ вчера, что я хочу тебя заставить опять

поступить въ корпусъ! Когда это было? И вѣрно, ты это не однимъ имъ, и всѣмъ такъ говоришь... что это у васъ такое?..

Совершенно раздавленный горемъ, разбитый и уничтоженный, я только громко всхлипывалъ, стоя на колѣняхъ.

— На кого ты выдумываешь? На отца, который тебя такъ любитъ, такъ любитъ, — о милый ты мой! И онъ цѣловалъ, цѣловалъ меня...

— Петя! голубчикъ! Вѣдь я къ чему все это говорю. Ты не подумай, чтобъ я объ себѣ—нѣтъ! ну все ли мнѣ теперь равно, такъ или иначе кто нибудь обо мнѣ думаетъ—я вѣдь теперь ужь только для васъ живу! Нѣтъ, зачѣмъ ты неправду говоришь,—вотъ что, милый ты мой! Отъ кого ты это научился? не говори ты лжи никогда ни на кого! Ахъ, милый, какъ это дурно лгать! правда? ну подними голову, полно!..

Но я все ниже опускалъ голову и все крѣпче прижималъ горящее лицо къ большимъ рукамъ отца, глухо рыдая.

— Ну, выслушай меня поспокойнѣй. Ты, голубчикъ, совсѣмъ какъ-то не тотъ сталъ; ты, мнѣ кажется, хуже сталъ. Все ты будто говоришь не такъ, какъ чувствуешь. Зачѣмъ? Всегда, всегда говори правду! Что же это ты лгуномъ будешь, ну какъ ты съ этимъ будешь жить?

— Господи! господи! могъ я только проговорить.

— Ну полно, полно! я ужъ ничего не буду говорить. Вставай, вставай... ты добрый мальчикъ! ну цалуй меня. Вотъ такъ. Поужинаемъ да и спать... а ты крѣпко будешь спать! Послѣ слезъ всегда...

И его благородная, сѣдая голова въ утомленіи опустилась на руки.

ИЗЪ ПОДНЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

СТРАНА ГОРЪ.

(изъ подневныхъ замѣтокъ).

Августа 11-го (2-го). Нашъ аугсбургскій поѣздъ шелъ быстро и качало его довольно сильно. Утомленный вчерашними скитаніями, дремалъ я до самаго Бюхлоэ; южная Баварія для меня не существовала, замѣняясь грезами. Съ нынѣшними способами сообщеній, удобными только для торопливыхъ и дѣловыхъ поѣздокъ, невозможно видѣть что-нибудь основательно. Города и страны мелькаютъ, какъ въ панорамѣ, въ окна вагоновъ; впечатлѣнія и встрѣчи съ мѣстнымъ характеромъ не могутъ быть такъ интересы и поучительны, какъ въ странствіи пѣшеходномъ или экипажномъ. Далеко, далеко мчишься отъ своей родины, ѣдешь по чуждой, невиданной тобою странѣ и проводишь сутки въ обществѣ какого-нибудь желчнаго, либеральнаго и гемороидальнаго русскаго петербуржца, вѣчно лечащагося, вѣчно окутаннаго пледами, вѣчно ругающаго Россію. Начинаешь думать о его сы-

ромъ, туманномъ мѣсторожденіи; объ томъ, какъ онъ, всякими правдами и неправдами, добивается прибавочныхъ, наградныхъ; занимаетъ, беретъ взачетъ будущаго, построчную плату за свои ожесточенно-злостные и вымученные, грядущіе фельетоны, только чтобы проникнуть за границу, тамъ *бранить* родину, пить какую-нибудь гадость, и чуть только поправиться отъ движенія и воздуха, какъ уже спѣшить, воротившись, опять простудиться, усилить геморой, опять хлопотать о наградныхъ, построчныхъ и проч. Или, если сосѣдка какая-нибудь русская барыня,— думается, какъ она волновалась и торопилась продавать свое приволжское имѣніе какому нибудь разжившемуся подозрительными операціями современному кулаку. Она, восхищавшаяся всевозможными природами, не замѣчаетъ только величавой красоты своей рѣки, не чувствуетъ только сильной, строгой, освѣжающей чистоты своего роднаго воздуха... Зачѣмъ этимъ людямъ Россія—они тоже—что для Россіи?

Раздумаешься объ всемъ этомъ—и замелькаютъ знакомыя картины... Вотъ заброшенный барскій домъ, съ заколоченными ставнями, гдѣ кипѣла еще такъ недавно жизнь, были шумъ и движеніе. Одно только окно открыто: для житья оставилъ себѣ на пріѣздъ арендаторъ комнату. Тамъ пыль, мухи, немытыя стекла, на полу нечищеный самоваръ и сапогъ; на гвоздѣ чуйка и старое, ржавое ружье; грязныя счеты на трех-ногомъ столѣ, пол-

штофъ и грязная чашка. Дворъ весь заросъ травой и засѣянъ коноплей, и спутанная рабочая лошаденка подпрыгиваетъ по двору, щиплетъ траву и вяло обмахивается хвостомъ. Толстая собаченка, на самомъ припекѣ, спитъ въ травѣ. А въ запущенномъ саду полуденная жара и мирная тишь... Что за воздухъ несется съ рѣки, что́ за вишни гроздами висятъ на непроходно-разросшихся кустахъ! Зеленою тѣнью, кроютъ кипучую жизнь садовыхъ лужаекъ широкіе, неподвижные лопухи и мелькаютъ безпокойными листьями серебристые тополи... Ничья грудь не пьетъ здоровья съ этимъ чуднымъ воздухомъ, ничей глазъ не любуется картиной... Работники въ полѣ, скотница спитъ въ кухнѣ...

Но куда я ушелъ отъ южной Баваріи?..

— Извините...

— Ахъ, вы русскій, говоритъ барыня:—знаете ли, пріятно, иногда, по-русски... Обыкновенно сезонъ мы проводимъ въ Остенде... Дочь не совсѣмъ здорова—велѣно дышать морскимъ воздухомъ... Знаете—въ Россіи такой воздухъ!.. ужасно! потомъ—Италія... Ахъ, Италія—мы мечтаемъ!.. Но такъ трудно нынче... Эти посредники, соглашенія... Мы все продаемъ, все, все... Потомъ можно жить хоть въ Дрезденѣ... Жизнь дешевле.

— Не люблю Дрезденъ, замѣчаетъ дочь:—вотъ Швейцарія... Горы!..

— Да, въ Швейцаріи главное чувствуешь себя внѣ всякаго гнета, внезапно по-русски отзывается молчавшій и укутанный пледами господинъ.—Одна уже эта свобода все писать и печатать...

На него взглядываютъ. Никто не отвѣчаетъ. Барыня успѣла уже вздремнутъ подъ мѣрный громъ поѣзда, мало цѣня, повидимому, благодѣтельную свободу все писать и печатать. Она роняетъ сакъ-вояжъ, тихо вскрикиваетъ и обводитъ вагонъ сонными, недоумѣвающими глазами...

— Ахъ, maman!..

Поѣздъ между тѣмъ все мчится, останавливаясь на двѣ, на три минуты на скучныхъ, маленькихъ станціяхъ частыхъ, тихихъ деревенекъ и выпуская или принимая въ свои хлопающіе дверцы двухъ, трехъ нѣмцевъ-пассажировъ, съ вытертыми сакъ-вояжами, изъ которыхъ пахнетъ, когда ихъ раскрываютъ, сухимъ хлѣбомъ и колбасой. За третьей станціей: за примелькавшимися деревеньками, маленькими, правильно разбитыми полями, частыми холмами и одинокими деревьями—вдругъ показалась какая то точно очень далекая туча. День былъ сѣрый и туманный, дождикъ слегка накрапывалъ и даль задернута какъ бы пеленою. Туча темная, какая то грозная и неподвижная, какая то особенная—грозовая, но безмолвная. Спросить было не у кого и съ непривычки

я такъ и рѣшилъ, что это туча. Но мелькнулъ солнечный лучъ и—Боже мой—что за волшебная картина! Сквозь тонкую дымку тумана, на синей тучѣ стали выясняться какія то, какъ бы ползущія по ней, небольшія пятна—лѣса, и яркія, бѣлыя пятнышки—селенія... Замки какіе то озарились вдали—чуть видные со своими крохотными башенками... То были Альпы.

Первое впечатлѣніе человѣка, никогда не видавшаго горъ, превосходно разсказано нашимъ Л. Н. Толстымъ въ его «Казакахъ» и трудно это другими словами разсказать. Это—необыкновенная, давящая, грозная сила это вездѣ преслѣдующія и «снящіяся» горы. Такая свѣжесть впечатлѣнія возможна можетъ быть только для насъ, рожденныхъ подъ инымъ небомъ нашихъ мирныхъ, безбрежныхъ степей и равнинъ. Люди, въ горахъ родившіеся, привыкшіе къ этому виду враждебно-нагроможденныхъ, далеко за облака уходящихъ, пугающихъ громадъ—совсѣмъ иное.

Русскіе спутники мои спали. Нѣмецъ, котораго я разбудилъ (сидѣвшій въ углу), послѣ долгаго сердитаго ворчанья,—по моей просьбѣ, досталъ засаленнѣйшій гидъ, и мы разбирали и отыскивали горы. Вотъ онѣ идутъ—лѣсныя, нахмуренныя, грозныя. Поѣздъ бѣжитъ между рѣками, Лехомъ, разлившимся по зеленому лугу, и Вертахомъ и—между самыми горами. Вершины, вершины,

скалы—и счету нѣтъ. Вдругъ небо въ окна вагона становится не видно. А видишь только безконечно вздымающуюся, зеленую, лѣсную стѣну, съ грозными, каменистыми уступами, обрывами, ущельями, повисшими надъ пропастью деревьями и шумящими потоками. Потоки чистой, горной воды, змѣями, съ разныхъ сторонъ, стремятся, пѣнясь и прыгая по камнямъ, и журча по травѣ, и— невидать съ какой высоты!..

День разгулялся, но замѣтно холодно, какъ и вообще во все время моего пребыванія въ Альпахъ. Говорили что передъ этимъ была буря въ горахъ, такая, какую рѣдко запомнятъ. Не дышалъ ли я воздухомъ великаго ужаснаго царства вѣчнаго снѣга?..

За Кинсбургомъ помчались мы зеленой долиной, но вотъ вдругъ опять выдвинулись горы. Что за прелесть! Цугшпицъ, Гохплатта, гора Стефана... Но что перечислять тысячи разъ перечисленное и названное. Имменштадтъ весь окруженъ вершинами, затмѣвающими небо. Напримѣръ на эту грозную лѣсную гору, вздымающуюся вправо, на Грюнтенъ, чтобы достигнуть только ея снѣжной линіи, надо идти 5 часовъ. Вотъ синѣетъ Альпійское озеро и бьется своими волнами въ угрюмыя скалы. Дорога идетъ самымъ берегомъ озера. Вѣтрено, и волны плещутъ почти въ колеса нашего поѣзда и въ окна обдаютъ насъ облакомъ водяной пыли. Горы и лѣсъ --лѣсъ и горы.

Небольшой туннель—на минуту темно совершенно и—Оберштауфенъ подымаетъ башню своей бѣлой церкви. Облака ползутъ по синѣющимъ вершинамъ горъ Брегенцъ и Аппенцель. Мелькнули Гейдебахъ, Гергацъ и наконецъ вотъ и Линдау, и засинѣла за нимъ широкая равнина Констанцкаго озера. Далеко волнующееся, оставленное вдали, на горизонтѣ, рядами горъ Тирольскихъ и Швейцарскихъ, разстилалось оно передъ нами. Выдвигается красивый городокъ Линдау; волны шумятъ—также шумѣли онѣ, когда носились по нимъ крутобокіе, римскіе галліоны...

Констанцъ!.. Невольно при этомъ имени проходятъ въ памяти подробности тѣхъ нѣсколькихъ дней знаменитаго католическаго Собора, дней, въ которые закончилась драма жизни одного изъ величайшихъ людей въ исторіи міра. Пять вѣковъ прошло уже отъ тѣхъ дней, но страдальческій образъ Славянскаго мученика, изъ глубины этихъ вѣковъ, возстаетъ въ величіи и немеркнущей славѣ. На томъ далекомъ берегу пылалъ костеръ Гусса!..

Судъ былъ позорный—для судей. Императоръ, смѣясь открыто, признавалъ недѣйствительность своей собственной охранительной грамоты, данной Гуссу. Въ первыя засѣданія кардиналы только ожесточенно и безпорядочно кричали. Людовикъ Баварскій въ послѣдній разъ подъ-

ѣхалъ къ костру, уговаривая Гусса отказаться отъ «заблужденій»—потомъ далъ знакъ: огненные языки поднялись къ обнаженному тѣлу великаго Славянина, костеръ пылалъ, и привязанный, къ столбу Гуссъ запѣлъ торжественно предсмертную молитву...

Нигдѣ не встрѣчалъ я, разсказанный мнѣ однимъ путешественникомъ, странный эпизодъ изъ исторіи этого всѣмъ извѣстнаго событія. Императорская свита, по окончаніи дѣлъ собора, когда надо было выѣзжать, оказалась такъ задолжавшею жителямъ городовъ, въ которыхъ была расположена, что Императору нельзя было тронуться съ мѣста. Послѣ неудачныхъ переговоровъ, задолжавшій и изворотливый Сигизмундъ выѣхалъ къ народу и сказалъ рѣчь. Въ ней онъ распространился о расположеніи своемъ къ Констанцу, что доказывалось сомнительной честью выбора этого города мѣстомъ совѣщаній Собора. Практическая часть его рѣчи заключалась въ томъ, что онъ предложилъ въ залогъ должной горожанамъ суммы свою серебряную посуду, на что тѣ согласились. Но, при самомъ отъѣздѣ Императоръ объявилъ, что считаетъ неприличнымъ лишать себя необходимыхъ вещей, приказалъ содрать съ мебели и со стѣнъ парчу съ гербами и снести въ Ратушу, вмѣсто посуды. Этотъ, конечно, никогда невыкупленный, залогъ, остался памятникомъ вѣрности слова Сигизмунда, въ дополненіе къ его охранной

грамотѣ. Впрочемъ, жители городовъ во время собора, конечно, значительно попользовались. Свита и кардиналы, въ свободное отъ дѣлъ часы, вѣрно не постились. Сохранилось любопытное статистическое свѣдѣніе о значительномъ числѣ снисходительныхъ женщинъ, съѣхавшихся сюда на время Собора...

Пароходъ изъ Линдау въ Роршахъ отходилъ еще въ 5 часовъ и, имѣя два часа времени, я оглядѣлъ весь городъ и длинный, деревянный мостъ на пристани, съ котораго открывается чудесный видъ.

Молодой офицеръ — Баварецъ (въ синей формѣ, съ красными кантами и какими то крошечными, коричневыми, приподнятыми котлетками на плечахъ, вмѣсто эполетъ), также дожидавшійся парохода, присоединился ко мнѣ и, ощипывая свои маленькіе, безцвѣтные усы, вступилъ въ разговоръ, объявивъ, что Линдау «считается однимъ изъ лучшихъ на озерѣ, по мѣстоположенію и богатству природы» городовъ. Городокъ маленькій и, когда мы его обошли весь—онъ оказался вовсе не такъ красивъ, какъ издали. Баварцы теперь его сильно укрѣпили. Офицеръ разсказывалъ мнѣ, съ разными техническими подробностями, устройство крѣпости и показывалъ остатки укрѣпленій, воздвигнутыхъ еще Римлянами. Какъ строилъ этотъ народъ воиновъ—что за тяжелая, желѣзная рука! Какіе могучіе камни, какія крѣпкія, дисциплинарныя по-

стройки! Мы обошли почти всю гавань кругомъ. По сторонамъ поставлены красивые маяки, за которыми тихо качалось нѣсколько судовъ и пароходовъ. А за мостомъ смѣло поставленъ, среди волнъ, широкій пьедесталъ и на немъ высоко сидитъ, прекрасно высѣченный изъ бѣлаго камня, колоссальный левъ (3 саж. выш.), какъ бы охраняя входъ въ гавань. Волны плещутъ въ могучія лапы...

Пристань имѣла оживленный видъ. Свозили хлѣбъ съ мельницы на суда. Замѣчу оригинальный способъ перевозки, возможный, разумѣется, только въ гористой странѣ. Мельница находится въ другой улицѣ, болѣе возвышенной, чѣмъ берегъ. И сдѣланы рельсы до самой пристани. Изъ сараевъ мельницы выпускаются тяжело нагруженные мѣшками вагоны—подъ гору они отъ собственной тяжести, безъ всякаго двигателя, несутся съ быстротою почтоваго поѣзда. Передъ самой же пристанью поворотъ, и почва съ рельсами искусственно приподнята, такъ что, гдѣ надо, вагоны и останавливаются сами собою. А потомъ лошадь, по рельсамъ, одна, легко привозитъ ихъ пустыми назадъ.

И здѣсь, какъ вездѣ въ этой странѣ, Людовикъ I наложилъ свою руку. Ему здѣсь, на пристани, поставленъ прекрасный памятникъ, какъ строителю пристани, маяковъ, и еще не знаю чего. Безпрестанно здѣсь встрѣчаешься съ именемъ этого государя во всякомъ благомъ начинаніи. И память его чтится Баварцами.

Въ эти два часа, что́ я былъ на берегу озера, оно и горы на другомъ берегу, конечно, раза три совершенно перемѣнили видъ и освѣщеніе. Что́ за прелесть! Сначала тихо, среди сѣраго дня, широкими, зеленоватыми волнами катилось оно съ какимъ то глубокимъ, какъ бы сдержаннымъ шумомъ, и горы и полукружіе дальнихъ береговъ — все это куталось въ туманы. Потомъ, когда проглянула въ облакахъ синева неба, и засіяло солнце— оно вдругъ все сдѣлалось прозрачное, дико-голубое, и волны съ бѣлыми гребнями замелькали, какъ толпы скачущихъ коней, и засверкали солнечнымъ блескомъ. А горы выяснялись въ туманѣ все больше пятнами лѣсовъ, блѣдно-розовыми и лиловыми маленькими скалами, бѣлизной снѣговыхъ вершинъ и ярко-сверкающими тамъ и сямъ, какъ крошечныя звѣздочки, стѣнами бѣлыхъ, далекихъ домиковъ. Облака и пары, разноцвѣтные, тоже идутъ надъ горами, и не различишь, гдѣ облако и гдѣ гора... Вотъ, кажется, была гора, но она расплылась безъ слѣда; а тамъ, казалось, былъ голубой туманъ, а онъ вдругъ покрылся лѣсами, городками, замками, деревьями, садиками—я понялъ западныя легенды о волшебныхъ странахъ и замкахъ: эти далекія горы — цѣлый міръ грезъ! Потомъ, когда вѣтеръ сталъ крѣпчать—озеро все шире ходило и глуше, сердитѣе шумѣло, потомъ потемнѣло, нахмурилось и расходилось сѣро зелеными волнами, и къ

тому времени какъ намъ ѣхать, оно бѣшено стало кидаться, темное и грозное подъ бѣгущими тучами, и яростно било въ каменное основаніе старой развалины—башни, у которой мы съ офицеромъ стояли. Отъ каждаго удара волны въ камень раздавался какъ бы заглушенный выстрѣлъ и вставалъ бѣлый столбъ брызговъ и пѣны, вышиною сажени въ три, и хотя потомъ мы отошли отъ башни — насъ долго, до самыхъ строеній вокзала, обдавало мелкимъ дождемъ. А тамъ, между тѣмъ, горы горѣли въ туманѣ подъ вечерними лучами и выяснялись такими чудными, отдаленными, крохотными пейзажами, что цѣлые дни глядѣть можно...

— Видите ли вонъ то пятнышко, говоритъ офицеръ:— это большой, сосновый лѣсъ на Сентинѣ. А та полоска— это обрывъ, съ котораго сверху смотрѣть—голова закружится. А вонъ та синяя горра—до нея нѣсколько дней ѣзды. Глядите—вонъ Аппенцель, Брегенцъ...

Между тѣмъ какъ мой спутникъ говорилъ это, горы—то меркли, то яснѣли и ежеминутно мѣняли освѣщеніе...

Подходятъ еще пассажиры въ Роршахъ. Нѣмцы, Французъ-комми съ женой и Англичанинъ съ семействомъ. Звонокъ громко загремѣлъ, пароходъ началъ пыхтѣть. Волны бѣшено бьются—я боюсь, что неблагополучно доѣду, ибо качка на меня дѣйствуетъ сильно. Па-

роходъ дрогнулъ, цѣпь загремѣла, раздались слова команды и послѣдній звонокъ.

— Ничего, говоритъ словоохотливый офицеръ-Баварецъ:—только не думайте объ этомъ, смотрите кругомъ и будьте бодрѣе...

Но качка была очень сильна. Это была первая сильная качка мною испытанная. Капитанъ и матросы были озабочены, бѣгали и говорили, что давно не запомнятъ такой. Нашъ небольшой пароходъ кидало озеро шутя, какъ игрушку. Яростно и весело-красиво прыгали переливающіяся цвѣтами волны, съ пѣнистыми, бѣлыми гребнями. Пассажиры, сперва очень веселые и оживленные, начали постепенно задумываться, дѣлаться серьезными, стали какъ то унывать, блѣднѣть и тревожиться, и качаясь, и почти падая руками на палубу, карабкались до каюты. Дамы ушли давно съ обезображенными, блѣдными лицами. Возвращались растроенными... Къ моему собственному удивленію, уцѣлѣли только мы, вдвоемъ съ офицеромъ-Баварцемъ, во всю дорогу. Мы весело разговаривали и смотрѣли на горы и волны, и на далекій, окаймленный стѣнами горъ, усѣянный деревеньками, сельскими домиками, деревьями, садами полукругъ берега. Что удивительнѣе и волшебнѣе всего дѣйствуетъ—это постоянно смѣняющіяся освѣщенія и картины. Только-что вы присмотрѣлись и глазъ привыкъ къ какой нибудь ча-

сти пейзажа, какъ его уже нѣтъ—набѣжало облачко пара и измѣнило очертаніе и закрыло прежнія формы пейзажа, и передъ вами что то новое... Кажется, что вотъ-вотъ—вся эта картина горъ и озерныхъ береговъ, безпрестанно возникающая, измѣняющаяся, вдругъ исчезнетъ, расплывется въ туманѣ и тогда гдѣ очутимся мы, копошащаяся кучка людей, среди невѣдомыхъ волнъ, на своей бѣдной щепкѣ, со всѣми нашими приспособленными частицами паровъ, колесиками и намѣреніями?...

Глядя, какъ пустѣла палуба, мы смѣялись, потому что въ этихъ случаяхъ, когда самъ не страдаешь, невозможно удержаться отъ смѣха при видѣ этихъ неизбѣжныхъ и скоро-преходящихъ страданій. Но вотъ всѣ ободряются, пароходъ свищетъ въ послѣдній разъ, вскидывается на волну и въѣзжаетъ, уже не въ Баварскую, гавань швейцарскаго городка Роршаха.

Пароходъ съ обычнымъ пыхтѣньемъ, бокомъ, подтягивался къ высокой пристани. Одна полоска воды отдѣляетъ меня отъ Швейцаріи. Переброшенная доска уничтожаетъ раздѣленіе. Мы начали выходить на берегъ Гельвеціи, „страны чудесъ природы“. „Я въ Швейцаріи—милые друзья мои!—писалъ *) нашъ знаменитый путеше-

*) П. Р, Пут. Спб. 1848. 114.

ственникъ". „Всякое дуновеніе вѣтерка развѣваетъ въ сердцѣ чувство радости... Я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ... Счастливые Швейцарцы! Всякій-ли часъ благодарите вы небо, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, въ простотѣ нравовъ..."

Но «Натура» встрѣтила меня сильнымъ холодомъ на этомъ горномъ берегу, а вмѣсто простоты нравовъ, я наткнулся на случай съ чьимъ-то сакъ-вояжемъ, который кто-то подхватилъ и понесъ, а когда владѣлецъ Нѣмецъ закричалъ, — то подхватившій бросилъ сакъ-вояжъ, и самъ ударился бѣжать, что произвело нѣкоторый переполохъ на пристани, въ толпѣ, дожидавшейся парохода. Полиціи, конечно, не видно никакой. Нѣмецъ всѣмъ съ жаромъ говорилъ и, поднявъ свой сакъ-вояжъ, указывалъ вслѣдъ убѣжавшему. Въ толпѣ рѣшили, что это не здѣшній кто нибудь, что мѣсто пограничное, пароходы приходятъ разъ пять въ день, и что мало ли кто пріѣдетъ... Но сакъ-вояжъ имѣлъ видъ пустого. Что если тамъ тоже только хлѣбъ и колбаса? Здѣсь прежде спрашивали и прописывали паспорты прежніе путешественники, до безпаспортнаго времени, и весьма жаловались на грубость и медленность чиновниковъ. — Одинъ нашъ соотечественникъ **), съ восторгомъ вступившій на берегъ Гельвеціи, разсказываетъ

**) Бер. Р. стр. 112. Б. для Чт. 1850. Спб.

съ горестію свое разочарованіе. На него стали кричать, когда онъ не тотчасъ же вынулъ видъ. «Кажется я громко говорю», начальнически замѣтилъ чиновникъ. «Это что за буквы? Это что за буквы? Что за нелѣпый паспортъ!» продолжалъ онъ, тыча пальцемъ въ бумагу. Путешественникъ, уходя, ему вѣжливо поклонился. Тотъ поднялъ руку; нашъ соотечественникъ, думая, что онъ намѣренъ снять шляпу, хотѣлъ еще поклониться, но чиновникъ только—почесалъ носъ.

«Счастливые Швейцарцы» дѣйствительно грубы. Носильщикъ съ бляхой подошелъ ко мнѣ и сталъ брать сакъ-вояжъ, и когда я воспротивился, онъ все-таки его вырвалъ изъ рукъ, говоря, что это «его обязанность». Привелъ онъ меня въ плохую и довольно грязную гостинницу и на желаніе мое идти въ другую, отвѣчалъ, что мнѣ и въ этой будетъ хорошо, что здѣсь хорошее пиво.

— Зачѣмъ же мнѣ пиво?

Но на это, ближе къ дѣлу, онъ нетерпѣливо объяснилъ, что получаетъ съ этой гостинницы за постояльцевъ,—и въ другую меня не поведетъ. Такъ онъ исполнилъ свою «обязанность». Странное смѣшеніе понятій! Я ушелъ въ другую гостинницу, но ему то все таки пришлось заплатить, да и то онъ ворчалъ, почему я не здѣсь остался...

Открылъ окно. Прямо вздымалась крутая, зеленая, покрытая лѣсомъ гора, и монастырь Маріенбургъ бѣлѣлъ среди деревьевъ и замокъ Роршахъ высоко, высоко мелькалъ своими старыми башнями. Подъ окномъ грязный и узкій задній дворъ, на которомъ мычатъ коровы и играютъ грязныя дѣти, желтыя и некрасивыя. Черепичныя кровли домиковъ лѣпятся кругомъ. Холодный и сильный воздухъ горъ даетъ себя чувствовать. Холодъ какъ у насъ въ ясный Октябрскій день.

Попросилъ чаю, сыру и хлѣба. Чай, какъ вездѣ, имѣетъ вкусъ грудной травы. Толстая и красная хозяйка въ большомъ, крахмаленномъ, бѣломъ чепцѣ, съ бантами, принесла мнѣ цѣлый кругъ сыру и цѣлый хлѣбъ, прѣсный и безъ соли, фунтовъ въ 5 вѣсу, и потомъ взяла съ меня за все, говоря, что ей все рзвно, сколько я ѣлъ что я могу взять съ собою и хлѣбъ, и сыръ и, если хочу, могу жаловаться... Добродѣтельная Швейцарка!

Самые красивые домики—это купальни и хлѣбные магазины по берегу. Городъ производитъ значительный торгъ хлѣбомъ—доставляется онъ сюда изъ Виртемберга, по объясненію встрѣчнаго туземца. Сюда также ѣздятъ лечиться сывороткой и купаньями и есть пріѣзжіе изъ Россіи, изъ этой несчастной страны, гдѣ нельзя достать даже сыворотки и негдѣ купаться.

Улицы узенькія и плохо мощеныя. Привыкши видѣть

такія строенія только на сценѣ, когда играютъ переводную пьесу изъ жизни поселянъ, такъ и кажется, что эти улички и домики кругомъ—декораціи, чистенькія и окрашенныя снаружи, а за ними холстъ, машины и пустое пространство. Да и строены онѣ въ родѣ декорацій. Въ такомъ тонкостѣнномъ домикѣ у насъ сейчасъ бы осенью простудился, а зимою, съ этими печечками, похожими на ночные шкапики, еще съ осеннихъ заморозковъ умирать бы надо... Но и здѣсь теперь холодно. Проходящіе кутаются въ пледы, а въ окна видно, какъ топятся, кое у кого побогаче, (или у лечащихся иностранцевъ) маленькія печки. Простудиться, казалось, было легко и я себя чувствовалъ что-то не очень хорошо...

Августа 12 (3)... Утромъ примчался, свистя, С. Галленскій поѣздъ. Синѣетъ Констанцкое озеро въ утреннихъ лучахъ, совсѣмъ какъ бы подъ нашими колесами, бѣгущими по самому берегу. Туманы расходятся, раздѣляясь какъ завѣса надъ горами и таятъ въ ясномъ небѣ, уступая свѣтлому утру и солнцу. Легкія, голубыя, прозрачныя волны несутся и плещутся, далеко мелькая и сверкая. Струя сильнаго, свѣжаго воздуха вливается въ окна...

Городъ, бывшій нѣкогда резиденціей могучихъ С. Галленскихъ аббатовъ, теперь скромно выдвигается изъ за

горы своими церковными башнями (Св. Лаврентія). А старое, великолѣпное аббатство вмѣщаетъ въ стѣнахъ своихъ прозаическое учрежденіе Кантональнаго Управленія.

Объ этомъ историческомъ аббатствѣ хочется упомянуть нѣсколько подробнѣе. Монастырь получилъ свое названіе отъ отшельника Шотландца С. Галля, жившаго здѣсь въ 600-хъ годахъ, на берегу Штейнаха, въ хижинѣ. Самый же монастырь основанъ Пепитомъ Эрнстелемъ (въ концѣ VII ст.). Этотъ знаменитый монастырь, въ то мрачное время, три вѣка твердо хранилъ свои высокія начала, завѣщанныя ему его первымъ аббатомъ Отмейеромъ. Германія и Франція наполнялись профессорами, вышедшими изъ стѣнъ аббатства.

Самый городъ образовался постепенно изъ домиковъ, строенныхъ возлѣ стѣнъ монастыря. Это нѣчто напоминающее наши русскія поселенія около глухихъ скитовъ. Но затѣмъ начинается исторія, непохожая на нашу въ подобныхъ случаяхъ. Ученые мужи въ X уже вѣкѣ переписали всѣхъ посельцевъ и обложили большою податью. Начинается ожесточенная борьба посельцевъ съ учеными за свою независимость. Въ 1567 году усилія утѣсняемыхъ имѣли даже успѣхъ. Но высокая каменная стѣна поднялась кругомъ аббатства, и мирныхъ жителей воинственные и гордые монахи опять обложили податью. Вмѣсто

духа любви и смиренія, аббаты проникались духомъ любоначалія и брани, и тѣснили мирныхъ жителей... Съ XVI по XVIII в. ихъ властолюбивые порывы были сдерживаемы, въ 1798 г. аббатство лишили всѣхъ мірскихъ правъ, а въ знаменательное время шествія Императора разрушителя — въ 1805 г. оно было и совсѣмъ уничтожено. Въ виду подобныхъ притязаній понятно можетъ быть то отношеніе къ духовенству, какое могло сложиться въ западныхъ государствахъ — но понятно-ли и имѣетъ-ли какой нибудь смыслъ желаніе перевести на русскій языкъ эти отношенія въ примѣненіи къ нашему мирному духовенству, желаніе внести духъ раздора и ужь совсѣмъ нехристіанскихъ пререканій въ русскую церковную жизнь? То ли въ исторіи нашей церкви? Но вѣдь толкующіе объ этомъ у насъ—знаютъ-ли исторію православной церкви?...

Поѣздъ гремитъ по мосту, висящему футовъ на 300 надъ обрывистою, зеленѣющею пропастью, на днѣ которой, чуть слышно шумя, змѣится красивая, голубая рѣка Ситтеръ. Горы и горы мелькаютъ мимо вагоновъ. Частыя, маленькія, пустыя и бѣдныя станціи встрѣчаютъ насъ...

Въ Винтентурѣ я увидѣлъ оживленную картину. Ни на одной дорогѣ не попадается такое множество пасса-

жировъ вообще, какъ въ Швейцаріи, а здѣсь, кромѣ того, еще пунктъ соединенія четырехъ желѣзныхъ путей. Крики кондукторовъ, пассажировъ, рассаживанье по вагонамъ четырехъ поѣздовъ, сотни за сотнями людей, спѣшащихъ и шумящихъ, говорящихъ на всевозможныхъ языкахъ—тутъ было чего посмотрѣть!...

Чтобы видѣть Рейнскій водопадъ, надо было ѣхать по другой дорогѣ, называемой «Рейнфальбанъ» — но я торопился, и пріѣхалъ въ Цюрихъ, не видавъ этой знаменитости.

Августа 13 (4). Замелькали синія, красивыя горы. Какія это? Оберландъ, Юра, Шварцвальдъ... Въ вагонахъ совершенно смѣшеніе языковъ, которое начинается уже съ Цюриха. Объявленія въ вагонѣ печатаны на двухъ языкахъ. Вотъ мужъ говоритъ женѣ: «S'ist sehr schade». По каковски это? На станціяхъ вмѣсто безбожнаго количества мутнаго пива потребляется уже легкое (и плохое) мѣстное красное вино. На двухъ человѣкъ подается нашъ водочный графинчикъ. Передъ Цюрихомъ и за Аарау большіе туннели — темно въ вагонѣ, по крайней мѣрѣ, впродоженіи четверти часа. Такъ же видно, какъ съ закрытыми глазами. Какое тяжелое и странное ощущеніе быть въ подобномъ мракѣ среди этого грома и свиста машины и смраднаго дыма...

Холодно, но что за воздухъ! Сильный, здоровый запахъ кошеннаго сѣна несется съ горныхъ долинъ.

Со мной сидитъ Французъ — комми, ѣдущій въ Женеву — преразвращенная физіономія и пресмѣшная, съ бородкой и усиками. Везетъ съ собой, для собственнаго, будто бы, потребленія, хорошенькую коллекцію (une belle collection) тросточекъ!! Онъ оказался очень сообщительнымъ, изъявилъ наклонность къ откровенности, разсказалъ объ своихъ похожденіяхъ и отношеніяхъ съ одной дамой («очень богатой» — tres riche!) и пустился въ такія омерзительныя подробности и пѣлъ такія скандалезныя «chansonnettes», что его коллекція тростей дѣйствительно для него была бы кажется не безполезна... Но все таки какая разница въ общительности и привычной какой-то вѣжливости съ Нѣмцемъ, всегда нелѣпо-надутымъ и грубымъ — я говорю вообще, конечно.

Въ 11-мъ часу ночи пріѣхали въ Бернъ, гдѣ, усталый, я остался ночевать. Дулъ сильный, холодный вѣтеръ, дождевыя облака быстро неслись надъ темными горами, ночь была черна и печальна, улицы пусты, фонари слабо мерцали и колебались отъ вѣтру.

Носильщикъ, съ моимъ чемоданомъ, въ темнотѣ ночи, ведетъ меня по какимъ-то мрачнымъ, вонючимъ, безмолвнымъ переходамъ со сводами, которые послѣ оказались

аркадами лавокъ въ родѣ нашего гостинаго двора. Хорошенькая горничная повела меня вверхъ, свѣтя сальной свѣчей, по ужаснѣйшей, узкой и грязной лѣстницѣ и открыла мнѣ комнату, сильно пахнущую газомъ, мрачную и низкую. Но дѣлать нечего. Ночь. Никому не порекомендую останавливаться въ Hotel de Berne. Горничная вертится, болтаетъ и неуходитъ... Ночью проснулся отъ невыносимаго запаха въ совершенномъ мракѣ. Зажегъ свѣчу и тотчасъ потушилъ. Въ комнатѣ оказался сломанный газовый рожокъ. Скорѣй открылъ окно. Ночь темная, холодная стояла надъ городомъ — воздухъ съ задняго двора...

Утромъ, до поѣзда, обошелъ красивый городъ. Въ 1789 г. докторъ Регнеръ разсказывалъ нашему исторіографу, который на улицѣ увидѣлъ живого привязаннаго медвѣдя, что Бернцы всегда держатъ медвѣдя, ибо онъ— гербъ Кантона; что имя Бернъ произошло отъ слова Беръ (медвѣдь); что герцогъ Церингскій, начавъ строить городъ, поѣхалъ на ловлю и положилъ назвать его именемъ перваго застрѣленнаго звѣря, и затравилъ медвѣдя.

Улицы широки и чисты; дома, какъ и вездѣ въ Швейцаріи, однообразно-четырехъугольны, бѣлы, безформенно-одинаковы. У Мюнстера (собора) прекрасная чистая терраса, вся покрытая тѣнью густыхъ старыхъ каштановъ. Еще нашъ Карамзинъ восхищался этою террасою. Теперь

видъ ея иной. Кругомъ много новыхъ домовъ, бронзовый высокій памятникъ Бертольда Церингскаго, основателя Берна и, главное, стройная линія желѣзнодорожнаго моста черезъ Ааръ. Мостъ очень оригинальный. Сверху идутъ поѣзды, а подъ ними какъ бы желѣзный ящикъ во во всю длину моста и въ этомъ ящикѣ ходятъ и ѣздятъ съ одного берега на другой. Вотъ чудо современности, объ которомъ Кармзинъ не имѣлъ даже представленія... Все мѣняется — одни вѣковѣчныя горы тянутся своими великими снѣжными вершинами, блистаютъ неподвижнымъ розовымъ блескомъ, въ дыму голубаго тумана, такъ же, какъ и сто лѣтъ назадъ, да глубоко внизу, неизмѣнный, съ шумомъ, мчится синій Ааръ подъ обрывомъ террасы. Глубину этого обрыва Карамзинъ полагаетъ въ 700 футовъ, но мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ меньше. Обрывъ не глубокъ, особенно послѣ тѣхъ обрывовъ, которые привелось мнѣ видѣть нѣсколько позже, въ горахъ. Ааръ бѣжитъ стремительно, и ярко блеститъ внизу на солнцѣ. Шумъ и пѣна. Уже по этому сильному и быстрому теченію рѣкъ видишь, что находишься въ горной странѣ.

На дорожкахъ террассы все чисто и подметено, какъ передъ пріѣздомъ ревизора въ какомъ нибудь казенномъ русскомъ саду. Но у Швейцарцевъ есть свои ревизоры— путешественники, которые за все это хорошо платятъ.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣлая страна обратилась въ одну огромную гостинницу для путешественниковъ; цѣлая страна живетъ пріѣздомъ и отъѣздомъ туристовъ. Цѣлая страна обратилась въ страну кельнеровъ, содержателей гостинницъ, проводниковъ по горамъ; товаръ, который они продаютъ дорогою цѣною — это ихъ картинная природа и могучій воздухъ горъ. И конечно, нигдѣ торговля природою не доведена до такого страннаго совершенства.

Въ самомъ дѣлѣ — что же такое — Швейцарія? Было-ли тутъ что нибудь, напримѣръ похожее на единое общее правленіе, выражающее духъ и смыслъ единаго народа? Каждый кантонъ всегда имѣлъ образъ правленія и, чѣмъ дальше идти въ глубину вѣковъ, тѣмъ больше было между ними розни. Гдѣ демократическое правленіе, гдѣ аристократическое, гдѣ смѣшанное... Стѣны горъ, угрюмо подымаясь къ небу, дѣлили интересы и отвращали сердца людей другъ отъ друга. Грозная и угрожающая природа наполняла ихъ чувствами противленія и угрюмаго желанія отдѣльности и независимости. Сколько различныхъ конституцій принято Швейцаріей хоть съ 1798 года? То было броженіе буйныхъ тревожныхъ страстей. Наступилъ 1803 годъ. По «Акту посредничества» Швейцарія была раздѣлена на 19 кантоновъ и каждому предоставлено собственное правленіе. Но и тутъ разные округи и города возстали строптиво противъ этого возвращенія къ древ-

ней отдѣльности, предъявляя нѣкоторыя особыя, съ тѣхъ поръ пріобрѣтенныя права и привилегіи, отъ которыхъ никакъ не хотѣли отказаться. Кромѣ того гордыня старыхъ кантоновъ потребовала непремѣннаго и полнаго возстановленія подчиненности кантоновъ завоеванныхъ.

Всего 11 лѣтъ держался «Актъ Посредничества». Собраніями депутатовъ были всѣ недовольны. 7 Августа 1815 г. составленъ былъ «Актъ Федеральный». Этотъ актъ опредѣлилъ съ большею точностью взаимныя отношенія кантоновъ, опредѣлилъ число войска и суммы денежныхъ взносовъ .. Но внѣшнія формы не измѣнили и не могутъ никогда измѣнить сущности: кантоны всегда будутъ управляться отдѣльно. Толкуютъ объ этой безцвѣтной, неодушевленной свободѣ. Можетъ-ли чувствовать себя сильнымъ и свободнымъ гражданинъ государства, состоящаго изъ двухъ десятковъ областей, совершенно различныхъ по вѣроисповѣдованію, характеру и образу жизни? Ихъ взаимное отношеніе, связь всего этого тѣла— состоитъ въ обязанности поставлять извѣстное число солдатъ и денегъ. Соревнованіе въ хватаніи туристовъ и пользованіи ими привело эти города — гостинницы къ завистн, соперничеству, недоброжелательству. Можетъ-ли быть тутъ какая нибудь рѣчь о нравственной связи? И вотъ эти люди безъ отечества въ широкомъ смыслѣ — вѣчно нанимались и нанимаются служить кому и чему

угодно. Значеніе слова Швейцаръ — получило какой-то постыдный смысль для націи...

Въ Бернскомъ воксалѣ опять такая гибель народу, что протолкаться нельзя. Очень часто слышишь вырвавшіяся нечаянно гдѣ нибудь русскія слова и непремѣнно оглянешься въ ту сторону. Многіе тащутъ съ собою сапоги съ острыми гвоздями и тѣ, всѣмъ извѣстныя, длинныя палки съ желѣзными остріями и вызженными кругомъ надписями—это значить собираются путешествовать пѣшкомъ на Монбланъ и Монтанверъ. Крикъ, шумъ, расхаживанье по вагонамъ. Противъ меня очутилось нѣмецкое семейство; прехорошенькая дочка — дѣвушка съ великолѣпными рыжими волосами и темными, большими глазами — что очень эффектно и что въ первый разъ привелось въ жизни видѣть. Шумъ, движеніе и разговоры въ вагонѣ. Незамѣтно мелкнули Фрейбергъ, Ромонъ...

За двѣ станціи до Лозанны поѣздъ мелькалъ, мелькалъ между горъ и долинъ, гремѣлъ въ темномъ, длинномъ туннелѣ и, вдругъ выѣхавъ изъ мрака на свѣтъ яснаго дня, сдѣлалъ поворотъ... Красавица въ восхищеніи только всплеснула ручками, всѣ обернулись, высунулись въ окно...

Развернулась широкая, удивительная картина сверкаю-

щей равнины Женевскаго озера, въ голубой рамѣ огромныхъ знаменитыхъ горъ...

-- Глядите! Вѣдь это Монбланъ, это Монбланъ, повторяла только, какъ бы растерявшаяся отъ восторга, красавица.

— Nun, was hast du da? — строго и сухо замѣтила ей мама, поднимая очки отъ своего чулка.

А передъ нами между тѣмъ тянулись гористые берега. И всѣ они сплошь покрыты самыми густыми зелеными виноградниками. Только змѣятся по горамъ, между ними, низенькія, каменныя стѣнки и песчаныя дорожки. Скатерть озера величаво колыхалась, голубовато-зеленая, ясная и тихая; лодочки чуть видными точками мелькали вдали; чудною свѣжестью вѣяло на насъ съ далекихъ, прозрачно-лиловыхъ, ясныхъ горъ...

— Какая прелесть! невольно вырвалось у меня по русски и какой-то господинъ, рядомъ, все время тихо говорившій съ своей дамой, вдругъ обернулся.

— Ахъ; вы русскій!...

Затѣмъ завязался разговоръ и любезный сосѣдъ мой познакомилъ меня съ молодой дамой — своей женой. Знакомство это заносится мною, какъ одно изъ пріятнѣйшихъ случаевъ моего пути. Если бы чаще встрѣчать такихъ русскихъ за границей — было бы отрадно...

Дорога до самой Женевы отъ Лозанны идетъ по чу-

деснымъ мѣстамъ и все время по берегу Женевскаго озера, то приближаясь, то удаляясь, но всегда въ виду озера. Мелькаютъ деревеньки, виноградники, городки, плодовыя деревья, — все кажется съ такимъ избыткомъ излилось на эту счастливую страну, а между тѣмъ — есть и оборотная сторона медали.

Во первыхъ, кромѣ береговъ озера, грунтъ земли кантона далеко не изъ лучшихъ и требуетъ усиленныхъ удобреній *), едва ли не бо́льшихъ чѣмъ въ нашихъ русскихъ губерніяхъ средней полосы. Притомъ на пространствѣ $5^1/_2$ кв. геогр. миль, здѣсь тѣснится болѣе 80,000 человѣкъ. Изъ этого числа исключивъ жителей собственно Женевы, придется на 30,000 всего 45,000 позъ **) пахатной земли. Что сказали бы объ этомъ «надѣлѣ» наши мудрые описатели быта русскихъ рабочихъ, утверждающіе, что гдѣ то въ какой-то губерніи всего приходится будто бы по одной десятинѣ на душу... ***) Сказаннымъ количествомъ земли жить было бы невозможно Женевцамъ; но картофель отчасти замѣняетъ хлѣбъ, а пріѣзжающіе изъ всѣхъ странъ міра, туристы, такъ сыплютъ деньгами, что этимъ вознаграждается недостающее. Но какое странное основаніе народнаго благосостоянія и какое невѣрное!

---

*) Genéve. Les environs q. 1863 г. 112.

**) *Поза*—25,000 кв. футовъ.

***) Флеровск. полож. раб. класса Спб. 1869.

Мода по Женевѣ можетъ пройти, туристы почему нибудь выберутъ, для поѣздокъ и житья, другое живописное мѣсто... А частныя волненія рабочихъ и населенія указываютъ на какое то, пока глухое и не вполнѣ выясненное безпокойство и недовольство...

Вотъ, наконецъ, замелькали бѣлые дома Женевы, среди зелени. Со стороны, съ которой мы подъѣзжаемъ, городъ не имѣетъ особенно краснваго вида. Однообразіе бѣлыхъ домовъ, отсутствіе церквей, которыя такъ освѣщаютъ русскіе города (здѣсь ихъ не отличишь ни по какимъ признакамъ издали), все это производитъ монотонное впечатлѣніе... И самый городъ, своею странною жизнью, несмотря на прелестную мѣстность и близкихъ людей, съ которыми я здѣсь проводилъ время, оставилъ по себѣ какое то тягостное, воспоминаніе.

Швейцарія вообще не можетъ похвалиться ровнымъ климатомъ. Все время моего пребыванія тамъ, холодъ былъ и рѣзокъ и очень ощутителенъ, даже въ ясные дни. Переходы отъ жара къ холоду бывали въ иные дни невыносимы. Сѣверному вѣтру служатъ преградой снѣжныя горы, а южный, проходя также области вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ, вѣетъ сыростью и холодомъ.

Случается, что вдругъ, временемъ, снѣгъ панесетъ на

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растительность совершенно весенняя. Снѣгъ — рядомъ съ распускающимися альпійскими розами!... Этимъ можно, пожалуй, тоже восхищаться... Въ нѣкоторыхъ долинахъ, говорятъ, жители не видятъ зимою солнца, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль — такія горы, своими туманами и вершинами, окружаютъ ихъ.

Еще есть страшный признакъ крайне-нездороваго климата нѣкоторыхъ мѣстностей Швейцаріи. Это множество несчастныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Кретиновъ». Городъ Мартиньи особенно пользуется въ этомъ отношеніи мрачною извѣстностью. Еще съ деревни Орсьеръ начинаются желтыя, нездоровыя лица; выше попадаются уже зоба, а въ самомъ Мартиньи, къ зобамъ и малорослости присоединяется полнѣйшее безсмыслiе. Эта таинственная, ужасная болѣзнь конечно имѣетъ разныя степени. Начиная съ простого безобразія и тупоумія, она доходитъ до полнаго безсмыслія и нѣмоты и даже до того, что люди въ инстинктахъ уступаютъ животнымъ, и повидимому не имѣютъ или не могутъ выражать никакихъ желаній!... Изслѣдованія этой болѣзни привели къ совершенному разногласію и къ безсилію передъ нею ума и науки.... Въ Женевѣ я видѣлъ одного Кретина: никогда не забуду я это крошечное, несчастное существо, мотающее своей толстой, безобразной, огромной головой, въ какихъ то буграхъ, и этого дрябляго, морщи-

нистаго лица, съ обвислымъ зобомъ, нечеловѣчески-вращающаго косыми, зелеными глазами...

Августа 14-го (4). Женева. Я говорилъ прежде, какъ ѣдучи въ вагонѣ съ русскими сосѣдями забываешь, что находишься въ чуждой странѣ. Еще болѣе неудобно, для близкаго знакомства съ мѣстомъ, когда въ этомъ мѣстѣ встрѣчаешь человѣка близкаго и дорогого, котораго давно не видѣлъ: значитъ много есть что поразсказать и передать объ родной жизни, объ общихъ интересахъ. Больше *живешь* самъ, чѣмъ *видишь* или наблюдаешь. Это со мною и случилось въ Женевѣ... Просто наслаждаешься чудной картиной окружающаго, стараясь не замѣчать или забывать эту напримѣръ грубость, тотчасъ нагло проявляющуюся при неудавшемся разсчетѣ на нашъ карманъ; эту дороговизну, (изъ самыхъ замѣтныхъ въ Европѣ) эти безчисленныя ловушки, приготовленныя вамъ на каждомъ шагу, въ видѣ небрежно разставленныхъ на берегу стульевъ или красивыхъ лодочекъ съ добродушно улыбающимися поселянами, готовыми васъ покатать. Вы довѣрчиво садитесь на этотъ стулъ, проѣзжаетесь на этой лодочкѣ и, если — Боже васъ сохрани — начинаете торговаться,— лицо добродушнаго поселянина зеленѣетъ, дѣлается злымъ и грубымъ, рѣчь его звучитъ рѣзко и отрывисто, онъ наизусть знаетъ высокія Женевскія таксы и... и отдайте

ему скорѣй, что онъ требуетъ за стулъ и за лодку, и скорѣе идите прочь... Опять же здѣсь нѣтъ рѣшительно уже ничего, кромѣ чудной природы. Въ городѣ нѣтъ ни гуляній ни концертовъ, ни галлерей; нѣтъ даже теперь спектаклей... Но мѣстность — озеро, горы, рѣка — удивительна. Голубая, чудесная Рона мчится шумя, черезъ весь городъ. Такой рѣки, прозрачной до дна, ярко-голубой, такой свѣжей, чистой воды, я думаю, больше уже въ жизнь никогда не увижу. Цвѣтъ озера разныя лица послѣ всегда опредѣляютъ нѣсколько различно, смотря, вѣроятно, потому, въ какую пору дня запечатлѣлась въ воображеніи каждаго картина этого прелестнаго озера. Мнѣ теперь представляется оно голубымъ, съ едва различаемымъ изумруднымъ оттѣнкомъ, и съ опрокинутыми въ немъ далекими лилово-зелеными берегами... Что́ за вечера, что́ за утра́ на озерѣ!...

Монблавъ сіяетъ впереди,
Какъ царь, вѣнчанною главою,
И сѣномъ кошенныхъ луговъ
Съ роскошныхъ вѣетъ береговъ
По-надъ волною голубою.

И утра лучь и блескъ вездѣ,
На чемъ ни остановишь взоры.
И опрокинулись въ водѣ

Въ туманахъ дремлющія горы:
И очеркъ дачъ, садовъ большихъ
И виноградниковъ густыхъ
На нихъ едва-едва означенъ...

Среди самаго озера можно различить полосу Ронской воды, быстро бѣгущей въ городъ. То вода, повторяю, какъ небо лазурная, и прозрачная, какъ хрусталъ. Купанье въ Ронѣ — наслажденіе.

Женеву надо видѣть съ озера. По красивой набережной съ обѣихъ сторонъ тянутся, среди зелени, высокіе бѣлые дома. За стройною линіею моста des Bergues зеленѣетъ купа деревьевъ островка Руссо. Въ ясномъ вечернемъ воздухѣ недвижно стоятъ дальніе сады по берегамъ и дома—и все это опрокинулось въ озерѣ. Лодка ваша едва качается на прозрачныхъ волнахъ, все тихо—только издали слышно какъ гремятъ колеса кабріолетовъ и колясокъ, неутомимо катающихся англичанъ, да неугомонная Рона съ шумомъ катитъ свои голубыя хрустальныя волны. По набережной передъ великолѣпнымъ и безумно-дорогимъ отелемъ bes Bergues толпы гуляющихъ. Зеленыя жалузи оконъ въ отелѣ приподняты. За ними слышны тихіе разговоры, смѣхъ... Молодые англичане верхами на своихъ тонкошеихъ, подтянутыхъ кровныхъ коняхъ скачутъ по мосту...

Это—городъ англичанъ. Они особенно любятъ жить здѣсь. Когда Наполеона спросили почему онъ не заѣхалъ въ Женеву, онъ отвѣтилъ, что не довольно хорошо говоритъ по англійски. Они сорятъ деньгами не меньше

нашихъ «заграничниковъ» и не съ бо́льшимъ толкомъ. Примѣчу здѣсь еще особенность нашихъ туристовъ: нѣсколькихъ встрѣчалъ я, которые положительно не умѣли считать мѣстныя деньги (къ чему весьма легко примѣниться въ день, въ два). Они просто раскрывали кошелекъ и подавали кёльнеру, и на моихъ глазахъ (напримѣръ въ Мюнхенѣ) кельнеръ иногда бралъ сколько вздумается. *) Вѣрьте ихъ разсказамъ о заграничной жизни!

Всѣ удовольствія Женевы заключаются въ прогулкахъ, въ поѣздкихъ на горы, въ катаньи на лодкѣ, да, пожалуй, въ посѣщеніи знаменитаго Фернейскаго замка. Но объ этомъ писано въ русской литературѣ (напримѣръ весьма интересный разсказъ А. П. Милюкова), и повторять всего этого нѣтъ надобности...

Поѣздка въ горы мнѣ кажется потеряла всю занимательность своихъ прежнихъ трудностей, неожиданностей и дикой прелести самой исключительности своей. Теперь она обратилась въ какую то пошлость. Еще не такъ давно на набережную Роны, говорятъ, выѣзжали дилижансы разныхъ владѣльцевъ, отправлявшіеся въ Шамуни, подкарауливали на углахъ пассажировъ, какъ до-

---

*) Въ предупрежденіе возраженія, какъ честенъ этотъ нарсдъ. что можно ему довѣриться,—прибавлю что кельнеръ положительно оба раза *бралъ лишнее.* Замѣтить это публично конечно никому не было охоты...

бычу, перенимали другъ у друга, обманывали часами отъ ѣзда... Изъ этого выходили, конечно, непріятности. Теперь все это соединилось въ одну компанію, которая на томъ берегу Роны завела контору дилижансовъ.

Здѣсь вы справляетесь у конторщика о времени отъѣзда дилижансовъ. На столѣ лежитъ большая карта и брошюра съ подробнѣйшимъ описаніемъ всего восхожденія. Отмѣчены линіи тропинокъ, написано гдѣ вы должны держаться за проводника, гдѣ остановиться, гдѣ опасное, гдѣ живописное мѣсто... «Почему же это можетъ мѣшать—это ужь, наконецъ, странно—да вѣдь такъ гораздо удобнѣе!» Я такъ и слышу это выраженіе... Пусть будетъ и такъ!.. Вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ восхожденія, вы узнаете и таксу на каждую мельчайшую подробность этого удовольствія. Такса очень высока. Но здѣсь, говорятъ, такъ грабили, что путешественники возмутились, объявляя, что хотятъ по крайней мѣрѣ знать сколько съ нихъ возьмутъ, чтобы разсчитать впередъ.

Августа 15-го (5). Съ семействомъ англичанъ и двумя нѣмцами тронулись мы въ Шамуни. Былъ довольно сѣрый день и туманъ застилалъ окрестности. Вотъ деревня Шенъ и мостъ. По ту сторону моста уже Савойя. Въ туманѣ вырисовываются три высокія, нахмуренныя вершины. Есть что то тѣснящее сердце въ этомъ зрѣ-

лищѣ: изъ густого тумана вдругъ выдвигается, какъ то угрожающе, эта угрюмая, возносящаяся къ небу громада. Мы проѣхали мимо пещеры Бальмъ, гдѣ въ пропасть кидаютъ камни (прежде даже разрывные снаряды) и при паденіи они издаютъ необыкновенный звукъ. Въ красивой гостинницѣ Belle-vue мы завтракали и любовались на сѣдой Монбланъ, уже видный ясно здѣсь. Отсюда пѣшкомъ пошли мы по узкой, но ровной дорогѣ, между двумя рядами отвѣсныхъ скалъ. За однимъ поворотомъ вдругъ раздался рѣзкій звукъ альпійскаго рога, эхо котораго перекатилось по горамъ—нѣмцы попятились. А изъ за поворота вышелъ мальчикъ, въ какой то полутеатральной, полу-пастушеской одеждѣ, съ посохомъ, и, жалко улыбаясь, протянулъ вамъ руку. Онъ видите ли «представляетъ» альпійскаго пастушка. Одинъ нѣмецъ далъ ему что то, должно быть мало, и пастушокъ настойчиво протянулъ руку опять.

Долина Шамуни лежитъ очень высоко—почти на $2^1/_2$ тыс. футовъ выше Женевы. Лѣтъ 120 назадъ она совсѣмъ не была извѣстна. Сообщенія съ нею были невозможны. Полудикіе жители Шамуни спускались съ далекихъ вершинъ для покупки необходимыхъ припасовъ, имъ однимъ извѣстными тропинками, которыхъ они никому не открывали. Первые проникли сюда конечно неизбѣжные англичане съ проводниками: путь былъ открытъ, но

очень обрывистъ и опасенъ. Съ тѣхъ поръ его постоянно исправляютъ и улучшаютъ, и теперь онъ конечно можетъ назваться обыкновенной, и довольно удобной горной дорогой. Въ 1760 г. де-Соссюру негдѣ еще было остановиться. Была еще одна опасность: на путешественниковъ нападали шайки, грабили и даже сталкивали въ пропасть. Теперь этого конечно нѣтъ. Тѣ же разбойники не сдѣлались-ли кельнерами и содержателями гостинницъ, (которыхъ здѣсь теперь довольно) и грабятъ васъ по таксѣ, что конечно пріятнѣе. Всего, впрочемъ, означить въ таксѣ невозможно, и за неозначенное съ васъ возмутъ неизвѣстно еще сколько. Вообще эти путешествія, хотя значительно подешевѣвшія, до сихъ поръ еще очень дороги. Лошадямъ, муламъ и проводникамъ заведена очередь—а то, говорятъ, доходило до серьезныхъ непріятностей.

Теперь, разумѣется, исчезли всѣ признаки прямодушія, честности жителей Шамуни, о которыхъ много говорили прежніе путешественники. Хотя черты этой честности весьма странныя. Бродель (1783 г.) *) разсказываетъ напримѣръ, что однажды два крестьянина должны были явиться въ судъ по тяжбѣ и защищать свое право. Одинъ изъ нихъ не имѣлъ времени и—довѣрилъ своему

*) Lettres Helvet. 1801 p. 112.

сопернику говорить за себя (!!) Тотъ, защитивъ себя, по довѣренности, «съ тою же добросовѣстностью, (съ восторгомъ говоритъ Бродель), защищалъ права соперника.» Что это такое?!.

Для полноты картины Шамуни, мы встрѣтили и разбойника. На одномъ поворотѣ тропинки, вдругъ передъ нами всталъ высокій, красивый старикъ съ длинной сѣдой бородой, одѣтый въ широкій плащъ и, злобно нахмуривъ брови подъ надвинутой шляпой съ перомъ, схватился за широкій ножъ. Англичанка вскрикнула, а старикъ, жалостно улыбаясь и снимая шляпу протянулъ руку. Это онъ представляетъ альпійскаго разбойника, торгуя своей фигурой. Потомъ, когда мы удалились, онъ мирно сосчиталъ деньги и, зѣвнувъ, началъ складывать свои ножи, пистолеты и плащъ въ большой мѣшокъ до новаго представленія...

Мы раздѣлились и должны были взять отдѣльныхъ проводниковъ до Монтанвера. Лошадь моя, настороживъ уши, ступала такъ пугливо, напряженно и осторожно по извилистой крутизнѣ ската, проводникъ такъ внимательно пробовалъ палкой тропинку и оглядывался на меня, что рука невольно крѣпче сжимала поводъ. «Не трогайте ее, она знаетъ что дѣлаетъ», замѣтилъ мнѣ проводникъ, стуча своими толстыми подошвами съ гвоздями

по камнямъ и поправляя свою шляпу съ перомъ. Впереди высились въ облачномъ небѣ ужасныя хмурыя темно-лиловыя громады въ дымкѣ тумановъ, и доселѣ памятны мнѣ важныя, великія вершины безмолвнаго Монблана. Я задержалъ поводья и молча остановился. Какъ ничтоженъ здѣсь человѣкъ со всею своею гордостью, властолюбіемъ, здѣсь, среди этихъ, казалось готовыхъ обрушиться, висящихъ надъ головой скалъ и громадъ!.. Я взглянулъ внизъ... Тамъ, чуть видно, змѣилась, какъ ручей, Арва и точками виднѣлись домики Шамуни съ кустиками, деревьями, а прямо подъ ногами шелъ обрывъ, казалось безконечный...

— Стойте, что́ съ вами? говоритъ подбѣгая проводникъ.

Трудно дышалось въ холодномъ, рѣдкомъ воздухѣ горъ непривычной груди. Голова кружилась сильно.

— Вы глядите только на меня, да на лошадь, не глядите кругомъ, а то можетъ сдѣлаться «альпійскій обморокъ».

— Это что еще такое!

— Ничего! Снѣгомъ надо тереть голову, потомъ выпить и все пройдетъ...

Но съ меня довольно. Не стоило ѣхать выше чтобъ видѣть только спину проводника и голову лошади... Еще, въ тѣни зеленаго, густаго горнаго лѣса, по каменистой тропинкѣ, поднялись мы нѣсколько къ Монтанверу и вер-

нулись. Издали видѣлъ я эту печальную, окруженную безплодными, черными скалами, сжимающую сердце и наводящую отчаяніе массу вѣчнаго льда и снѣгу. То «Ледяное Море». Насъ, снѣжныхъ жителей, оно бы не могло поразить, если бы не этотъ рѣдкій, горный воздухъ, полное безмолвіе могилы, и полное отсутствіе признаковъ жизни кругомъ. Это истинная «долина смерти»...

Есть охотники подыматься и на самый Монбланъ. Это очень опасно, трудно, и стоитъ огромныхъ издержекъ. Подъемъ на вершину Монблана всегда служилъ цѣлью честолюбія проводниковъ, и никому это не удавалось. Но въ августѣ 1786 г., заблудившись случайно, проводникъ Жакъ Бальматъ пришелъ очень близко къ вершинѣ. Докторъ Пакардъ также поднялся туда по открытой Бальматомъ дорогѣ и пробылъ тамъ около сутокъ. Соссюръ далъ Бальмату сумму, назначенную имъ тому, кто первый взойдетъ на Монбланъ, и самъ за нимъ пошелъ туда же. Когда въ Шамуни увидѣли его съ людьми (несшими физическіе инструменты) на снѣжной вершинѣ горы, стали бить въ барабаны, стрѣлять и звонить въ колокола. Два дня шли они до вершины, и на третій день въ 11 час. достигли ёя. Сильно разрѣженный воздухъ такъ ихъ ослабилъ, что сойдя внизъ они имѣли видъ только что вынесшихъ трудную болѣзнь.

Съ тѣхъ поръ ежегодно находится хоть одинъ смѣльчакъ (большею частью изъ англичанъ), который рѣшается подняться на вершину. Въ 1825 г. поднимались Шервиль и Кларкъ, въ 1843 г. докторъ Ординеръ, въ 1855 году, въ августѣ, англичанинъ Гартингъ, воротившійся ослѣпшимъ отъ снѣгу. Глаза его оправились, при медицинской помощи, едва черезъ недѣлю. Англичанка (мать семейства) воротилась съ Монблана совершенно ослабѣвшею и изнеможенною и умерла черезъ три дня... Разсказъ капитана Шервиля *) такъ интересенъ, что рѣшаюсь перевести изъ него нѣсколько строкъ.

«Черезъ разсѣлины Ледянаго моря, которымъ дна не было видно, пишетъ Шервиль, мы перебирались по мостикамъ, составленнымъ изъ нашихъ палокъ... Подъ палками зіяли бездны... Мы привязали себя одинъ къ другому веревкой... Къ 10 час. утра пришли мы къ «Большой долинѣ». Воздухъ былъ такъ рѣдокъ, что совсѣмъ нельзя было дышать свободно. Дыханіе сдѣлалось коротко и часто. Черезъ каждые 10 шаговъ мы останавливались и дышали поворачиваясь къ вѣтру... Неодолимый сонъ и слабость клонили насъ. Лучи солнца жгли голову невыносимо—ноги мерзли... Грудь раздиралась тоскою, нача-

---

*) Schwep St. G. 1868 p. 35.

лась мучительная тошнота и рвота. Морозный вѣтеръ обвѣвалъ насъ, глаза болѣли... Въ четвертомъ часу мы достигли вершины...

«Вершину невозможно измѣрить. Она продолговата и поката съ самой середины... Съ высоты 14,800 футовъ, конечно всѣ предметы измѣняются; ни одинъ ясно не представляется, глазъ видитъ только массы, разстоянія исчезаютъ... Никогда уединеніе нашихъ дольнихъ пустынь и лѣсовъ не можетъ дать понятія объ этой пустынѣ. Это ужасъ, доходящій до восторга...

«На возвратномъ пути насъ ждали новыя опасности... Спускаются съ снѣговыхъ горъ очень просто: садятся и катятся внизъ на доскѣ... Проводникъ направилъ меня и пустилъ... Въ ужасѣ глядѣлъ я въ пропасть, зіявшую справа,— но докатился благополучно... Отъ «большой долины» мы привязали себя одинъ къ другому веревками и спускались, становя ноги въ случайныя углубленія и трещины льда...»

Шервиль говоритъ, что все время, какъ былъ на вершинѣ, онъ ощущалъ нѣчто весьма странное, именно ему казалось, что онъ какъ бы не касается подошвами земли. Казалось ему, что можно провести лезвіе ножа между подошвами и поверхностью льда... Но восхожденіе Шервиля еще удачнѣйшее. Холодъ былъ на вершинѣ незначительный. Термометръ стоялъ только $^3/_4$ градуса ниже

точки замерзанія и Шервиль возвратился благополучно. Но насчитываютъ многихъ, наказанныхъ за свою дерзость смертью, и кто знаетъ, сколько безвѣстныхъ смѣльчаковъ замерзло во время горныхъ мятелей, сколько задавлено лавинами, сколько ихъ безслѣдно, какъ ничтожныя былинки, поглотили таинственныя пропасти и бездонныя разсѣлины великаго Монблана?..

ВЕЙМАРЪ.

(Тюрингейвальдъ).

.... Городъ Веймаръ, знаменитый Веймаръ, резиденція Великаго Герцога Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскаго, имѣетъ всего 12,000 жителей и 4 церкви, считая всѣ національности. Въ залѣ небольшой станціи ни толкотни, ни суматохи. Рыжій нѣмецъ—носильщикъ подхватилъ чемоданъ. Я пошелъ за нимъ, думая, что конечно, идетъ онъ въ какую нибудь гостинницу. Прямо передъ нами высилось изящное, прекрасное, хотя и небольшое, зданіе Новаго Музеума. Оно и теперь еще не достроено. А вотъ, по всѣмъ тихимъ, довольно пустымъ, улицамъ, идутъ аллеи не высокихъ деревьевъ. Небольшіе дома и кругóмъ вся спокойная, мирная жизнь маленькаго города. Встрѣчные ласково кланяются—это ужъ не по прусски. Вотъ хорошенькій, тѣнистый бульваръ на площади, дѣвушки идутъ съ портфелями изъ рисовальной академіи, дѣти, смирно разговаривая, спѣшатъ къ обѣду изъ школы, двое моло-

дыхъ людей, скромно одѣтые, курятъ сигары и гремитъ саблею (неизбѣжный теперь во всей Германіи), прусскій офицеръ, подымая плечи. Тамъ въ передней половинѣ комнаты навалены тюки, чемоданы—что это такое? А носильщикъ уже отправляетъ мой чемоданъ въ какое-то отверстіе и тамъ уже взвѣшиваютъ и кричатъ: Ein und drei... Что такое? «На почту». На какую почту? Назадъ!... А Нѣмецъ ухмыляется. Я, говоритъ думалъ, на почту. Такъ для меня на всегда осталось тайной, почему онъ такъ думалъ! Рядомъ въ Russische Hof, отыскалъ комнатку весьма недорогую.

Вездѣ пріятно быть не одному, среди чужихъ, и въ этомъ отношеніи мнѣ пока счастливилось. Еще В. А., рекомендовала мнѣ веймарскаго русскаго священника, и пообѣдавъ за общимъ столомъ, довольно плохо *), отправился отыскивать русскую церковь, зная, что она за библіотекой. Но вотъ и зданіе библіотеки, съ надписью, а креста православнаго не видно. Оказалось, что его и нѣтъ на православной церкви.

Я бы долго проискалъ, если бы впереди не услыхалъ звуковъ роднаго языка. По аллеѣ шли два человѣка въ

---

*) Обѣдъ состоялъ изъ мучнаго супа (съ черносливомъ), сосисокъ съ капустой, тонкаго, какъ листокъ, ломтика говядины, кусочка вареной рыбы и абрикосовъ, и стоилъ 14 Sig. Кромѣ того, когда я спросилъ пива, отвѣтили, что за обѣдомъ пить пива нельзя (?).

штатскомъ платьи и на одномъ сюртукъ былъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ бываетъ обыкновенно...

Отрекомендовался почтенному о. В. (который познакомилъ меня съ своимъ спутникомъ, отставнымъ полковникомъ Н.). Пошли мы далѣе по аллеямъ парка, который идетъ къ югу отъ дворца и площади, и довольно тѣнистъ и обширенъ. Вотъ весь въ зелени маленькій Gartenhaus —передъ нимъ по зеленому лугу течетъ свѣтлая Ильма. Когда Гёте разъ замѣтилъ, что славно бы имѣть такой домикъ, какъ Бертухъ, молодой герцогъ отнесся просто: Бертухъ, мнѣ нуженъ твой домъ—Гёте хочетъ жить въ немъ—что мнѣ дѣлать?—и взамѣнъ далъ Бертуху во владѣніе другой. Вотъ крошечный садикъ, гдѣ великимъ поэтомъ были произведены надъ жизнью растеній такія многозначительныя наблюденія... Извилистыя дорожки привели насъ въ маленькій воксалъ, гдѣ еженедѣльно бываютъ собранія: молодые люди танцуютъ, а почтенные пьютъ пиво, курятъ дешевыя сигары, женщины вяжутъ чулки. Говорятъ, назначено количество кружекъ пива, которое имѣетъ право выпить посѣтитель...

Пріятно видѣть какимъ уваженіемъ, между иностранцами, пользуется о. В., какъ съ нимъ всѣ охотно раскланиваются и говорятъ, называя его „Herr Probst“. Теперь, при увеличенныхъ штатахъ, онъ получаетъ столько же, сколько первый министръ въ Веймарѣ (2500 тал.).

Когда въ саду сдѣлалось достаточно сыро, о. В. любезно пригласилъ насъ въ свою прекрасную квартиру. Вообще онъ хвалитъ мирную тишину и дешевизну здѣшней жизни. Закусивъ, (по русски, въ поздній часъ, когда во всемъ Веймарѣ было уже темно) у гостепріимнаго хозяина, мы пріятно, какъ бы гдѣ нибудь дома, въ Россіи, провели вечеръ и потомъ разговаривая, дошли съ полковникомъ до отеля, по совершенно уже темнымъ и тихимъ улицамъ. Былъ всего 12-ый часъ. Старикъ спутникъ мой тоже хвалитъ здѣшнюю жизнь и ея удобства, но, полагаю, за такую темноту на улицахъ, какъ ругалъ онъ вѣроятно свой скромный, родной городъ!

Вернувшись, раскрылъ окно. Ночь была черная и тихая. Слышались разговоры. То жители выходили изъ домовъ на улицу и сидѣли на лавочкяхъ — патріархально! Намъ съ полковникомъ ни одного человѣка не попалось на встрѣчу. Фонари тушатъ въ извѣтный часъ (чуть ли не въ 10). Во времена Гёте и Карла Августа въ маленькомъ городкѣ не было ни мостовыхъ, ни фонарей. Уже въ 1859 г. посреди улицъ, въ такіе же темные вечера, мерцали только тусклые, масляные фонарики, на протянутыхъ черезъ улицу, веревкахъ.

Вотъ проѣхалъ въ темнотѣ почтовый омнибусъ. Безобразно играли на рожкахъ два почтальна, что то въ родѣ погребальнаго марша—точно кого нибудь хоронили. Но

вотъ и говоръ на улицахъ стихаетъ и всѣ двери запираются — полная тишина и темнота... Съ темнаго бульвара вѣетъ свѣжестью зелени...

Іюля 14 (26). Утромъ зашелъ ко мнѣ о. В. и я уговорилъ его показать мнѣ Веймаръ, который онъ отлично знаетъ.

На конномъ дворѣ на цѣлый день наняли старую, спокойную коляску, запряженную двумя вялыми лошадьми*), и съ полуспящимъ кучеромъ, Богъ знаетъ за чѣмъ хлопающимъ бичемъ. Обошлось это, съ Trinkgeld'ами, талера четыре.

Окрестности маленькаго Веймара прелестны. Вотъ по Marienstrasse, обставленной хорошенькими дачками (принадлежащими бывшимъ придворнымъ в. к. Марьи Павловны и строенными на ея деньги) доѣхали мы до старой, липовой, тѣнистой аллеи; вотъ и каштановая аллея —деревья обременены свѣтло-зелеными, иглистыми плодами. Запахъ очень похожъ на легкій запахъ нашей, русской, конопляной зелени. Вотъ рѣчка Ильма (въ ней водятся форели) свѣтлая, бѣжитъ по камнямъ. Извѣстный «Римскій Домикъ» бѣлый низенькій, прячется въ зелени. Ни одинъ путешественникъ не обойдетъ его мимо. И легко

---

*) Вялость и некрасивость лошадей замѣчается еще начиная въ Варшавы. Я конечно говорю объ общемъ впечатлѣніи.

было себѣ представить герцога Карла-Августа, полнаго нѣмца, въ широкомъ, простомъ сюртукѣ**) съ умнымъ и твердымъ, но грубымъ, высокомѣрнымъ выраженіемъ лица, и красиваго Гёте, котораго славой и изображеніями полонъ весь Веймаръ.—Легко было представить себѣ ихъ кутежи, — ихъ ночныя бесѣды, въ маленькомъ домикѣ, остроумныя, но большею частію, не совсѣмъ приличныя выходки герцога или смѣхъ и шутки его геніальнаго друга...

Вотъ и Бельведеръ. Недалеко отъ него отобѣдали въ дешевой гостинницѣ, съ плохимъ пивомъ и вызванный о. Вл. кастелянъ сталъ намъ показывать миніатюрный, не роскошный, но уютный, милый дворецъ съ маленькими, прохладными комнатками, въ которыхъ есть много изящныхъ вещей и уголковъ. Самое изящное и дорогое — все изъ Россіи. Когда нашъ Государь бываетъ въ Веймарѣ, онъ, говорятъ, любитъ останавливаться тутъ. Вотъ обыкновенно занимаемыя имъ комнатки, маленькія, но красивыя. Вотъ комната гдѣ скончалась в. к. Марья Павловна, букеты (изсохшіе и пыльные), которые ей подносили. Трогательно видѣтъ это религіозное вниманіе, съ которымъ Веймарцы сохраняютъ память своихъ великихъ лю-

---

**) Составитель біографіи Гёте, въ своемъ прекрасномъ произведеніи (Ж. Г. Спб. Т. I стр. 282) посвящаетъ цѣлую страницу описанію сходства Гёте съ герцогомъ. Но видя ихъ изображенія въ библіотекѣ, едва ли придетъ къ заключенію о сходствѣ.

дей и мирныхъ и добрыхъ властителей. Каждую вещь показываютъ, о каждой говорятъ... Въ Берлинѣ, идя разъ по улицѣ, случайно увидѣлъ я, на небольшомъ, чистенькомъ, двухъ этажномъ домикѣ, на мраморной доскѣ, крупную надпись: «Здѣсь жилъ Гумбольтъ». Гдѣ у насъ надпись: «здѣсъ (напримѣръ) жилъ Пушкинъ»? и многіе ли знаютъ домъ, гдѣ онъ жилъ? А между тѣмъ позорно подумать сколько безсмысленныхъ надругательствъ и нареканій раздавалось у насъ же, въ Россіи, противъ этого славнаго и дорогаго имени...

Такъ какъ я далъ гроша два лишнихъ, то кестеллянъ-старикъ, любезно повелъ насъ на верхъ, что не входитъ, кажется, въ его программу. Открылся предлестный видъ на опрятный, весь въ зелени, Веймаръ. Потомъ старикъ провелъ насъ въ паркъ, который террасами и уступами идетъ по горѣ, и въ которомъ много тѣни, деревьевъ и прохлады. Вотъ и оранжерея, теперь совсѣмъ пустая, но близь нее въ горшкахъ есть нѣсколько довольно рѣдкихъ растеній. Искали мы и извѣстныхъ пальмъ, но годъ назадъ тому они посохли и срублены.

Тутъ меня тронулъ одинъ маленькій эпизодъ. Подошедъ къ звѣринцу (Tiergarten) и увидѣвъ въ немъ только двухъ маленькихъ, грустныхъ фазановъ и несчастную запертую кошку, мы—мѣрящіе мѣрами русскими—невольно переглянулись. И, вѣрно привыкшій къ этому Нѣмецъ,

кротко улыбнувшись, замѣтилъ что, не много у нашего дорогаго герцога (nicht viel bei unsern Herzog) и это смиренное слово сдѣлало мнѣ милою и объяснило всю жизнь Веймара — такъ показалось мнѣ характеристично.

Въ самомъ дѣлѣ — въ жизни тихаго Веймара, есть что-то трогательное, ласковое. Насмѣшливый Теккерей, разсказывая, какъ онъ въ молодости былъ въ Веймарѣ, своему описанію придаетъ нѣсколько ироническій характеръ. «У герцога (замѣчаетъ онъ), была свита, главный штабъ, генералы и офицеры и — весьма вѣроятно — нѣсколько солдатъ»... Но полнымъ уже сочувствіемъ и уваженіемъ проникнуто его интересное письмо о Веймарѣ къ Льюису...

Веймарцы сознаютъ свое «nicht viel», но, по возможности, живутъ и любятъ свою родину. Эта заслуженная слава простаго, благороднаго герцога, продававшаго и закладывавшаго свои фамильные перстни, чтобы помочь какому-нибудь художнику. Эта дружба его съ Гёте, диктовавшая ему такія строки: «вашему сыну*) я нахожу одно мѣсто—моего друга. Всѣ другія считаю ниже его... Едва-ли у какого-нибудь великаго государства есть такое трогательное, сердечное прошедшее...

Мы посѣтили и Карла Августа. Въ сыромъ, темномъ

---

*) Письмо къ отцу Гёте, въ Іюнѣ 1776 г.

подземельи, скудно освѣщенномъ лампочкой, показалъ намъ привратникъ (за 5 грошей), ряды гробовъ, покрытыхъ засохшими вѣнками. Это Campo-Santo герцогской фамиліи. Тутъ покоятся великіе Гёте и Шиллеръ и, рядомъ съ ними, ихъ покровитель—Карлъ Августъ... Какое тяжелое чувство сжало мое сердце въ этомъ темномъ, безмолвномъ склепѣ Gruft'a, и какъ радъ я былъ выбраться на солнце яснаго, теплаго дня!...

Вотъ и новое кладбище. Оно все въ цвѣтахъ и въ зелени. И при насъ двѣ дѣвушки сажали свѣжіе цвѣты на чьей-то свѣжей могилѣ. О. В. справедливо замѣтилъ, что пріятно видѣть эту заботливость о могилахъ близкихъ людей и что все же это ближе къ намъ, чѣмъ бездушное и страшное киданіе людей въ землю, которое ему случалось видѣть въ Голландіи.

Мы зашли и въ православную церковь, построенную какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ схоронена В. К. Марья Павловна*). Церковь маленькая, но чистенькая и изящная. Цвѣтныя стекла, темные своды и отсутствіе живописи на стѣнахъ — все таки сильно напоминаютъ нѣчто

*) Супругъ В. Кн. Маріи Павловны похороненъ въ склепѣ со всѣми. Чтобы ей, православной, быть похороненной рядомъ съ нимъ, придумали слѣдующее: гробница Великой Княгини поставлена въ другомъ склепѣ, рядомъ съ стѣною, у которой гробница ея супруга. И прямо уже отъ этой стѣны начинается зданіе православной церкви, приходящейся такимъ образомъ надъ склепомъ Великой Княгини.

нерусское. Во время службы поютъ пѣвчіе—Нѣмцы по нотамъ и по складамъ русскія слова, написанныя для нихъ нѣмецкими буквами. Нѣмецъ—сторожъ (!) открылъ и показалъ намъ великолѣпные ковры, въ разное время пожертвованные въ церковь, разными царственными лицами. Русскіе дары опять таки лучшіе.

Дорога въ Эттерсбургъ одна изъ лучшихъ, какія мнѣ приводилось видѣть. Это лѣтнее мѣстопребываніе Великаго Герцога, съ садомъ, среди великолѣпной, чрезвычайно чисто содержимой дубовой и каштановой рощи, гдѣ водится довольно оленей. Когда мы проѣзжали ко дворцу мнѣ только издали удалось видѣть, проскакавшаго черезъ лужайку, оленя. Что это за легкое и граціозное животное! Нечего и говорить, что они всѣ на счету и за ними охотится только герцогъ и его царственные посѣтители. Дворецъ внутри не обширный, но красивый. Кастеллянъ подробно и добросовѣстно разсказывалъ все и описывалъ каждый предметъ и картину, водя насъ по всѣмъ этимъ портретнымъ и оружейнымъ галлереямъ. Въ охотничьей залѣ красиво развѣшаны трофеи охоты—оленьи рога.

Когда ѣхали назадъ, по той же старинной и тѣнистой аллеѣ, увидѣли возвышенный, зеленый холмикъ, называемый «Herdersruhe»,—гдѣ любилъ отдыхать и любо-

ваться окрестностью извѣстный Гердеръ. И это здѣсь помнятъ и укажутъ.

По дорогѣ къ замку, спутникъ мой раскланялся и назвалъ мнѣ двухъ людей значительныхъ... Вотъ первый здѣшній министръ—этотъ сгорбленный, сѣдой старичокъ, нюхающій табакъ, въ странной, старинной шляпѣ и старомъ гороховомъ сюртукѣ. Старшій же адъютантъ герцога, пожилой человѣкъ въ скромномъ и немодномъ, тоже статскомъ платьѣ, проѣхалъ въ коляскѣ на парѣ такихъ же, какъ наши, унылыхъ лошадей—вѣроятно придворный экипажъ...

Но замокъ Тифуртъ превзошелъ своими размѣрами всякое мое ожиданіе. Есть комнатки шириною и длиною не болѣе большаго комода. Когда мы вошли въ сѣни, въ нихъ сильно пахло жаренымъ кортофелемъ и кастелянъ съ засученными рукавами, и съ тарелкой этого нѣмецкаго лакомства, пробѣжалъ мимо насъ и потомъ вернулся, торопливо натягивая на себя сюртукъ. Въ открытое окошко просто несло навозомъ отъ маленькаго скотнаго двора, позади замка.

Это была любимая вилла веселой и живой принцессы Амаліи. Безпрестанно гостили въ этомъ замкѣ Шиллеръ и Гёте. Мѣстами вы попадаете въ цѣлый, очень странный лабиринтъ какихъ-то чуланчиковъ, въ которые ведутъ потайныя дверцы. Изъ окошечекъ этихъ комнатокъ

открываются мирные виды. Здѣсь вещицы и портреты принцессы. Вотъ маленькая, желтая комната, обвѣшанная сувенирами, картинками на полу-истлѣвшей бумагѣ, рисованными карандашемъ. Вотъ ландшафтъ рисованный самимъ Гёте. Здѣсь часто принимали великихъ поэтовъ... Играли на этихъ крошечныхъ клавикордахъ съ пожелтѣвшими, мелкими косточками, точно такихъ, какіе до сихъ поръ можно видѣть у насъ, въ Россіи, гдѣ нибудь, въ старомъ хламѣ, на чердакѣ заброшеннаго, помѣщичьяго дома. И картинки, и сувениры, и фарфоровыя пастушки, и аллегорическія собачки, и чувствительныя надписи — совершенно тѣже! И тотъ же запахъ нежилыхъ комнатъ и вѣяніе чего-то давнишняго, схороненнаго... Точно духи жившихъ здѣсь еще носятся въ этихъ полинялыхъ, крошечныхъ покояхъ... А какая тутъ кипѣла горячая жизнь! Какія искреннія слезы надъ страданіями Вертера, надъ горячею страницею благороднаго Шиллера! Но все прошло—мирно спятъ покойники, и современности не то надо, она живетъ инымъ!...

Паркъ прекрасный, и дороги по всему маленькому герцогству шоссейныя. Идутъ телѣжки, запряженныя собаками, вотъ цѣлые два большихъ воза съ сѣномъ, запряженные коровами, а вотъ и лошадьми—не лучше коровъ. Тянутся шоссе въ разныя стороны... Тамъ Іена — при одномъ этомъ имени сколько славныхъ именъ: Шел-

лингъ, Фихте, Гегель, Гумбольдъ... Въ ту сторону—Ильменау, въ эту—Эйзенахъ, Тюрнингенвальдъ... Да, Веймаръ окруженъ хорошо и Гёте, было чѣмъ удовлетвориться...

Долго ходили мы по тѣнистому парку и я долженъ былъ разсказать о. В. все, что видѣлъ теперь въ нашей закипающей жизни. И отсюда, очищенная отъ своихъ, часто грязныхъ, неизбѣжныхъ подробностей, картина эта и ясна, и полна значеніемъ... И русскій пастырь за границей отъ души перекрестился: «о, дай Господи! дай Господи!» Солнце заходило, тѣни дѣлались длиннѣе, и по чистой, ровной дорогѣ покатились мы въ городъ.

Іюля 14 (20) Новый Музеумъ, противъ станціи желѣзной дороги,—небольшой, но очень изящный. Онъ пока не богатъ, сравнительно, произведеніями искусствъ, но есть превосходныя вещи. Кромѣ нѣсколькихъ подлинниковъ, замѣчательны фрески современнаго, очень талантливаго профессора Преллера—«съ такой длинной, сѣдой бородой»—объяснилъ намъ нѣмецъ сторожъ. Фрески эти превосходно изображаютъ сцены изъ Одисеи. Есть прекрасныя вещи Шютца. Гипсовыя копіи разныхъ извѣстныхъ подлинниковъ, очень хороши. Но все это пока еще собирается и отстроивается. Даже маленькій Веймаръ нашелъ средства, возможность и, я думаю, разсчетъ, строить свой музей. Лишніе путешественники, лишнія

деньги въ городѣ, благо есть охотники... «Пусть кто хочетъ ѣдетъ къ намъ, мы ихъ всѣхъ примемъ, только бы везли денегъ побольше», говоритъ одинъ изъ обитателей маленькаго, нѣмецкаго городка въ новомъ романѣ Ауэрбаха. Туда ѣдутъ проживаться, а къ намъ въ Россію, какъ всѣмъ извѣстно, наживаться...

Дворецъ (ResidenzschIoss) внутри отдѣланъ довольно великолѣпно. По рекомендаціи о. В. комнаты показывалъ мнѣ высокій и почтенный старикъ кастеллянъ, служащій при дворцѣ съ незапамятныхъ временъ. Сначала не хотѣлъ онъ съ меня брать за показъ—однако взялъ. Присоединилось осматривать дворецъ нѣсколько Нѣмцевъ, которые снисходительно обращались ко мнѣ. Ну, хорошо, дескать, посмотрите нашъ дворецъ!

Водя насъ изъ комнаты въ комнату, старикъ, своимъ заученымъ тономъ говорилъ такъ добросовѣстно—подробно, что насъ русскихъ, понетерпѣливѣе, утомилъ ужасно. И все таки самое роскошное—все русскіе подарки. Онъ такъ часто говорилъ—«russisch», что Нѣмцы стали какъ то морщиться, особенно когда кастеллянъ заявилъ что короче, — все въ этомъ родѣ (то были массивныя, чрезвычайно дорогія вазы) и впредь будетъ русское. Наконецъ добрались до интересовавшихъ меня залъ, съ превосходными фресками Негера, Преллера и Юнгера — то сцены изъ поэмъ славы Веймара: поэтовъ Гёте, Шиллера, Ви-

ланда и Гердера. Не успѣваешь оглядѣть всего — мелькаютъ сцены, слова, воспоминанія... Вотъ открытое, полное жизни, лицо Гётевскаго Эгмонта, любимца народа... Вотъ юношески-чистое, ясно-мечтательное лицо Позы, вотъ задумчивое, измученное пыткой придворной жизни и пыткой страсти, лицо Карлоса. Вотъ Валленштейнъ говоритъ съ астрологомъ... А это—это онъ—Фаустъ! Лунная ночь, свиданіе, пѣсня, дуэль... Погребъ Ауэрбаха... Маргарита въ церкви съ молитвой на устахъ... А тутъ у двери Фаустъ и Вагнеръ идутъ—что за лицо! И какъ онъ подписываетъ свой договоръ!... Какая жажда жизни и огневая сила желанія!... Долго можно пробыть здѣсь!..

Но вотъ кастеллянъ, торжественно подводя насъ къ старой, дворцовой лѣстницѣ, разсказываетъ, какъ герцогиня Луиза здѣсь встрѣтила императора-завоевателя и просила за свой народъ и за мужа. Наполенъ—пощадилъ Веймаръ... Впечатлѣніе-ли произвела она на него? И что онъ думалъ, когда сказалъ Раппу: «voila une femme!...» —Кто это знать можетъ? Но тяжкое было для Веймара время! Утромъ 14 октября, занимаясь по обыкновенію, услыхалъ Гёте первые пушечные выстрѣлы. То была Іенская битва!... Къ полудню стихло—Гёте сѣлъ обѣдать. Но вотъ засвистѣли ядра надъ Веймаромъ... Былъ тихій и ясный, солнечный день. Веймарцы спрятались и среди мертвой тишины первые французскіе гусары показались на улицахъ...

Затѣмъ постой въ домѣ Гёте... Грабежъ и пожары, и всѣ ужасы нашествія, разразились надъ мирнымъ, маленькимъ городомъ...

Вотъ и чистенькій театръ, котораго директоромъ былъ когда то великій Гете. Теперь онъ конечно подновленъ и имѣетъ нѣсколько другой видъ. Интересно было побывать во времена Гете въ этомъ тѣсномъ партерѣ, наполненномъ Іенскими студентами, въ своеобразныхъ и смѣшновычурныхъ костюмехъ, и видѣть среди ихъ Гете, который, при слишкомъ сильныхъ выраженіяхъ неодобренія или восторга, вставалъ и грозилъ съ своего мѣста пальцемъ—и публика умолкала... Передъ театромъ бронзовыя статуи Гете и Шиллера, стоящихъ вмѣстѣ и держащихъ одинъ и тотъ же лавровый вѣнокъ... На площади Wilandsplatz высится статуя Виланда — всѣ эти статуи поставлены въ 1857 году...

Отсюда прошелъ я въ домикъ Шиллера. Но Шиллеръ занималъ въ немъ только верхъ. Поразительна бѣдность обстановки этого друга министровъ и герцоговъ. Карлъ Августъ платилъ Шиллеру ежегодную пенсію всего въ 200 талеровъ. Тутъ не разживешься. Да и не могъ герцогъ давать больше*).

*) У герцога армія состояла изъ 600 чел. пѣхоты и 50 гусаръ. У одного изъ Германскихъ государей (Графъ фонъ Лимбургъ Штиримъ) армія состояла вся изъ гусаръ: одного полковника, шести офицеровъ и двухъ рядовыхъ... (Л. Ж. Гете Т. I).

По деревянной, некрашеной лѣстницѣ, очень узкой, взбираетесь вы въ третій этажъ домика, и тамъ покажутъ вамъ самую маленькую угловую комнату съ маленькими окошечками, простымъ, письменнымъ столомъ и деревянными, грубыми стульями. Вотъ его быстрая и тревожная, красивая рукопись на тогдашней синей бумагѣ. Уже и здѣсь виденъ этотъ волнующійся, стремящійся поэтъ борьбы и свободы. Работалъ онъ всегда по ночамъ, возбужденно и безостановочно, и пилъ крѣпкій кофе и шампанское до утра. Вотъ въ простомъ крашеномъ шкапу его небольшая библіотека — вся изъ классиковъ и французскихъ книгъ. Извѣстно, что скромный и нравственный Шиллеръ восхищался книгой «Liaisons danjereuses». Такое было время. Вотъ старыя, треснувшія, маленькія клавикорды, съ черными косточками. Все это трогательно мало и бѣдно, и все это религіозно сохраняется и показывается. Посѣтители-нѣмцы даже ходятъ какъ-то и говорятъ тише, и осматриваютъ каждую, самую обыкновенную вещичку, ему принадлежащую. Но вотъ и простая, деревянная, грубо-окрашенная кровать, на которой онъ скончался. Въ головахъ поставленъ прекрасный рисунокъ—акварельный. Это портретъ уже мертваго поэта — многодумныя очи закрыты, блѣдное лицо спокойно и важно...

Въ другой комнаткѣ, заново отдѣланной, есть уже

предметы роскоши: то, приношенія славѣ Шиллера. Его бюстъ мраморный, отличной работы, золотой вѣнокъ... Вотъ хорошенькій, стеклянный шкапикъ, современной уже формы, наполненный его сочиненіями и переводами ихъ на разныхъ языкахъ, въ роскошныхъ переплетахъ. Нѣмецъ показалъ мнѣ и русскій переводъ, Гербелевскаго изданія. У входа цѣлый магазинчикъ съ вещами на память о Шиллерѣ и какъ то непріятно поражаетъ эта спекуляція (довольно навязчивая) славнымъ именемъ поэта... Вотъ фотографія съ небольшой картины «Гете въ Берлинѣ»: Король идетъ на встрѣчу герцогу, за которымъ видна высокая, прямая фигура Гете. Въ Маѣ 1778 года была поѣздка Карла Августа въ Берлинъ. Два властителя Германіи сошлись и—не понравились другъ другу*). Въ столицѣ оживленно шли военныя приготовленія и было не до нѣмецкой литературы, которую къ тому же «старый Фрицъ» и не цѣнилъ совсѣмъ. Гете упорно и загадочно молчалъ, но извѣстно какое презрѣніе вынесъ онъ къ Берлинскому двору, и не могла ему нравиться военно-оживленная дѣятельность, и не слишкомъ симпатичная личность великаго короля. Но конечно Гете понималъ, что тотъ дѣлалъ и любилъ свое отечество и скорбѣлъ о бѣдахъ раздробленной Германіи. Вотъ его

---

*) Ж. Г. Т. П.

превосходныя слова: «тяжелое чувство возбуждаетъ дума о Германскомъ народѣ. Я нахожу облегченіе только въ искусствѣ и наукѣ—но это утѣшеніе все таки скудно и не можетъ вознаградить за отсутствіе гордаго сознанія, что принадлежишь народу великому и сильному, котораго боятся и уважаютъ!»

Веймаръ живетъ, и полонъ пямятью о великихъ поэтахъ. Право, такъ и кажется иногда, что они живы... Домъ Гете его наслѣдники не показываютъ, потому что вышла, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятъ, исторія съ двумя неизбѣжными англійскими туристами, — которымъ все нужно. И тотъ и другой купили одно и то же перо Гете т. е. конечно одно поддѣльное, — и за большую, говорятъ, сумму. Потомъ, сойдясь и поспоривъ, они жаловались герцогу на обманъ. Лакей, продавшій перья, — смѣненъ; но такъ какъ трудно снять съ себя нѣкоторую тѣнь какъ бы участія въ этомъ, то наслѣдники Гете и рѣшили не пускать никого.

Чистыя, мощеныя улицы, много зелени и нѣкоторыя, довольно изящныя зданія, даютъ Веймару хорошій видъ, не отличающій его отъ всякаго красиваго, европейскаго города. Не то было во время Гете и Шиллера *) Городскія стѣны были еще цѣлы. Ворота имѣли опускныя

*) Veimar uud jen. T. S. 71.

желѣзныя рѣшотки и запоры, и строго охранялись. Каждый въѣзжающій и выѣзжающій заносилъ свое имя въ книгу. Не было мостовыхъ. Не было фонарей по ночамъ. Теперешняго дворца не начинали строить, и герцогъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, въ нѣсколько комнатокъ. Паркъ былъ еще пустыремъ, и до самаго Верхняго Веймара шелъ густой, старый лѣсъ...

РЕЙНЪ. КЕЛЬНСКІЙ СОБОРЪ.

(подневныя азмѣтки 1869).

.... Дорога идетъ по населенной и живописной мѣстности. Изъ Франкфурта сѣло въ вагонъ еще человѣка три нѣмцевъ, оказалось людей общительныхъ и разговорчивыхъ, что было мнѣ особенно пріятно. Эта поѣздка по берегу Рейна отъ Майнца до Кельна, которую многіе предпринимаютъ нарочно — не пропадетъ для меня, значитъ, даромъ. Въ этихъ случаяхъ очень важны живыя указанія. Вотъ и грозныя укрѣпленія Майнца. „Vater-Рейнъ—мутный и не очень широкій, гораздо уже, чѣмъ я ожидалъ, показался въ крутыхъ берегахъ. Вотъ и знаменитый Майнцкій мостъ, воспѣтый Гейне въ его извѣстномъ, странномъ стихотвореніи «Die alten bösen Lieder» Мостъ въ 1700 фут. длиною, на судахъ, соединяетъ городъ съ Кастелемъ или Касселемъ (предмѣстное укрѣпленіе).

Лѣсисты и угрюмы были эти берега, когда покрыли ихъ толпы желѣзныхъ римскихъ легіоновъ и воздухъ ог-

ласился грубыми, чуждыми голосами. Римляне, военная дорога, водопроводы—эти слова всегда въ сопоставленіи. Легіоны воздвигли здѣсь памятникъ гордому Друзу, основателю Майнца. И теперь еще показываютъ широкіе столбы водопроводовъ, свидѣтелей воинственной, исчезнувшей съ лица земли жизни.

Бульвары зеленѣютъ между темными и угрюмыми домами. Подвигаясь вверхъ изъ Женевы, рѣзко замѣчается, послѣ республиканской, четырехъугольной, безформенной простоты и бѣлизны домовъ городковъ Швейцарскихъ—какъ города дѣлаются характернѣе, темнѣе и угрюмѣе. Старые, высокіе дома, нахмуренные, какъ бы задумались—имъ есть о чемъ задуматься. Въ ихъ узкихъ улицахъ много пережилось и перекипѣло...

Города здѣсь скучены и сдвинуты по крѣпостному, а не такъ какъ въ Швейцаріи, гдѣ они по сельски разбросаны. Въ Женевѣ яркая бѣлизна домовъ, съ этимъ яснымъ воздухомъ и жаркимъ солнцемъ—невыносима въ безвѣтренные палящіе дни. Въ эти дни всѣ тамъ стараются переѣхать въ горы, на дачи а кто остается — адвокаты, служащіе—носятъ синіе очки, чтобы не испортить зрѣнія.

Но вниманіе. Отъ Майнца собственно начинаются тѣ знаменитые берега Рейна, на которые столько поколѣній разныхъ націй съѣзжаются смотрѣть. Вотъ Биб-

рихъ съ своимъ красивымъ герцогскимъ дворцомъ; Эльфельдъ съ готической церковкой и Іоганисбергъ (князя Меттерниха); едва-ли кому нибудь не звучитъ чѣмъ-то знакомымъ это слово, также какъ и живописный Рюдесгеймъ—по названіямъ знаменитыхъ винъ, которыя здѣсь дѣлаются. Я говорилъ уже, что виноградники некрасивы. На каменистой, безцвѣтной почвѣ береговыхъ горъ, раздѣленная перегородками, тянется на большія пространства эта рѣдко разсаженная, какъ бы огородная, низенькая зелень. Горы кругомъ такъ круты и такъ расположены, что только на себѣ могутъ люди носить виноградъ и нельзя въ телѣжкѣ или на лошади *) Но вотъ гора Рохусбергъ и наконецъ Бингенъ, противъ Рюдесгейма, откуда раскрывается, во всемъ своемъ разнообразіи, картина береговъ «Vater»-Рейна.

Но я столько наслышался объ этихъ берегахъ (а въ этихъ случаяхъ всегда Богъ знаетъ чего ожидаешь), что они не произвели на меня сразу большаго впечатлѣнія. Въ Рейнскіе виды затягиваешься, какъ и въ ясные, словно блѣдно-золотой утренній лучъ, рейнскія вина. Береговая гора за горою высилась, уходя вершинами въ туманы;

*) Іоганисбергъ былъ прежде бенедиктинскимъ аббатствомъ. Въ 1805 г. Наполеонъ подарилъ его маршалу Келерману. Прежде получалось до 80,000 фл. ежегоднаго дохода съ этого имѣнія. Въ хорошій годъ въ Рейнгау добывалось отъ 7 до 8 мил. бутылокъ вина. Говорятъ, теперь производство уменьшилось значительно.

горы сплошь забранныя виноградниками. Крутыя, живописныя и обстроенныя—мелькаютъ онѣ надъ бѣгущимъ желто-бѣлымъ Рейномъ, не очень широкимъ, съ частыми порогами. Вотъ пороги Bingenloch, считавшіеся очень опасными. Но прусское правительство занялось этимъ: взорвавъ скалы, прочистивъ русло, сдѣлало плаваніе совершенно безопаснымъ.

Поѣздъ все время шелъ на высотѣ широкаго горнаго берега, слѣдуя за всѣми изгибами рѣки, а по ту сторону, паралельно нашему, чуть видно, какъ черная змѣйка, бѣжалъ дымясь другой поѣздъ и посреди рѣки, пѣня воду подъ колесами, скользилъ длинный, голубой Дюссельдорфскій пароходъ, который съ нашей высоты казался маленькимъ. Хмурый и сѣрый день вдругъ разгулялся. Выглянуло солнце, радостно, вдругъ озарило всю великолѣпную картину. Съ парохода начали (чуть видно для насъ махать платками поѣздамъ и, вѣроятно, кричать, чего за стукомъ колесъ, конечно, не слышно. На право выдвинулся зеленый Нидервальдъ, старый, живописный Рейнштейнъ... Нельзя было вдоволь налюбоваться!

И все-таки еще разъ повторю: дивлюсь нашимъ русскимъ путешественникамъ. Слушая ихъ рейнскіе восторги и смотря эти безцвѣтныя фотографіи рейнскихъ береговъ, (для того, кто не видалъ Рейна, они не даютъ

ни малѣйшаго понятія), воображаешь себѣ во всякомъ случаѣ нѣчто гораздо лучшее. Берега Рейна живописны и великолѣпны: но ужели широкая, величавая картина Волжскихъ береговъ не лучше? Съ чѣмъ можно сравнить могучую красоту Жигулевскихъ горъ, съ чѣмъ на этомъ Рейнѣ, который и сравнивать смѣшно съ нашей великой рѣкой?—и не къ чему сранивать, конечно. И не одну Волгу. Поѣздивъ по Россіи достаточно, припоминаешь картины береговъ рѣчныхъ, напримѣръ, даже хоть глухаго сѣвера—какія есть мѣста! Самое то, что весь Рейнъ застроенъ городками, забранъ огородами, заставленъ фабриками,— своимъ дымомъ испортившими воздухъ—все это, для истинно любящаго природу, не сравнится съ неизглаголанной, святой, уединенной тишиной широкихъ картинъ русской природы. А послушать ихъ— нѣтъ въ природѣ нашей красоты, нѣтъ воздуха.. Но вѣдь то вѣчные обитатели печальной стороны финской!

Картины береговъ мѣнялись кругомъ, какъ живыя декораціи. Кромѣ виноградниковъ,—которые, какъ картофельные огороды, какъ я уже говорилъ, неукрашаютъ мѣстности—кругомъ много деревьевъ и зелени. Поѣздъ идетъ иногда точно подъ зелеными сводами, по дорожкамъ какихъ то садовъ. Иногда, каштановыя, грушевыя деревья и яблони развѣшиваютъ густыя вѣтви чуть не у самыхъ оконъ вагона. Мелькаютъ хлѣбныя, небольшія поля. Вотъ

красивенькій, какъ игрушка, Бахарахъ, мѣсто дѣйствія прекраснаго гейневскаго разсказа «Бахарахскій Раввинъ». Противъ него, на островѣ, старинный замокъ Пфальцъ высится темными башнями...

— Глядите, сказалъ мнѣ сосѣдъ, на этомъ мѣстѣ нашъ Блюхеръ въ 14 году 1 января перешелъ Рейнъ.

И нѣмецъ съ гордостью указалъ это мѣсто подвиговъ своей родной арміи.

— Тутъ же кажется и русскіе переходили? замѣтилъ я.

— Не знаю, сухо отвѣтилъ тотъ.

И не безъ нѣкоторой горечи, припомнились тѣ событія, о которыхъ стоитъ сказать нѣсколько словъ...

Въ исходѣ 1813 года, союзная армія стала на Рейнѣ. Были морозные, зимніе дни. Но то была не наша суровая сѣверная зима, и рѣка еще не замерзала. Императоръ Александръ былъ одушевленъ и оживленъ дѣломъ освобожденія. Еще до этого, послѣ Лейпцискої побѣды, онъ говорилъ войскамъ русскимъ: вы вчера дрались какъ герои, будьте же нынѣче великодушны къ побѣжденнымъ". И встрѣтивъ за ранштетской заставой Блюхера, бросился къ нему на встрѣчу и съ жаромъ обнялъ его. Что могъ думать почтенный, 72 лѣтній воинъ, при быстрыхъ словахъ императора: «любезный генералъ! Вы вы,—освободитель Германіи!» Особенно, ког-

да вслѣдъ за тѣмъ, король прусскій только пожалъ ему руку и коротко сказалъ что не забудетъ услугъ его.

Планъ военныхъ дѣйствій во Франціи принадлежалъ императору Александру. Извѣстное его письмо отъ 29 октября къ наслѣдному шведскому принцу. Начала этого письма послужили основаніемъ похода. Главная квартира нашего государя была средоточіемъ всей европейской политики *) Всю ночь съ 18 на 20 октября государь провелъ за дѣлами и. распоряженіями. Государь полагалъ, что нельзя освободить Германіи, не доведя дѣло до конца. Короля саксонскаго онъ призналъ военно-плѣннымъ за пособничество Наполеону.

Что же касается нѣмцевъ, нѣсколько не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ этой знаменитой народной войнѣ за освобожденіе», которою нѣмцы такъ гордятся, императоръ Александръ во многихъ случаяхъ ихъ освобождалъ, какъ бы насильно **). Есть историческіе свидѣтельства, подробно подтверждающія это. Подробности эти далеко не безъинтересны при размышленіи о будущихъ судьбахъ пресловутаго единства Германіи. ***)

Баварское правительство, обязанное Франціи увеличе-

---

*) Мил. Дан. Ч. I. Богдан. Ист. Имп. Ак., ч. IV, стр. 303—401.

**) Я уже говорилъ прежде, что по численности войскъ, русскіе были главными освободителями Германіи.

***) Письмо въ 1869 года, послѣній Ф. Г. войны.

ніемъ владѣній, показало такую несостоятельность и вялость относительно патріотическихъ чувствъ, что императоръ Александръ и императоръ Францъ должны были въ долгомъ разговорѣ стыдить и упрекать короля, и едва могли разсѣять его сомнѣнія. Князь Меттернихъ выказалъ полнѣйшее равнодушіе къ судьбамъ Германіи и даже упорно отрицалъ самое ея существованіе, говоря, что это только какая-то «географическая идея». Довольно многіе германскіе владѣтели положительно противодѣйствовали освободителямъ. Императоръ Александръ высказался, что желалъ бы поднять упавшій національный духъ въ тѣхъ, кто измѣняетъ дѣлу освобожденія, но что при своей умѣренности, стѣсняется непосредственно вмѣшиваться въ дѣла самой же Германіи. Король Виртембергскій искренно сожалѣлъ о необходимости отложиться отъ Наполеона, расформировалъ полкъ, дѣйствовавшій противъ французовъ, уволилъ офицеровъ полка и даже хотѣлъ арестовать, пріѣхавшаго для организаціи ландвера, полковника. Великій герцогъ Баденскій открыто заявлялъ какъ онъ сожалѣетъ о томъ, что долженъ принять сторону враговъ Наполеона. Полагаютъ, что въ Гановерѣ умышленно замедлялись народныя вооруженія. Изъ самихъ союзниковъ, шведскій принцъ отклонялся отъ плана похода во Францію. Наконецъ, совѣтъ русскихъ генераловъ, 26 октября, отвергъ совершенно предположеніе переправы

черезъ Рейнъ, не смотря на противуположное мнѣніе государя. Генералы говорили, что Россія уже принесла слишкомъ огромныя жертвы Германіи, а для себя давно не имѣетъ надобности въ продолженіи военныхъ дѣйствій, что настало время ихъ окончить. Король прусскій весьма опасался идти къ Парижу. Но, какъ извѣстно, войска перешли Рейнъ...

Эту радостную вѣсть воинственный Блюхеръ, одинъ мечтавшій о взятіи Парижа, передавалъ въ письмѣ къ роднымъ: «съ расвѣтомъ перехожу я черезъ Рейнъ; но прежде въ этой гордой рѣкѣ смоемъ мы рабство и какъ свободные нѣмцы вступимъ во Францію. Мы возвратимся побѣдителями и отечество встрѣтитъ насъ съ благодарностью, и родные со слезами радости...». И въ длинномъ письмѣ ни одного слова объ тѣхъ геройхъ, которые своею кровью и штыками добыли свободу его родинѣ. Онъ не упомянулъ даже объ нашемъ государѣ, всегда къ нему милостивомъ и въ которомъ одномъ нашелъ онъ могучую поддержку своей мечтѣ о взятіи Парижа.

Планъ перехода былъ готовъ. Но на противоположномъ берегу (мѣсто впаденія Некара въ Рейнъ) стоялъ редутъ съ шестью орудіями, господствовавшими надъ устьями и надо было сначала завладѣть редутомъ, чтобы была возможность наводить мосты. Дѣло было опасное и жестокое.

Умный нѣмецъ, жалѣя своихъ воиновъ, (или надѣясь на русскихъ солдатъ больше, чѣмъ на пруссаковъ?) подъ этотъ первый, страшный ударъ подвелъ нашихъ русскихъ егерей. Ночь была темная. Въ 4 часу, подъ морозное утро, наши молодцы, на лодкахъ и плотахъ, уже сдвинулись тихо къ лѣвому берегу. Три четверти часа продолжался непрерывный пушечный и ружейный огонь, открытый по нимъ французами. Среди этого адскаго огня три раза ходили солдатики наши на приступъ и таки взяли редутъ со всѣми его орудіями. Иноземный, прусскій король, подъѣхавъ, благодарилъ нашихъ героевъ, среди крови и дыма ставшихъ уже твердо на французской землѣ. Холодное зимнее солнце озарило полныя жизни и движенія берега, дымъ костровъ и сверканье оружія движущихся войскъ. Заиграла музыка и, не проливъ ни единой капли крови, нѣмцы-освободители родины стали переправляться на судахъ и по наведенному вскорѣ мосту. Теперь они могли свободно смывать свое рабство въ волнахъ Рейна...

Въ тоже время въ Кобленцѣ русскія войска подъ огнемъ французовъ взяли редутъ и вступили въ крѣпость. Полковникъ Магденко назначенъ былъ комендантомъ.

Дѣйствія же союзныхъ монарховъ относительно нашего государя, вмѣсто уваженія и благодарности, часто показывали самыя коварныя и недостойныя чувства.

Извѣстно, какъ дѣйствовали подъ Франкфуртомъ отряды Платова и партизаны Чернышева, Иловайскаго и графа Орлова-Денисова. Между тѣмъ императоръ Францъ старался устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы первому торжественно вступить во Франкфуртъ, какъ побѣдителю, прежде имп. Александра, и прусскія войска, получивъ для этого новые маршруты, усиленными маршами, шли по 50 верстъ въ сутки. Случайно торжественная встрѣча эта однако не состоялась... Но довольно...

Вотъ и Оберъ-Везель. Чудесныя, старыя развалины виднѣются кругомъ. Вотъ чѣмъ не могутъ похвалиться наши виды—въ нихъ нѣтъ развалинъ этихъ замковъ, этихъ гнѣздилищъ насилія, памятниковъ разбойничества. Развѣ издали увидишь, но совсѣмъ другое: мирную, бѣлую церковь, посвѣчивающую своимъ золотымъ крестомъ...

Но, въ самомъ дѣлѣ, какія красивыя мѣста! Давно хотѣлъ я видѣть эту темно-зеленую, высокую, знаменитую скалу, которая по народному преданію столькимъ служила мѣстомъ гибели. То скала Лорелеи (Lurleis-Felsen), той Лорелеи, о которой нѣмецкіе поэты столько говорили. Невольно смотришь на ея печальную, пустынную вершину. Когда крикнуть, то эхо, говорятъ, повторяетъ крикъ до пятнадцати разъ! Долго глядѣлъ я вслѣдъ уходящей изъ глазъ, безмолвно задумчивой какой-то—

скалѣ. Такъ и кажется, что кто-то долженъ сидѣть тамъ на пустынной вершинѣ и пѣть тоскливую, захватывающую и опутывающую своими чарами волшебную пѣсню. Но стоитъ взлянуть на вяло-занятой, буднично-рабочій видъ теперешняго Рейна, отъ прошлой жизни котораго остались только красивыя развалины да воспоминанія— на эти пароходы. паровозы и фабрики, дымомъ своимъ застилающіе берега и смраднымъ запахомъ этого дыма отравляющіе даже Рейнскій воздухъ—впечатлѣніе пропадаетъ, теряется и чего-то такъ жаль становится...

— На скалѣ Лерелеи картофель посѣянъ, какъ нарочно подбавилъ нѣмецъ къ моимъ размышленіямъ. Какая ужъ тутъ Лорелея на овощномъ огородѣ!

Здѣсь вполнѣ можно оцѣнить все мастерство рейнскихъ картинъ въ новомъ романѣ талантливаго Ауэрбаха. Мнѣ все казалось не ту-ли, не эту-ли дачу имѣлъ въ виду авторъ при описаніи помѣстья богача американца, помѣстья, въ которомъ происходитъ длинная и поучительная исторія воспитанія его хорошенькаго сына и добросовѣстныя колебанія чувствъ и отношеній къ графинѣ терпѣливаго и разумнаго доктора. Но такихъ дачъ здѣсь много....

Мелькаютъ Сенъ-Гоаръ и Боппартъ, куда часто ѣздятъ чахоточные лечиться воздухомъ. На скалѣ какъ бы прилѣпилась маленькая крѣпость Оберланштейнъ.

— Глядите, глядите! говоритъ нѣмецъ.

Подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, на зеленомъ лугу, мелькнуло, сложенное изъ большихъ темныхъ камней, массивное старинное возвышеніе, съ каменными перилами и широкими ступенями всхода, въ родѣ большой каѳедры. Это „королевскій тронъ“. (Konigstuhl).

Какъ давно это было, когда среди толпившагося и волновавшагося кругомъ народа, подъѣзжали къ этому возвышенію на конѣ германскіе князья, всходили на его ступени и оттуда принимали къ разбирательству дѣла и на открытомъ воздухѣ, съ древней, величавой и трогательной простотой, производили судъ и расправу...

Прусскій король въ 1843 году занялся этимъ памятникомъ и его бережно охраняютъ съ тѣхъ поръ. Какую честь дѣлаетъ вѣнценосцу такая заботливость о своей родной старинѣ! Взглянешь на одинъ такой памятникъ и цѣлая жизнь возстаетъ въ своихъ краскахъ...

А вотъ и для своего пребыванія возобновилъ почтенный король многобашенный замокъ Штольценфельсъ съ чрезвычайно красивыми узкими окнами и бойницами. Замокъ стоитъ на обрывѣ, точно виситъ надъ Рейномъ, едва держась на вершинѣ утеса.

Затѣмъ поѣздъ останавливается въ Кобленцѣ, проѣхавъ тихо между высокими стѣнами и рвами этой сильной крѣпости — главнаго города Рейнскихъ провинцій.

Въ этомъ городѣ, родился Меттернихъ. Еще И. В. разсказывалъ мнѣ, что здѣсь на площади св. Кастора, поставленъ родъ памятника съ надписью: «mémorable par la camp. contre les Russes. Préfecturat de Jules Doasan 1812». Полковникъ Магденко въ 1813 г. присоединилъ слѣдующее: «надпись читалъ и одобрилъ русскій комендантъ города Кобленца».

Каменный мостъ, по которому мы проѣхали черезъ Мозель, ведетъ къ сильному форту «Имп. Францъ».

Запомнился мнѣ тутъ особенно красивый замокъ Штольценфельсъ и на островкѣ противъ него живописно-разбросанныя строенія бывшаго женскаго монастыря (Nonnen Wert), всѣ утонувшія въ зелени. Прелестный видъ!

Далѣе идутъ Андернахъ, Кенигсвинтеръ, Годесбергъ (знаменитое вино), въ которомъ любятъ жить англичане. Вотъ и Боннъ съ своимъ университетомъ (гдѣ, говорятъ, есть и русскіе студенты). Въ Боннѣ родился царь музыки — Бетховенъ и ему на Соборной площади воздвигнутъ прекрасный памятникъ. При жизни, великій, глухой маэстро, творецъ Девятой симфоніи, не могъ похвалиться блестящимъ положеніемъ и обстановкой и общимъ уваженіемъ, и былъ признанъ даже въ послѣднее время жизни сумасшедшимъ!...

Поѣздъ мелькаетъ въ тѣни деревьевъ прекраснаго сада королевскаго замка Кельшейернъ...

— Глядите, это Кельнскій соборъ (Dom), говоритъ сосѣдъ.

Далеко виднѣется темная, знаменитая, стройная масса. Кельнъ видѣнъ издалека. Вотъ и онъ наконецъ. Какой старый, тяжелый, темный городъ!

Августа 26 (7 Сент.). Въ воксалѣ, только что я вошелъ, уже начинаютъ приставать какія-то личности, довольно оборваннаго вида. Слышатся въ перебой голоса.

— Не угодно-ли вамъ... Я коммисіонеръ... Я проводникъ...

— Посмотрѣть городъ и соборъ.

— Я все знаю, я все вамъ покажу...

Соборъ, странно-высоко и странно-близко, высится передъ станціей. Ждешь его какъ то не здѣсь. Противъ самаго собора гостинница, куда я и направляюсь и проводникъ, нахальный, грязный малый, за мной.

— Я все знаю, я все покажу...

Говорю, что ничего мнѣ не надо.

— Да вѣдь это недорого.

Говорю, что и недорого не хочу.

Только что успѣлъ выйдти изъ гостинницы—смотрю, мой проводникъ ждетъ у крыльца и идетъ за мной. Куда?

— За вами, вы ждать велѣли.

Такая навязчивость! Я рекомендую ему оставить меня въ покоѣ. Прямо напротивъ надпись: «модель собора».

Прекрасная большая модель. Тутъ же фотографическіе виды Кельна и о-де-колонъ, который вамъ здѣсь на каждомъ углу предлагаютъ. За конторкой стоитъ хорошенькая дѣвушка.

— Вы не купите одеколона?

Нѣтъ.

— Всѣ покупаютъ. Вы хоть только одну стклянку купите. Что же вы уходите и не берете — этого никто не дѣлаетъ...

Двери собора открыты; вхожу по широкимъ ступенямъ и въ сумракѣ сводовъ, со свѣту, еще не вдругъ оглядѣлся, какъ слышу за собой монотонный, знакомый голосъ:

— Картина эта изображаетъ...

Опять мой проводникъ. Отдѣлался обѣщаніемъ жаловаться кому слѣдуетъ, ибо онъ началъ говорить уже грубо.

Оказалось, что я поступилъ не глупо, изгнавъ сего торжника изъ храма; показывать нечего, а платить и безъ того приходится довольно соборному швейцару, важному старику, съ сѣдой бородой, въ красной мантіи, съ булавой и въ черной высокой бархатной шапкѣ. Хотя соборъ доступенъ въ это время безъ всякой платы, но

въ разныхъ мѣстахъ приходится пожертвовать до трехъ талеровъ, чтобы посмотрѣть какъ слѣдуетъ.

Сознавая повидимому вполнѣ важность своего поста, ходитъ швейцаръ среди посѣтителей, которыхъ довольно таки много. Старикъ читаетъ какую-то брошюру, пожимаетъ плечами, подымаетъ брови, какъ бы размышляя о прочитанномъ, и садясь на скамью принимаетъ небрежныя позы. Очевидно рисуется. Вотъ какой-то толстый господинъ вошелъ съ пожилой дамой, растерянно поглядѣлъ кругомъ и по русски перекрестился. Потомъ онъ тоскливо слонялся по собору, и все оглядывался, то-ли онъ смотритъ, что надо, и не надо-ли приставлять кулакъ къ глазу (высшая, какъ извѣстно, степень разсматриванія). Если бы онъ и не говорилъ по-русски съ своей дамой, тотчасъ узнать можно было соотечественника.

Вотъ цѣлое семейство англичанъ съ проводникомъ. Зачѣмъ онъ имъ? Вотъ, говоритъ, Дѣва Марія, Поклоненіе Волхвовъ... Да это и безъ него видно. И кромѣ того всѣ изображенія и памятники надписаны. Хорошо я сдѣлалъ, что не взялъ проводника: его пошлое лицо и заученная, монотонная рѣчь всегда какъ то разстроиваютъ и наводятъ уныніе. Лучше пусть пропадаетъ какая нибудь подробность.

Этотъ удивительный соборъ—послѣднее слово готической архитектуры. Строиться началъ съ 1248—1499 г.

возобновленъ въ 1825 г. и до сихъ поръ еще не достроенъ. Полагаютъ въ народѣ, что онъ не будетъ конченъ никогда—дьяволъ, которому по одной изъ легендъ принадлежитъ планъ, разсердившись на обманувшаго его архитектора, положилъ этотъ зарокъ. Давно уже образовалось цѣлое общество, подъ покровительствомъ прусскаго короля, для окончанія великолѣпнаго зданія. И теперь башни обставлены огромными лѣсами, постройка производится медленно, но съ чрезвычайной точностью и тщательностью. Ветхіе камни замѣняются новыми, и зодчество XIX вѣка вступаетъ въ права древности. Говорятъ что когда всѣ башни будутъ поставлены, то вышина главной будетъ на 40 футовъ больше вышины Страсбургской колокольни—но когда это будетъ? Зарокъ дьявола, или вѣрнѣе экономія въ расходованіи суммъ небогатаго и разсчетливаго общества, къ тому же и жертвующаго можетъ быть не охотно. Сами строители, равнодушные къ окончанію собора какъ великаго храма молитвы,—подвигнуты можетъ быть только отвлеченною мыслью о сохраненіи такого памятника архитектуры. Я хочу сказать, что въ извѣрившемся обществѣ мало увлеченія которое одно строитъ быстро и дѣлаетъ чудеса.

Впечатлѣніе собора поразительно своимъ величіемъ. Это нѣчто такое геніальное и великое, что очень идутъ къ нему легенды о сверхъестественномъ его происхожде-

ніи. Поразительна, прямо отъ входа, эта стройная, сумрачная аллея стремящихся колоннъ—цѣлые снопы колоннъ и впереди, за рѣшетками, и въ пекрещивающихся лучахъ разноцвѣтнаго свѣта главная часовня «Трехъ царей»... На двадцати-саженной высотѣ какими все это вѣнчается и заканчивается чудными стрѣлами сводовъ! Кругомъ каждой колонны, чтобы обойти, надо сдѣлать двадцать шаговъ—а ихъ четыре ряда. Рѣшетки, стрѣлы сводовъ, расписныя стекла, прохладный полусумракъ, звучная, каменная высота собора, какая то величественная простота и несложность подробностей... А тамъ вверху и вдали чуть мерцаютъ, какъ разноцвѣтныя звѣзды, узкія окна хоръ и боковыхъ часовень—Саавердена и св. дѣвы Маріи...

Влѣво отъ входа, на стеклахъ огромныхъ оконъ, еще древняя живопись, а на право уже превосходная, современная—подарокъ покойнаго короля Баварскаго въ 1848 году.

Во все вребыванія въ Кельнѣ влечетъ, бывало, какъ очарованнаго, подъ сумрачные своды. Сидишь и смотришь долго. Постоянно новое и постоянно неуменьшающееся впечатлѣніе. Съ благоговѣніемъ преклоняешься передъ геніемъ и передъ глубокимъ, великимъ религіознымъ порывомъ, создавшимъ *такой* храмъ для хваленія Бога. Это храмъ достойный своего назначенія. И тутъ же швей-

царъ въ шапкѣ, обирающій посѣтителей; туристы съ своими пледами, гидами, смѣхомъ и разговорами, голоса проводниковъ, говорящихъ свои пошлыя рѣчи, скучающія лица шатающихся, какъ въ балаганѣ, зѣвакъ...

Среди молчанія, изрѣдка, въ углахъ и сводахъ великаго собора глухимъ эхомъ и ропотомъ отдастся этотъ смѣхъ и говоръ... И потомъ все, какъ ничтожное мелкое и недостойное, пропадаетъ и теряется въ этомъ каменномъ величіи, въ этой суровой громадѣ.

Да, тутъ есть нѣчто темное и суровое, нѣчто такое, что́ васъ давитъ, возносясь само съ торжествомъ и презрѣніемъ силы, выше и выше, стрѣлами своихъ сводовъ, радужными переливами свѣта и тѣней, расписныхъ оконъ и рядами дивно-простыхъ, могучихъ колоннъ.

И мнѣ, какъ картина, представлялась одна легенда (изъ нѣсколькихъ слышанныхъ мною) о построеніи этого собора. Другія легенды утверждаютъ, что не извѣстны ни время построенія собора, ни его строитель.

Эта же легенда называетъ архіепископа Энгельберта, предложившаго составить планъ собора Альберту Великому, искусному въ зодчествѣ. Долго боролся Альбертъ и страдалъ тѣмъ плодотворнымъ страданіемъ, въ мукахъ котораго зарождаются огненныя мысли и высокія созданія. Эти сомнѣнія, эти думы о томъ, что не достоинъ

ни одинъ храмъ, созданный его воображеніемъ, своего молитвеннаго назначенія, такъ обуревали его великую душу, что не разъ думалъ онъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія.

И вотъ однажды, говоритъ преданіе, сидѣлъ онъ печальный и задумчивый въ креслѣ послѣ вечерней трапезы. Монахи расходились одинъ за другимъ, по кельямъ. Онъ остался одинъ. Все таже мысль жгла его и преслѣдовала, какъ всегда. Въ обширной залѣ долго еще горѣла восковая свѣча,—онъ все сидѣль. Наконецъ она догорѣла и, вспыхнувъ въ послѣдній разъ, погасла. Альбертъ вздрогнулъ, оглянулся—онъ былъ въ совершенномъ мракѣ. И вдругъ комната озарилась необыкновеннымъ свѣтомъ и мужи, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ зодческими орудіями въ рукахъ, жезлами стали водить по стѣнѣ. Огненныя черты потянулись за жезлами и. пораженному Альберту предсталъ на темной стѣнѣ сіяющій очеркъ необыкновеннаго зданія. Художникъ вскочилъ въ восторгѣ съ мѣста — но видѣніе исчезло, а очеркъ храма врѣзался неизгладимо въ его воображеніи и потомъ величавый Кельнскій соборъ, подъ его рукою, покрылъ своими стройными линіями пергаментъ...

Послѣ этой легенды не хочется пересказывать другія, приписывающія дьяволу планъ собора (!) Эти легенды разнообразны. Одна говоритъ напримѣръ, что дьяволъ по-

ставилъ зодчему условіемъ, чтобы душа перваго существа, которое войдетъ въ этотъ соборъ, принадлежала бы ему, дьяволу. Хитрый чортъ вѣрно предположилъ, что самъ зодчій не утерпитъ и войдетъ полюбоваться своимъ созданіемъ первый. Но тотъ оказался еще хитрѣе его и прежде всѣхъ пустилъ въ соборъ—курицу. Тогда разсерженный чортъ сказалъ, что имя зодчаго за это никто не будетъ знать и соборъ никогда не будетъ оконченъ.

И долго преслѣдовалъ меня образъ безмолвной, каменной громады...

Былъ я въ соборѣ нѣсколько разъ. Чтобы идти на верхъ на соборную башню, надо взять у швейцара билетъ въ 15 зилб. Насъ пошло туда цѣлое общество—какіе то нѣмцы, дамы ихъ и дѣти (этихъ зачѣмъ?) Выдавъ намъ билеты, швейцаръ указалъ намъ дверь, мы въ нее вышли и очутились въ недоумѣніи на какомъ то дворикѣ.

— Куда же идти?

— Мы не знаемъ... я тоже...

На лѣсенкѣ видимъ стоитъ ласково-улыбающійся, почтенный нѣмецъ, обритый и въ ермолкѣ.

— Вы вѣроятно хотите, господа (Herrschaften) на верхъ идти, но не знаете куда, говоритъ онъ ласково.

— Да, покажите пожалуйста.

— Если вы мнѣ соберете что нибудь—я бы даже съ

вами пошелъ... Впрочемъ тамъ наверху двери заперты и ключи у меня.

— Вы кто же?

— Я ключарь. Вы конечно поощрите (antreiben) небогатаго человѣка...

Мы сговорились, дѣлать нечего, поощрили небогатаго человѣка, и онъ повелъ насъ вверхъ по чрезвычайно узкой, крутой и темной витой лѣстницѣ.

Всходъ чрезвычайно утомителенъ. До перваго перехода, я думаю, ступеней полтораста, но мнѣ показалось вдвое больше. Отъ безпрестанныхъ поворотовъ голова кружилась и темнѣло въ глазахъ. Но вотъ первый переходъ и хоры. Мы обошли кругомъ и съ хоръ открылись новыя красоты зданія. Это какая то геніальная соразмѣрность и истинная грандіозность. Надписей на стѣнахъ много—русскихъ не замѣтилъ ни одной—въ одномъ узкомъ коридорѣ хоръ, на стѣнѣ, крупно написано «R. Wagnev.»

Мы пошли выше до втораго перехода. Тутъ наше общество значительно уменьшилось—многіе остались внизу, не желая идти дальше. Ноги отказывались служить и мы сѣли на ступени. Оправившись, пошли подъ темными сводами соборной крыши и осторожно посмотрѣли черезъ перила въ широкое отверстіе, продѣланное въ сводѣ (величиною съ довольно порядочную комнату) во внутренность собора. Тамъ ходили маленькіе человѣчки съ ги-

дами и имъ снизу это отверстіе кажется небольшой форточкой. Съ почтеніемъ взглянули мы на огромные столбы и желѣзныя связи, съ болтами и широкими винтами, на которыхъ держатся своды. Тутъ отстало отъ общества нашего еще двое.

Наконецъ вотъ и двѣ послѣднія лѣстницы, въ нѣсколько десятковъ ступеней. Взойдя на первую, выглянули изъ окна—что то замелькало, головокруженіе опять усилилось—и мы еще отдохнули.

— Ну, теперь можете, идемте, сказалъ ключарь, когда свѣжій воздухъ яснаго дня обвѣялъ насъ и мы оправились.

Вчетверомъ, съ привычнымъ ключаремъ, пошли мы на послѣднюю лѣстницу. Съ маленькой, открытой площадки развернулся такой видъ, что я кажется никогда его не забуду. Голова опять закружилась и я долженъ былъ на мгновеніе закрыть глаза и схватиться за столбъ, чтобъ не упасть. Мы были на высотѣ 460 ступеней отъ поверхности земли...

Весь Кельнъ — что я говорю — страна была у насъ подъ ногами. Вдали видны были горы Siebengebirge (Семигорье) близь Драхенфельса, верстъ за тридцать. Рейнъ съ точками пароходиковъ, съ чуть видными дымками поѣздовъ, съ городками, точно нарисованными, разстилался передъ нами. Многочисленныя, кривыя и узкія улицы

стараго Кельна,—это озеро темныхъ аспидныхъ и черепичныхъ кровель, шло, шло — уходило въ поля; поля, рощи и городки уходили дальше, все слабѣе и слабѣе очерчиваясь въ голубой дали...

Подъ самыми ногами, точно скалы и обрывы, лѣпились и высились, одна надъ другой, желѣзныя и аспидныя кровли, и чудныя сквозныя, каменныя украшенія величаваго собора, здѣсь такія массивныя и кажущіяся снизу легкимъ кружевомъ. Изображенія чудовищъ по угламъ, казавшіяся такими небольшими, поражали здѣсь своими размѣрами.

А вотъ и улицы лентами тянутся у самаго собора. Ползутъ, какъ муравьи,—лошади, человѣчки... Вотъ прямо передъ нами длинная линія Рейнскаго моста тянется къ Дейцу, съ своими конными статуйками (это статуйки роста въ два человѣческихъ) и дымомъ поѣзда, идущаго, съ чуть слышнымъ свистомъ, подъ его сводами. Прямо, на одной высотѣ съ нами, громоздятся огромные лѣса и на нихъ преспокойно спятъ привычные рабочіе—на высотѣ почти 500 ступеней!

Но вотъ вся эта картина дѣлается мутнѣе, какъ бы уходитъ въ туманъ, сердце захватываетъ какое то сильное, тоскливое ощущеніе стремленія туда, внизъ, въ эту пропасть... Видно не даромъ, какъ я потомъ слыхалъ будучи въ Парижѣ, на Вандомскую колонну дозволяется

входить не иначе, какъ нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ... Довольно насчитываютъ людей, внезапно бросавшихся внизъ съ этой тревожащей сердце, духъ захватывающей, высоты...

— Не глядите долго внизъ, спохватывается предупредить ключарь.

Сильную слабость и усталость чувствовалъ я, сойдя внизъ, и долго не могъ обнять вполнѣ своего впечатленія...

Былъ я въ соборѣ и во время богослуженія. Но это какъ то разстроило мое впечатлѣніе. Органъ гудѣлъ странно, казалось неполно и неумѣстно, подъ этими величавыми сводами. Хоръ голосовъ, стремясь и возрастая, вноситъ въ молитву благоговѣніе души человѣческой и можетъ ли органъ замѣнить его? Опять невольно вспомнилъ наше родное богослуженіе: можетъ ли быть что лучше и приличнѣе для молитвы какъ клирное пѣніе?

Народу на скамьяхъ довольно. И по всей церкви, нисколько не стѣсняясь богослуженіемъ, какъ по галереямъ, ходятъ со своими гидами и пледами путешественники— и провожатые, по всѣмъ угламъ, монотонно болтаютъ свои заученныя рѣчи. Правда, на колоннахъ виситъ объявленіе печатное, что во время богослуженія по собору ходить не дозволяется, и красный швейцаръ си-

лится остановить неприличную топотню и болтотню, — но это мало помогаетъ. Да и не разсчетъ быть слишкомъ строгими,—путешественники доходная статья. Да, нѣмцы и въ самомъ дѣлѣ снисходительны — только плати... Но все-таки какъ то оскорбительно видѣть, даже со стороны, этихъ господъ, шляющихся Богъ знаетъ зачѣмъ, именно когда не надо и за чѣмъ то залѣзающихъ даже за престолъ... Въ соборѣ!.. Надо еще сказать, что странныя и безвкусныя новѣйшія украшенія значительно нарушаютъ важную величавую, готическую красоту хорныхъ мѣстъ и престола. Впечатлѣніе геніальной несложности цѣлаго непріятно нарушается этими изображеніями, раскрашенными изваяніями, разодѣтыми пышно и безвкусно въ какія-то лоскутья, напоминающіе современныя платья...

Въ главной часовнѣ, позади алтаря, поставленъ ковчегъ, въ которомъ хранятся останки трехъ царей-волхвовъ, прибывшихъ въ Виѳлеемъ. Въ 1170 г. Барбаруса, послѣ взятія Милана, принесъ эту святыню въ даръ городу. Въ большіе праздники двери ковчега растворяются и видны три вѣнца, которыми украшены цари... Прежде все это было разубрано золотомъ и драгоцѣнными камнями; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ грабежей, которымъ подвергалась святыня,—нѣмцы нашли излишнимъ возстановлять это въ прежнемъ видѣ. Золотые вѣнцы могутъ быть и изъ бронзы; вмѣсто камней могутъ быть и деше-

выя стекла. Гейне хвалилъ же французовъ, дѣлавшихъ изъ церквей конюшни, и относился съ восторгомъ къ шествію Наполеона, къ безпощадному, все на пути попирающему — границы, обычаи, вѣрованія, троны — кровавому, безотрадному шествію этого истиннаго, законнаго сына революціи...

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ВЕЙМАРА.

(Тюрингенвальдъ).

Передъ отъѣздомъ зашелъ въ красивое, каменное зданіе, называемый «Lesemuseum».—Онъ находится на противуположной отъ моего отеля сторонѣ бульвара и его колоннаду я видѣлъ изъ окна. По чистой, каменной лѣстницѣ, напоминающей лѣстницы нашихъ великолѣпныхъ зданій въ Петербургѣ, поднялись мы въ небольшой, чистый залъ съ дверью, растворенною на балконъ—залъ, уставленный двумя длинными столами, за которыми сидѣло нѣсколько нѣмцевъ, съ газетами въ рукахъ. Въ этомъ учрежденіи, за 4 талера въ годъ, можно имѣть всевозможные французскіе, англійскіе и нѣмецкіе газеты и журналы. Я было поторопился похвалить веймарцевъ, при своихъ скудныхъ средствахъ, устроившихъ все-таки себѣ такую прекрасную вещь — но остановился, узнавъ, что зданіе это выстроено Великой Княгиней Маріей Павловной, и основной капиталъ на выписку книгъ положенъ ею же.

Вообще имя нашей Великой Княгини *) приходится слышать довольно часто въ Веймарѣ, при исчисленіи какихъ-либо полезныхъ учрежденій. Она жила тутъ во время Гёте и Карла-Августа и, какъ я слыхалъ, была немаловажною вкладчицею, при назначеніи пособій и пенсій знаменитостямъ, прославившимъ Германскіе Аѳины.

Только одна нѣмецкая враждебность можетъ, при мелочно-подробномъ описаніи Веймара **) не упоминать о щедротахъ, изливавшихся на него обильно нашими Государями. Льюисъ, въ своей извѣстной книгѣ о Гёте, перечисляя лица, составлявшія дворъ Карла-Августа, и упоминая даже о какомъ-то Бертухѣ, *ни разу* не упомянулъ имя Великой Княгини, жившей въ то время въ Веймарѣ, вѣроятно потому, что нѣмецкіе источники, которыми онъ пользовался, не говорятъ объ этомъ... О. В. также одинъ изъ подписчиковъ въ Lesemusem'ѣ, но конечно не на русскіе журналы, ибо въ этомъ учрежденіи и *нѣтъ и никогда не было ни одной русской странички!* Неужели это не въ высшей степени характеристично?!

О. В. былъ такъ любезенъ, что проводилъ меня до станціи желѣзной дороги, и въ ожиданіи поѣзда мы, на

*) В. К. Марія Павловна супруга Герцога Саксенъ-Веймарскаго. Дочь ея принцеса Луиза—нынѣ королева Прусская.

**) Weimar und Iena S. 1851.

прощанье, разговаривали. Собесѣдникъ мой передалъ мнѣ подробности, начинающагося на Западѣ, сильнаго движенія въ пользу православія. Гаферли, его пріѣздъ въ Москву, церковь въ Бермингамѣ, *православная* церковь!.. Какія времена и какіе повороты!..

Въ интересной брошюрѣ профессора Овербека (переведенной и изданной О. В.) *). Многое наводитъ на мысли, не сходящіяся съ проповѣдями нашихъ страстныхъ любителей западной жизни, силящихся навязать ее намъ во что бы ни стало...

«То великій римскій расколъ, говоритъ Овербекъ, — папа отдѣлился отъ вселенской церкви, которую Востокъ сохранялъ и сохраняетъ до настоящаго времени чистою и неизмѣнною...» Куда идти, въ отчаяніи продолжаетъ онъ. «Не можемъ мы сдѣлаться протестантами, бросившими Библію въ христіанство, какъ яблоко раздора. Не можемъ сдѣлаться, такъ называемыми, «свободно-мыслящими», уничтожающими всякую религію?..» Мы принимаемъ все чистое, Православное ученіе и св. правила Седми Вселенскихъ Соборовъ, и отвергаемъ всѣ злоученія и злоупотребленія, которыя отвергаетъ и Православная Церковь. Это наше основное Положеніе. Да приметъ насъ въ свое общеніе Православная Церьковъ!..»

---

*) „Православная" Каѳолическая церковь" Овербека, доктора философіи и богословія и профессора.—Спб. 1869 г. стр. 32.

Видно и изъ самаго средоточія «цивилизаціи», одинъ изъ самыхъ цивилизованнѣйшихъ—докторъ богословія и профессоръ —нашелъ у отдаленнаго, «варварскаго» народа нѣчто достойное принятія... И однако это *нѣчто* — не важнѣе ли всѣхъ ихъ философскихъ системъ, и не крѣпче ли и могучѣе, чѣмъ всѣ эти измышленія, которыя, повидимому, внушали такія большія надежды и такъ горделиво выступали... Видно не можетъ душа человѣческая помириться и, среди всѣхъ условій и удобствъ современности — вдругъ находитъ ихъ ничтожными и жаждетъ твердаго, на чемъ-бы можно было остановиться...

Поѣздъ тихо прошелъ надъ рвами крѣпости, и стѣны Эрфурта мелькнули въ окнахъ. Улицы крѣпости тихи и довольно неоживлены. Эрфуртское гулянье — Steiger — пусто. Какой шумъ, движеніе и оживленность кипѣли тутъ свѣтлыми, сентябрскими днями 1808 г. Эрфуртъ принадлежатъ тогда Наполеону. Множество придворныхъ съ мебелью, посудою, и труппа артистовъ (въ томъ числѣ Тальма) тронулись вмѣстѣ съ нѣсколькими полками французской гвардіи и арміи изъ Парижа сюда. Наполеонъ, невнимательно и наскоро отпустивъ короля, членовъ Союза, дипломатовъ, торопился выѣхать на встрѣчу нашему императору и даже поскакалъ, въ нетерпѣніи, на своей кровной арабской лошадкѣ, по Веймарской дорогѣ. Им-

ператоры обнялись. Пушечная пальба и колокольный звонъ встрѣтили ихъ въ городѣ. Начались переговоры. Между тѣмъ шли спектакли. Наполеонъ въ театрѣ, на патетическихъ мѣстахъ, пьесы, жалъ руки императору Александру, не обращая вниманія на цѣлый партеръ венценосныхъ посѣтителей (parterre des princes); затѣмъ была охота въ Эттербурскомъ лѣсу, въ Веймарѣ, на которой были между прочими Гёте и Виландъ. Уединившись съ ними въ уголъ, Наполеонъ говорилъ о Тацитѣ. О Шекспирѣ онъ сказалъ Гете: удивляюсь, какъ съ вашимъ великимъ умомъ, вы не любите этихъ твореній въ рѣзкомъ родѣ (genres tranchés) *). Потомъ всѣ завтракали на полѣ Іенскомъ, Наполеонъ, по просьбѣ нашего Государя, уступилъ Пруссакамъ 20 мил. франковъ изъ контрибуціи **). Обнявшись дружески, простились императоры. И чѣмъ потомъ кончились эти охоты, спектакли, дружескія изліянія и литературные разговоры?..

Вотъ и высокая гора Зеебергъ съ зданіемъ обсерваторіи, въ которомъ теперь помѣщается трактиръ, а обсерваторія перенесена въ Готу, и резиденція Герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго выдвигается передъ нами своими зданіями. Вотъ Готскій банкъ, вотъ двѣ высокія башни дворца (въ которыхъ помѣщенъ Музеумъ), вотъ

*) Тьеръ. IX 366.

**) Богдановичъ. Ист. Ц. Им. А. 1868 т. II 384.

еще два дворца — итого три — только въ Готѣ. Конечно есть еще загородные дворцы и все это въ такомъ маленькомъ герцогствѣ!

За Готой начинается знаменитый Тюрингервальдъ, гора Тюрингскаго лѣса, которая тянется на 20 миль. Она покрыта прекраснымъ, береженымъ лѣсомъ; вправо и влѣво мелькаютъ утесы, деревья. Шумятъ, прыгая и пѣнясь по камнямъ, потоки, глубоко, подъ мостами...

Теперь самое время путешествія по Тюрингервальду и много путешественниковъ уже начали путь — изъ Рудольстадта, Веймара, Готы... Семь дней и болѣе употребляютъ обыкновенно пѣшеходы на обходъ горы, любуясь красивыми видами и (кто посвѣдущѣе) предаваясь историческимъ воспоминаніямъ, которыми эта мѣстность богата. Обыкновенно берутъ съ собой проводниковъ (въ сутки болѣе талера). Они забираютъ путниковъ въ свое распоряженіе, останавливаютъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо любоваться, гдѣ можно споткнуться, гдѣ слѣдуетъ отдохнуть... Проводники вездѣ, гдѣ мнѣ случалось ими пользоваться, наводили на мена, своею привычною манерою и пошлостью, непреоборимую тоску и уныніе. Представьте себѣ только человѣка, который всю жизнь убиваетъ на показываніе одной и той же мѣстности и на ежедневный, конечно уже заученный и надоѣвшій ему, восторгъ на извѣстныхъ мѣстахъ. Нельзя вообразить че-

ловѣка развитаго и не пошлаго, который бы взялся за это ремесло показыванія природы... При этомъ надо вспомнить, что есть выгода, такъ сказать, для него въ томъ, чтобы по возможности присматриваться къ вкусамъ своихъ временныхъ принципаловъ, и по возможности больше и больше отвыкать и отказываться отъ своихъ личныхъ впечатлѣній, если бы они у него и были.

Нѣкоторые виды съ этой горы, полной историческихъ преданій и еще сохранившихся, средневѣковыхъ замковъ, — очень красивы и живописны. Сколько мнѣ случалось замѣтить, разговаривая, большая часть путешественниковъ, особенно русскихъ, изъ этихъ странствій не выноситъ рѣшительно ничего, и естественно забываютъ тѣ историческія свѣдѣнія и примѣчательности, которыя сообщаетъ имъ гидъ и проводникъ. Интереснѣе всѣхъ тѣ, привыкшіе къ удобствамъ люди, которые отъ усталости даже сердятся, приходятъ въ самое дурное расположеніе духа, природой въ жизнь не любовались — и все-таки чего-то ползутъ на гору... И это только чтобы сказать: и я былъ! «Auch ich war in Arkadien!...» Много видѣлъ я такихъ добровольныхъ мучениковъ...

— Скажите, пожалуйста, что же показываютъ, напримѣръ, проводники?

— О, очень много, очень много, отвѣчаетъ румяный, молодой баварецъ — учитель, скромно куря тонкую и скверную сигару. Онъ насъ останавливалъ и говорилъ: глядите, какой прекрасный видъ! И мы глядѣли и это было дѣйствительно прекрасно (und das war wirklich schön). Мы впятеромъ нанимали проводника. Для одного это было бы дорого...

— Но что же напримѣръ?

— Я не могу припомнить... вотъ, долина Шварцталь, потомъ гора Шмюке... Да это все въ моей картѣ есть, прибавилъ онъ и вытащилъ изъ кармана засаленную карту. Тутъ красными черточками отмѣчены мѣста живописныя, а зелеными — историческія...

— Это пріятно.

— Очень пріятно! Сейчасъ все видно... Знаете ли напримѣръ на стѣнѣ охотничьяго домика (Jägerhäuschen) Гёте написалъ одно стихотвореніе — я списалъ...

Ueber allen Gipfeln
Ist Ruh...

— Оно есть въ собраніи стиховъ Гёте...

— Да, но я списалъ его точь въ точь такъ, какъ оно имъ на стѣнѣ написано... Знаете, со Шнеекопфа видѣнъ Кифгейзеръ. Вы иностранецъ и конечно не знаете легенды...

— Знаю.

— Да? Но это все, конечно, вздоръ... Подземелій этихъ нѣтъ. Это — легенда... понимаете?

Въ подземельяхъ мрачнàго Кифгейзера дремлетъ, сидя у каменнаго стола старый императоръ... Рыжая борода его проросла въ столъ... Но настанетъ день, и онъ вдругъ проснется и схватится за мечъ—раздастся ржаніе коней, долго, недвижно стоявшихъ; проснутся спавшіе воины императора — прогремятъ трубы и будетъ Германія едина... Не раздался ли теперь этотъ звукъ трубный? Но бородатый Барбарусса остался въ подземельи, прислушиваясь къ начинающемуся движенію—что то будетъ? Что то сдѣлаетъ съ единствомъ Германіи этотъ обритый, большой, полный человѣкъ съ проницательнымъ и умнымъ взглядомъ, подъ широкимъ козырькомъ неуклюжей каски... Онъ взялъ на себя такъ много — но и средства его по-современнѣе: тонкій умъ, и блестящая рѣчь, и воины Германіи, имъ вызванные, съ современными ружьями, можетъ быть побольше сдѣлаютъ, чѣмъ закованные въ желѣзо, неповоротливые воины стараго императора...

Эти горы зовутся Кифгейзеръ. Тамъ есть
Подземелья, пещеры, подвалы
И такъ призрачно лампы качаются тамъ,
Озаряя высокія залы...

— Чьи это стихи вы говорите? спросилъ баварецъ.

— Это вашего Гейне...

— Да? Я читалъ нѣкоторые стихи этого поэта — они прекрасны! Глядите: это Инзельбергъ, а вонъ то — Горзельбергъ!

Горзельбергъ!... Со вниманіемъ гляжу на право и стараюсь запомнить красивыя, угрюмыя очертанія этой лѣсистой горы. Ибо это знаменитая гора Венеры...

Христіанская, средневѣковая Тюрингская легенда, смѣшивая богиню Гольду (Фрейя) съ греческою богинею, разсказываетъ, что здѣсь, въ пещерахъ этой горы, жила она, съ своими нимфами и заманивала къ себѣ несчастныхъ путниковъ. Разъ войдя подъ сумрачные своды ея чертоговъ, они уже не возвращались болѣе къ жизни и солнечному свѣту. Легенда называетъ имя рыцаря Тангейзера, завлеченнаго, между прочими, въ подземелья Горзельберга... Искусство воспользовалось этою легендою. Она составляетъ основу извѣстной, небольшой поэмы Генриха Гейне и пятиактной оперы Рихарда Вагнера.

Интересно, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, припомнить, что сдѣлали изъ этой легенды современные поэты.

Содержаніе поэмы Гейне, хотя и въ весьма плохомъ переводѣ, болѣе или менѣе извѣстно русской публикѣ.

Начинаясь ироническимъ восклицаніемъ:

Ihr guten Christen lasst euch nicht
Von Satah's List umgarnen! *)

Оно съ разу какъ бы даетъ этимъ тонъ всей пьесѣ. И тонъ этотъ выдержанъ до конца.

Рыцарь томится, мучится и тяготится жизнью своею въ подземныхъ чертогахъ. Онъ начинаетъ, въ первой главѣ поэмы родъ семейной ссоры съ Гольдой. «Развѣ каждый день не подавала я тебѣ самое сладкое вино и не вѣнчала каждый день розами?» говоритъ она—ты хочешь со мной только ссориться. Сколько тысячъ разъ клялся ты не оставлять меня».

— Только я подумаю, отвѣчаетъ онъ, объ тѣхъ богахъ и герояхъ, которые тебя любили.

Dein schöner, lilienweisser Leid
Er wird mir schier verleidet.

Богиня глубоко оскорбляется. «Лучше бей меня, какъ ты часто билъ — чѣмъ упрекать любовными связями — неблагодарный, холодный христіанинъ!...

Во второй части поэмы—рыцарь въ Римѣ. Онъ кается папѣ Урбану. Въ прекрасныхъ, пылкихъ словахъ разсказываетъ онъ свою любовь къ богинѣ. «Пламя этой любви

*) „Добрые христіане! Не давайте сатанѣ уловлять васъ въ свои сѣти!“ H. H. T. 16 S. 235. Aus ihrer Nase rann das Blut.

сжигаетъ—не то ли уже это адское пламя, въ которомъ я буду горѣть вѣчно?» Папа отвѣчаетъ, что грѣхъ отпустить нельзя, ибо дьяволъ, называемый Венерой, ужаснѣе всѣхъ... Рыцарь, узнавъ, что не можетъ получить спасенія, возвращается въ подземные чертоги...

Чѣмъ же это все кончается? Ничѣмъ. Богиня встрѣчаетъ рыцаря, вскакивая съ кровати. Кровь течетъ у ней изъ носу (?) и слезы изъ глазъ*). Тѣмъ и другимъ орошаетъ она лицо любимаго человѣка... Рыцарь ложится на кровать, а богиня бѣжитъ на кухню и варитъ ему супъ; потомъ моетъ его израненыя ноги и спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ. «У меня было дѣло въ Римѣ и надо было наблюсти за нимъ и поторопить, отвѣчаетъ онъ; я видѣлъ тамъ папу — онъ тебѣ кланяется». «Съ с. Готарда я вдругъ услышалъ храпѣнье Германіи — она тамъ спала внизу, подъ тихою охраною 36 монарховъ»... Затѣмъ до конца поэмы идутъ остроты надъ тѣми германскими городами, черезъ которые проходилъ рыцарь — и все!

Я нарочно остановился нѣсколько на этомъ произведеніи—на одномъ изъ образцовъ того искусства, которое все больше и больше подымаетъ свой голосъ. Папа посылаетъ поклонъ дьяволу, богиня, съ кровью изъ носу, бѣжитъ на кухню варить супъ. Фаустъ-фланеръ со стек-

---

*) Den Augen die Thränon entflossen.... (T. 16. S. 24)

лышкомъ въ глазу, Менелай въ калошахъ и съ зонтикомъ — очень смѣшно... Но какое мрачное остроуміе!

Искусство это мрачно потому, что не любитъ ничего, не вѣритъ ни во что — и въ себя конечно — и какъ милостыни, скандальными остротами, вымаливаетъ себѣ жалкаго вниманія у жалкой публики. И только, чтобы придать себѣ видъ *чего нибудь*—утверждаетъ, что это разрушеніе идеаловъ старыхъ, во имя созданія какой то *новой* жизни. Но оно все-таки слишкомъ умно, чтобы въ глубинѣ печальнаго сердца не чувствовать пустоты... И пусть только начавшіе это опасное дѣло увидѣли бы *кто* пустился вслѣдъ за ними—они бы себя устыдились!

Нѣмецъ — Вагнеръ — отнесся ко всему этому иначе. Есть мнѣніе, что опера заимствована имъ въ мысли у Гейне *). Во всякомъ случаѣ, въ исполненіи и пониманіи задачи, ничего нѣтъ общаго. Тангейзеръ Вагнера, которому противѣетъ ужасная жизнь сладострастія въ пещерахъ Горзельберга и который ищетъ чистой, истинной любви, и нашелъ ее въ лицѣ Елисаветы, но въ состязаніи пѣвцовъ прорывается невольно бурною

---

*) Въ 1842 году, когда Гейне велъ свою *музыкальную лѣтопись* въ Пирижѣ, тамъ жилъ и Вагнеръ, тогда еще молодой. Онъ очень бѣдствовалъ — Ріензи не хотѣли ставить. Въ это время онъ дѣйствительно на сюжетъ Гейне (Шнабельв. гл. IV) написалъ извѣстную оперу „Fliegende Holländer“.

пѣснью въ честь языческой богини — это конечно нѣчто иное. Самыя фигуры Елисаветы и Венеры, одной — воплощенія дѣвственной чистоты и героической прелести, и любви безъ границъ, готовой на жертвы, и другой—развращеннаго желанія, поражающаго какой то адской нѣжностью — все это и въ замыслѣ и въ исполненіи имѣетъ въ себѣ что то сильное и энергическое. Но эта борьба —жажды чистой, истинной любви съ жаждой разврата— эта неудовлетворяемость настоящею любовью и даже какъ бы презрѣніе къ ея простымъ наслажденіямъ — не напоминаетъ ли чего то близкаго?... Не напоминаетъ ли всю ту возню въ душѣ извѣрившагося, извратившагося современнаго человѣка, отъ которой не можетъ отдѣлаться современный поэтъ и художникъ, хотя бы и носились передъ нимъ суровые образы и тѣни средневѣковой легенды....

СОДЕРЖАНІЕ XXIII ТОМА.

Библіотеки Современныхъ Писателей.

СТРАН.

Въ четырехъ стѣнахъ. Повѣсть 1

Изъ подневныхъ замѣтокъ.

Страна горъ 199

Веймаръ. Тюрингенвальдъ 243

Рейнъ. Кёльнскій соборъ 263

Отъѣздъ изъ Веймара 291

ОТПЕЧАТАНО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ 23 ТОМА

БИБЛІОТЕКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

ВЪ КОТОРЫЕ ВОШЛИ:

Очерки и Разсказы, соч. **Глѣба Успенскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Раззоренье.—Старьевщикъ. — Идиллія. — Зарокъ не пить, соч. **Глѣба Успенскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Нравы Растеряевой Улицы.—Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ.—Прогулка.—Бойцы.—Извощикъ. — Соч. **Глѣба Успенскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Въ чужомъ полѣ, романъ въ двухъ книгахъ, **Петра Бобарыкина**. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Вѣчный мужъ, разсказъ **Ѳедора Достоевскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Картины изъ русской жизни, соч. **Н. Успенскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Николай Негоревъ, или благополучный россіянинъ, соч. **Ив. Кущевскаго**. Два т. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Фаня (Очерки прошлаго), соч. **А. Чужбинскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Убійство въ деревнѣ Медвѣдицѣ.—Помочь. С. Панова. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дуэлисты.—Городъ Смуровъ, А. Чужбинскаго. Ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

Доброе старое время. (Очерки былаго). **А. Милюкова**. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

На западѣ и на востокѣ (Очерки) **Вс. В. Крестовскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Изъ-за благъ земныхъ, романъ въ четырехъ частяхъ. Два т., **В. Авсѣенко**. Цѣна 2 р. 50 съ пер. 2 р. 80 к.

Грѣшница. Волчиха. А ей весело—она смѣется!.. П. Засодимскаго. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Окольнымъ путемъ, повѣсть. **Въ морѣ житейскомъ**, литературный жанръ, **В. Авсѣенко. Столичный воздухъ**, эскизъ петербургскихъ нравовъ, **Д. В. Григоровича.** Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Лѣнтяй. Его воспоминанія, наблюденія и замѣтки.—**Про одну старуху, Глѣба Успенскаго.** Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Разсказы и Путевыя воспоминанія,—А Милюкова. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Запечатлѣнный ангелъ.—Рождественскій разсказъ.—**Монашескіе острова на Ладожскомъ озерѣ.**—Путевыя замѣтки, **Н. С. Лѣскова.** Цѣна 1 руб. 25 к., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

Изъ походныхъ очерковъ.—1) Отъ штаба до зимнихъ квартиръ.—2) Базарный день въ Свислочи.—3) Облава на утокъ.—4) Буяновъ—мой сосѣдъ, **Вс. В. Крестовскаго.** Ц. 1 руб. 25 коп., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

Заозерье. Очерки и разсказы.—1) Незадача.—2) Каменный островокъ.—3) Главы изъ неоконченной повѣсти.—4) Хористы.—5) Необычайный случай.—6) Воронъ.—7) Первый снѣгъ.—8) Три ключа.—**Н. Боева.**—Цѣна 1 р. 25 коп. съ пересылкой 1 р. 50 к.

Въ четырехъ стѣнахъ. Повѣсть. Н. Боева Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

Каждый томъ можно получать отдѣльно.

Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго переулка, д. Франка.

LIBRARY OF CONGRESS
00023322523

LIBRARY OF CONGRE
0 002 332 252

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 332 252 3